

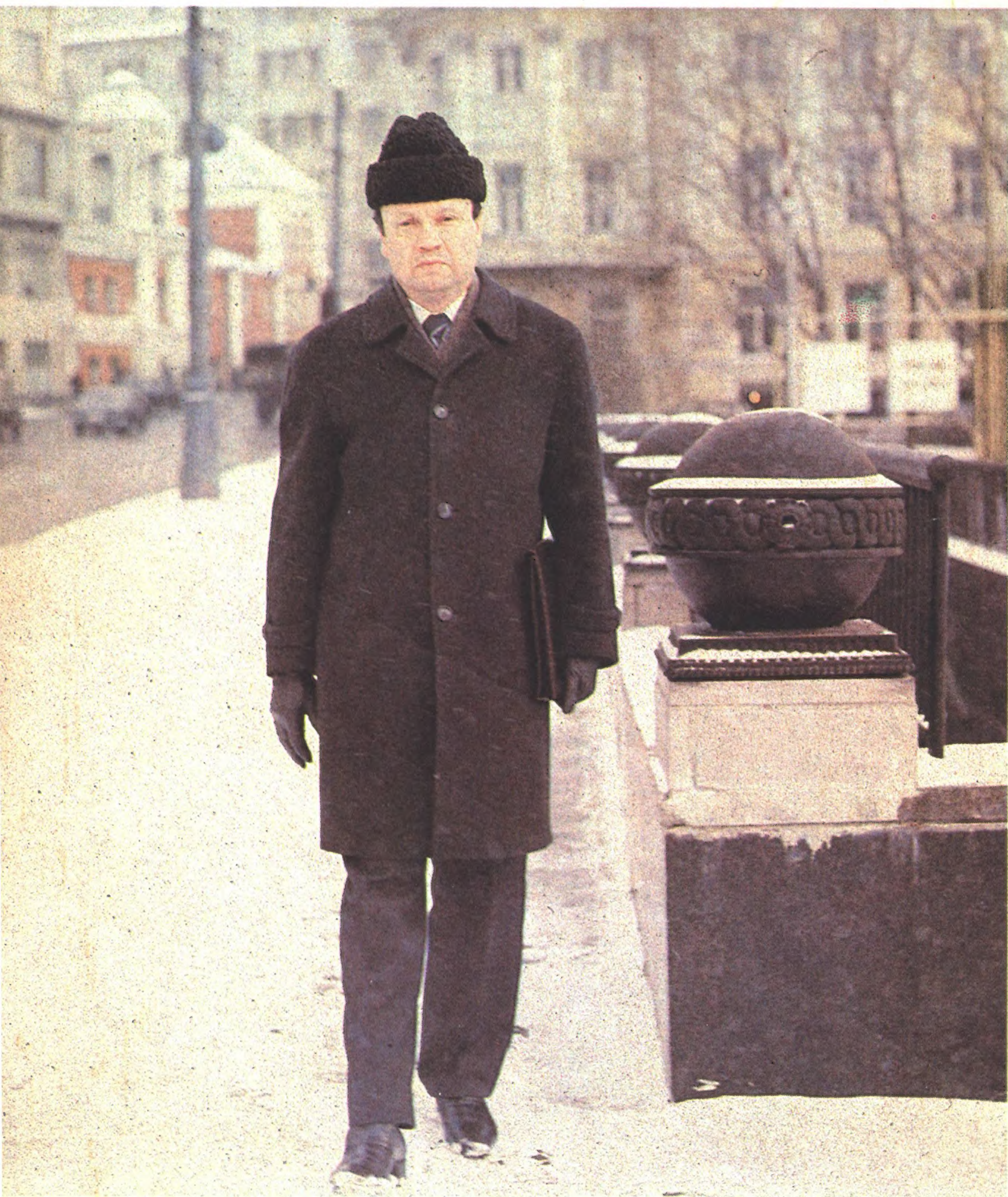
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

2

1990

В июне прошлого года создан Союз юристов СССР. Первым председателем этого Союза стал известный пропагандист правовых знаний, кандидат юридических наук Андрей Адамович Требков. Беседу с ним читайте на стр. 74.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 2 (230) ФЕВРАЛЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Шаги судебной реформы.
Беседа с Председателем
Верховного суда СССР
Е. СМОЛЕНЦЕВЫМ 3

К. МУСАЭЛЯН. «ЧП» про-
курорского масштаба 13

Комментирует Пресс-центр
МВД СССР 21

В Союзе юристов СССР 24

25

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В. КУЧЕР. Законы... «для
служебного пользования»? 25

Б. МОСКАЛЕНКОВ. Такая
тонкая нить 32

Правомерен ли возрастной
ценз? Отклики читателей
на статью А. КАТЕШТЕРА
«Противоречит Конститу-
ции?» 35

39

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

А. АНОСОВ. Кошунство 39

46

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ
ДИРЕКТОРА 46

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ
Н. КОВАЛЕВА. Вовремя ос-
тановиться 47

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИ-
КУМ 50, 128

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
«Пройдемте, гражданоч-
ка!...» 51

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ
Если нельзя взыскать али-
менты. На письма читате-
лей отвечает В. СТРОИКОВ 54

ОТ «А ДО Я»
Н. КОРШУНОВ. Таможен-
ное право 58

61

К. ГРЕКОВ. Майкопский
«Негус». Документальная
повесть 61

74

СОБЕСЕДНИК

Союз юристов — пора становления. Беседа с председателем Союза юристов СССР А. ТРЕБКОВЫМ 74

Ю. СВЕРДЛОВ. Осетр вызывает о помощи. Заметки журналиста и комментарий юриста 81

С пьедестала... за решетку. Беседа с доктором юридических наук Г. МИНЬКОВСКИМ 90

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»
З. СЕМЕНЯК. Не взывай и жалости 103

105

ПРАВО ЯЗЫКОМ ИСКУССТВА

Л. СИМКИН. Правосудие не терпит суеты. Заметки о фильме «Процесс» 105

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,
В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
Е. В. СМЕРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,
А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ,
И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

Фото в номере В. ЗИМИНА

109

В. СВИНЦОВ. Натюрморт с яблоками. Сцены из провинциальной жизни 109

123

ФЕЛЬЕТОН

А. УХВАТОВ. «Пить или не пить?» 123

126

КРОССВОРД

Знаете ли вы право? 126

На первой странице обложки: десантник парашютно-десантного полка рядовой МИХАИЛ МУСТОВСКИЙ

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ШАГИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

В ноябре 1989 года Верховный Совет СССР принял ряд законов, непосредственно относящихся к отправлению правосудия. В связи с этим наш корреспондент Владимир СТРЕЛКОВ обратился к Председателю Верховного суда СССР Е. А. СМОЛЕНЦЕВУ с просьбой прокомментировать эти новые акты.

— Евгений Алексеевич, не прошло и трех месяцев со дня нашей последней встречи, когда Вы разъясняли положения Закона «О статусе судей в СССР» (№ 11 журнала за прошлый год), а нам снова приходится беседовать — ведь буквально настоящий шквал законов «обрушился» на судебные органы.

— Что ж, хотя это и не «шквал», но, действительно, принят целый ряд важных законов. Такова особенность нашего времени. Трудно найти закон, который существовал бы сам по себе, обособленно от других. Все законы непосредственным образом связаны друг с другом, зависят друг от друга, взаимодействуют, дополняют друг друга. Стоит изменить один, как незримые нити потянутся к остальным, заставят внести изменения в них. Именно такой процесс происходит сейчас, когда в ходе судебной реформы вносятся коренные изменения в действующее законодательство и принимаются принципиально новые законы.

Скажем, принял Верховный Совет Закон «О статусе судей в СССР» — сразу возникла необходимость в новых Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве. Потому что, например, значительная часть статей прежних Основ была посвящена порядку избрания судей, народных заседателей, их отчетности, требованиям, предъявленным к кандидатам на эти должности, регламентации отзыва и досрочного прекращения полномочий судей. Почти третья часть Основ! А теперь необходимость иметь эти статьи в Основах отпала, потому что все эти положения кодифицированы в Законе СССР «О статусе судей в СССР».

— Очевидно, что это лишь одна из причин принятия новых Основ. Вспомним, Евгений Алексеевич, сколько споров было вокруг проекта этого закона, сколько предложений — и многие из них реализованы в статьях закона. Не только исключены многие старые, но и введены статьи принципиально новые, существенно реконструированы другие.

— Это верно. Возьмем, к примеру, статьи 5 и 18 Основ законодательства о судоустройстве, которые предусматривают введение

нового института судей по административному и исполнительному производству. Теперь на районные (городские) народные суды в лице не только народных судей, но и судей по административному и исполнительному производству возлагается рассмотрение дел об административных правонарушениях, отнесенных к их ведению законодательством Союза ССР и союзных республик. Судьи по административному и исполнительному производству будут рассматривать дела об административных правонарушениях, а по поручению председателя районного (городского) народного суда и контролировать работу судебных исполнителей. В ряде случаев, предусмотренных законодательством союзной республики, они станут рассматривать вопросы, связанные с исполнением в порядке гражданского судопроизводства решений судов и других органов. Обратите внимание: Основы не устанавливают, какие требования должны предъявляться к кандидатам в судьи по административному и исполнительному производству, не определяют порядок их отзыва и досрочного освобождения, привлечения к ответственности. Все эти вопросы будут решаться законодательством союзных республик.

Почему потребовалось внести в закон это новшество? Потому, что в последнее время резко увеличилась нагрузка на народных судей по делам об административных правонарушениях. Это объясняется усилением борьбы с мелким хулиганством, мелкой спекуляцией. Кроме того, в разряд административных правонарушений были переведены простая контрабанда, самогоноварение, употребление наркотиков. И получилось так, что в среднем народном судье приходилось рассматривать ежемесячно до 50 дел об административных правонарушениях. И это — помимо уголовных и гражданских дел. Можно ли ожидать высокого качества работы при такой нагрузке? Новый институт судей по административному и исполнительному производству призван существенно разгрузить народных судей, усилить контроль за исполнительным производством по уголовным и гражданским делам, который пока явно недостаточен в наших судах. Наконец, это новшество поможет более строго отбирать кандидатов на должности судей, кадры которых можно будет готовить, хотя бы частично, за счет судей по административным делам.

— Интересно, что в новые Основы введены статьи, которые регламентируют порядок деятельности секретаря судебного заседания и аппарата суда. В ранее действовавших Основах ничего подобного не было. И, скажем, о деятельности секретаря судебного заседания подавляющее большинство граждан судило разве что по произносимым им традиционным словам «Прошу всех встать, суд идет!». Больше же ничем эта молчаливая скромная фигура, что-то беспрерывно записывающая во время судебного заседания, себя не проявляла...

— Вот именно — скромная! Но только внешне. Потому что за скромностью скрывается напряженная, ответственная работа важной процессуальной фигуры. Именно на ее плечи ложится большая часть подготовки к судебному заседанию, наконец — ведение протокола, ответственного документа, в котором подробно и точно должен быть отражен весь ход судебного процесса, включая заявления и ходатайства участвующих в деле лиц, некоторые определения суда, подробное содержание показаний, вопросы эксперту и его ответы, результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по собиранию доказательств, указания на факты, которые участвующие в деле лица просили удостоверить в протоко-

ле, указания на факты нарушения порядка в зале судебного заседания, краткое содержание судебных прений и последнего слова подсудимого, а также множество других деталей процесса. И подписывается протокол двумя лицами: председательствующим и секретарем судебного заседания. Так что определение статуса секретаря судебного заседания было уместным и целесообразным, оно, по существу, восстановило справедливость по отношению к этому ответственному лицу. То же можно сказать и об аппарате суда, который обеспечивает его работу по осуществлению правосудия, обобщению судебной практики, анализу судебной статистики. Иначе говоря, аппарат суда также выполняет ответственные функции, без которых весьма сложно организовать работу органа правосудия.

— А чем была вызвана необходимость вносить изменения в ряд статей, например, о равенстве граждан перед законом и судом, о праве граждан на судебную защиту и другие? Ведь все это содержалось и в ранее действовавших Основах.

— Само время продиктовало необходимость внести такие изменения и дополнения. Начну со статьи 6 Основ, посвященной обеспечению равенства граждан перед законом и судом. Обратите внимание: в новой редакции в перечень условий, которые не должны влиять на отправление правосудия, на вынесение судебного решения в отношении конкретных лиц, включено должностное положение гражданина, чего раньше не было. Думается, комментарии здесь излишни.

Затем — статья 7 о праве граждан на судебную защиту. Новое здесь то, что сюда введено указание о праве граждан на судебную защиту от посягательств не только на честь, достоинство, жизнь, здоровье, на личную свободу и имущество, но и на все иные права и свободы, предусмотренные Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик и советскими законами. А ведь сюда относятся свобода совести, демонстраций, уличных шествий, митингов и другие, значение которых для граждан очевидно.

Теперь обратимся к очень важной новелле, установленной в статье 11 Основ. Если ранее понятие коллегиальности в суде первой инстанции было однозначным: судья и два народных заседателя, то в новых Основах указывается на возможность рассмотрения дел по первой инстанции в расширенном составе судей и народных заседателей. Это еще более демократизирует процесс, позволяет включить в него на равных с судьями условиях большее число граждан, избранных народными заседателями. Это, несомненно, положительно скажется на уровне правосудия, повысит его объективность и независимость. Тем более что в случаях, предусмотренных союзным или республиканским законодательством, предоставляется возможность расширить состав суда как за счет народных заседателей, так и за счет профессиональных судей.

— У меня к Вам, Евгений Алексеевич, вопрос, может быть, не совсем деликатный, но все же требующий разъяснения. Мне вспоминаются Ваши выступления в печати, не одобряющие предложения о введении института суда присяжных. Однако в принятых Основах устанавливается, что в порядке, установленном законодательством союзных республик, по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей).

— Да, и при обсуждении проекта Основ в Верховном Совете я

придерживался того же мнения. Однако как только Основы были приняты и стали законом, для меня это также стало законом. Теперь наша задача — помочь разработать оптимальную форму деятельности суда присяжных. Ведь пока что здесь много неясного. Например, какие у него должны быть полномочия, должен ли этот суд выносить только вердикт, то есть решать лишь один вопрос о виновности подсудимого, либо он может выносить приговор в целом. Есть и другие вопросы. Предстоит изучить судебную практику, опыт зарубежных стран, выбрать все наилучшее для нашей страны. Но каждая союзная республика будет решать эти проблемы самостоятельно.

Существенным новшеством является дополнение, касающееся открытого разбирательства дел в судах. Как вы помните, до принятия Основ существовало положение, согласно которому слушание дела в закрытом заседании допускалось лишь в случаях, установленных законом, с соблюдением при этом всех правил судопроизводства. Теперь же в самих Основах установлено, что во всех случаях, в том числе и при рассмотрении дел в закрытом заседании, судебные решения провозглашаются публично. Тем самым повышается гласность судопроизводства, что в нынешних условиях естественно и необходимо.

Очень важен вопрос и о презумпции невиновности. Конституция СССР провозглашает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судопроизводстве дополняют и уточняют это конституционное положение тем, что виновность обвиняемого должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда. И это резонно, потому что не вступивший в законную силу приговор не может повлечь какие-либо правовые последствия для осужденного, в том числе и в вопросе установления его виновности.

Принципиальное значение имеет и статья 16 Основ об участии прокурора при рассмотрении дел в судах. В ранее действовавших Основах предусматривался надзор прокурора за исполнением законов при рассмотрении дел в судах. Но ведь такое положение противоречило основным принципам правосудия, умаляло верховенство и независимость суда. Любой надзор за судом, в том числе по линии прокуратуры, ставит под сомнение принцип независимости суда. К тому же такая функция не предусмотрена Конституцией СССР, а теперь не согласуется и с Законом СССР «О статусе судей в СССР». Вот почему в новых Основах говорится лишь об участии прокурора в рассмотрении дела как равной с защитником стороны в процессе.

Изменение даже одного слова в законе порой влечет изменение всего его содержания. К примеру, в старых Основах устанавливалось, что Министерство юстиции СССР и его органы на местах осуществляют организационное руководство судами. Но ведь органы государственного управления, какими являются Министерство юстиции и его органы на местах, не могут управлять судами, под каким бы предлогом это ни делалось. Ныне же, в новых Основах, на Министерство юстиции и его органы на местах возложено только организационное **обеспечение** деятельности судов, при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону. На Минюст и его органы возлагаются и без того весьма важные и

ответственные задачи — по разработке и внесению в соответствующие Советы народных депутатов предложений по вопросам организации работы судов, проведению выборов судов, осуществлению подбора и подготовки кандидатов в судьи, повышению квалификации кадров судов, их материально-техническому обеспечению.

— Мы, Евгений Алексеевич, очень много говорим о независимости судей, подчинении их только закону. Основные гарантии этого конституционного принципа устанавливаются в Законе «О статусе судей в СССР». Но не кажется ли Вам, что на деле все не так благополучно, как мы хотим? Что до сих пор действует «телефонное право», на суды все, кому не лень, оказывают «силовое давление». За примерами далеко ходить не надо. Вот определение Загорского городского народного суда Московской области от 3 сентября 1989 года, подписанное председательствующим народным судьей А. П. Утешевым и двумя народными заседателями. В нем говорится: «Суд считает, что данное уголовное дело необходимо направить в другой народный суд, поскольку на состав суда со стороны руководителей и работников Загорского ОВД осуществляется нажим, чтобы по указанному делу был вынесен обвинительный приговор. Так, 7 сентября 1989 года, когда состав суда перед началом судебного заседания находился в рабочем кабинете народного судьи Утешева А. П., в кабинет вошли заместители начальника Загорского ОВД Бабакин Ю. В. и Баскаков Б. В. и потребовали от состава суда вынесения обвинительного приговора, а если обвинительного приговора по указанному делу не будет, то народному судье Утешеву и им * в правоохранительных органах не работать». В связи с этим определением дело было передано на рассмотрение в Пушкинский городской народный суд Московской области...

— С этим фактом я не знаком. Но если такое произошло, то нет слов, чтобы дать должную оценку этому вопиющему безобразию со стороны тех, кто сам в первую очередь должен уважать и соблюдать законы, являться примером для других. За подобные выходы надлежит привлекать к самой строгой ответственности.

Таким образом, совершенно очевидно, насколько своевременно был принят Верховным Советом СССР 2 ноября 1989 года Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду». Напомню, что, проводя в жизнь конституционный принцип независимости судей и народных заседателей и подчинения их только закону, Закон «О статусе судей в СССР» указывает, что независимость судей и народных заседателей обеспечивается, в частности, ответственностью за неуважение к суду и вмешательство в разрешение судебных дел. И хотя как в гражданско-процессуальном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве содержался ряд норм, касающихся ответственности за невыполнение требований суда, специальных же норм об ответственности за вмешательство в разрешение судебных дел не было. Не было и специальных норм об ответственности за угрозу по отношению к судье или к народному заседателю, за оскорбление этих лиц, а также непринятие мер по частному определению суда или представлению судьи. Понятно, что подобное положение, когда судья или народный заседатель фактически оказывался беззащитным перед угрозами или оскорблениями, отнюдь не способствовало росту авторитета и престижа правосудия и, следовательно, уважению к закону.

* Имеются в виду Ю. В. Бабакин и Б. В. Баскаков (прим. ред.).

Конечно, нельзя заставить уважать суд лишь одними жесткими санкциями. Как говорится, насильно люб не будешь. Ведь десятки лет судьям нередко приходилось идти на поводу у начальства районного, областного, а иногда и более высокого масштаба. «Независимость» судей была в таких случаях чисто бумажной. Формы давления на непокорных людей были самые разнообразные: угрозы неизбрания на новый срок, отказ в предоставлении судье квартиры, а суду — в новом помещении или его ремонте. Были и случаи, когда выездное заседание суда собиралось где-либо в районе, приходило много людей, а начать суд оказывалось невозможно только из-за того, что «обиженный» директор совхоза или руководитель организации не отпустил с работы народного заседателя.

Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду» должен помочь радикально решить эти проблемы, причем обратите внимание, поскольку принцип независимости и неприкосновенности судей установлен Конституцией СССР, то и связанные с ним нормы об ответственности за неуважение к суду имеют одинаковое действие на территории всей страны. Иначе говоря, единые общесоюзные нормы призваны повсеместно укрепить независимость судей и престиж суда. Однако это не исключает того, что в республиках могут быть приняты дополнительные нормы об ответственности за неуважение к суду и за вмешательство в судебную деятельность по осуществлению правосудия.

Итак, уже в первой статье этого Закона установлено, что воздействие в какой бы то ни было форме на судей или народных заседателей с целью воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению конкретного дела либо добиться вынесения незаконного решения наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей. А если те же действия совершаются с использованием служебного положения, то виновные наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок от одного года до двух лет. Уголовная ответственность предусмотрена как в отношении граждан, так и должностных лиц, но с той особенностью, что если противоправные действия совершены с использованием служебного положения, то и наказание будет назначено более строгое. Надеюсь, принятие законодателем таких мер заставит серьезно задуматься любителей «телефонного права».

Следующая статья Закона устанавливает уголовную ответственность за угрозу убийством, насилием или уничтожением имущества по отношению к судье или народному заседателю, а равно к их близким родственникам в связи с осуществлением судьей или народным заседателем правосудия. Виновный за такую угрозу может быть подвергнут лишению свободы на срок до двух лет или исправительным работам на тот же срок. Третья статья предусматривает наказание за оскорбление судьи или народного заседателя в связи с их деятельностью по осуществлению правосудия. Обе эти статьи усиливают правовую защищенность судей и народных заседателей, ведь нередки случаи, когда и тем, и другим в связи с их деятельностью угрожают, оскорбляют их. В отношении работников милиции и народных дружинников в законе имелись специальные нормы, предусматривающие ответственность за их оскорбление в связи с исполнением ими возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, а в отношении судьи и народного заседателя такого, к сожалению, не было, теперь этот пробел восполнен.

Важной является и статья Закона об ответственности за неисполнение судебного решения. Например, при восстановлении гражданина на работе, защите его чести и достоинства и во всех других случаях должностное лицо, получив решение, приговор, определение или постановление суда, умышленно не исполняет его либо умышленно препятствует его исполнению. Виновный в этом преступлении наказывается штрафом от трехсот до тысячи рублей.

Вместе с тем, согласно Закону, судья может теперь и в административном порядке налагать взыскания за такие правонарушения, как проявление неуважения к суду, воспрепятствование явке в суд народного заседателя и непринятие мер по частному определению (постановлению) суда или представлению судьи.

Неуважением к суду Закон считает такие действия, как злостное уклонение от явки в суд свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика либо неподчинение этими лицами и другими гражданами распоряжению председательствующего. Неуважением к суду считается также нарушение порядка во время судебного заседания, равно как и совершение кем бы то ни было действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к органу правосудия или установленным в суде правилам. Наказание за такие нарушения — административный арест на срок до пятнадцати суток или штраф в размере до ста рублей.

Надо сказать, что некоторые администраторы не очень охотно отпускают с производства народных заседателей для выполнения возложенных на них обязанностей в суде. Особенно — хороших работников, потому что это, дескать, сказывается на общей производительности труда. При этом придумываются самые разнообразные предлоги: срыв плана, загруженность работой, местные командировки и многие другие. По Закону СССР «Об ответственности за неуважение к суду» судья может наложить в административном порядке штраф в размере до ста рублей на должностное лицо, которое под каким бы ни было предлогом воспрепятствовало явке в суд народного заседателя.

Наконец, Закон устанавливает ответственность за непринятие мер по частному определению (постановлению) суда или представлению судьи. Это тоже очень важная норма. Напомню, что, скажем, согласно уголовно-процессуальному законодательству, суд при наличии к тому оснований одновременно с постановлением приговора выносит частное определение, которым обращает внимание руководителей учреждений, предприятий, организаций и других лиц на причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и требует принятия соответствующих мер. Руководители этих учреждений и организаций, должностные лица обязаны в месячный срок сообщить суду о принятых ими мерах. Частное определение может быть вынесено и по результатам рассмотрения гражданского дела, принятие мер и по такому определению также обязательно. К сожалению, некоторые руководители и должностные лица, получив частное определение, даже не считали нужным ответить на него. Теперь закон заставит их со всей ответственностью относиться и к этой обязанности, ибо оставление без рассмотрения частного определения (постановления) суда или представления судьи, либо непринятие мер к устранению указанных в них нарушений закона, а равно несвоевременный на них ответ повлечет наложение на должностное лицо административного взыскания в виде штрафа в размере до ста рублей.

Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду» вступил в действие уже с 1 декабря 1989 года.

— Нельзя не обратить внимание, Евгений Алексеевич, что новые законы очень большое внимание, как никогда до этого, уделяют ответственности должностных лиц. В связи с этим, видимо, необходимо прокомментировать и Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», который вводится в действие с 1 июля 1990 года.

— Да, он будет введен вместо принятого 30 июня 1987 года Закона СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», который к 1 июля 1990 года утратит свою силу, хотя, надо признать, применение его в какой-то мере содействовало повышению ответственности должностных лиц за надлежащее выполнение служебных обязанностей, связанных с соблюдением прав граждан. Так, на рассмотрение судов в 1988 году поступило по этим вопросам свыше 3 тысяч жалоб, а в первом полугодии 1989 года их было более 2 тысяч. Значительная часть жалоб судами удовлетворена и таким образом восстановлены права значительного числа граждан.

И все же... Как показала практика применения этого закона, он оказался недостаточно эффективным, потому что должностные лица, уходя от решения того или иного вопроса, предпочитают нередко проводить свои отрицательные решения через коллегиальные органы, обжаловать которые в суд было нельзя, даже если они были вынесены с нарушением закона и ущемляли права граждан. Правда, и в то время в силу действовавших законов граждане имели довольно широкие права на судебную защиту, но это в случаях, если возникал спор, вытекающий из имущественных, трудовых, жилищных, колхозных, изобретательских и некоторых других правоотношений.

Но можно назвать немало и таких случаев, когда в результате принимаемых коллегиальными органами незаконных решений человек лишался возможности полностью или частично осуществить свое право либо защитить себя. К примеру, статья 20 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик предоставляет некоторым гражданам право на первоочередное получение жилых помещений. Такое право имеют члены семей погибших или пропавших без вести на фронте воинов, лица, страдающие тяжелыми формами некоторых хронических заболеваний, учителя и другие педагогические работники общеобразовательных школ и профессионально-технических учебных заведений и другие. Как видите, речь идет о весьма существенном праве. Но вот человеку в коллегиальном органе управления неправомерно отказали в осуществлении его права, а обжаловать такое решение в суд он не мог, поскольку принято оно было коллегиально.

Или же такая проблема. В соответствии с существующим порядком не подлежит обжалованию в суд отказ в постановке на учет по улучшению жилищных условий или снятие с такого учета, поскольку решение этих вопросов отнесено к компетенции специально образованных при исполкомах комиссий. Так вот, с 1 июля 1990 года заинтересованные граждане и в этом случае получают право на судебную защиту. И вообще теперь устанавливается право на обжалование неправомерных действий любого коллегиального органа государственного управления, осуществляющего исполнительные и распорядительные функции, в том числе и исполкомов местных Советов,

министерств, государственных комитетов и иных органов управления.

Возникает вопрос: а можно ли в таком случае обжаловать акты органов государственной власти, включая решения Советов народных депутатов? Нет, судам такого права не дано, потому что в соответствии со статьей 125 Конституции СССР функции конституционного надзора осуществляет Комитет конституционного надзора СССР.

Скажу и о том, возможно ли обжалование в суд действий коллегияльных органов общественных организаций. Как известно, общественные организации (партийные, комсомольские, профсоюзные и др.) действуют на основе уставов, в которых определен и порядок обжалования решений их коллегияльных органов. Так, решение об исключении из членов КПСС может быть обжаловано вплоть до КПК при ЦК КПСС и даже до съезда КПСС. Суд, разумеется, рассматривать подобные жалобы не может.

Устав кооперативных организаций, как об этом сказано в статье 11 Закона «О кооперации в СССР», «является основным документом, регулирующим их деятельность». Порядок обжалования решений коллегияльных органов кооператива определяется уставом, иными нормативными актами, а также Законом «О кооперации в СССР». Так, решение общего собрания об исключении из членов кооператива может быть обжаловано в суд. Если гражданин, не являющийся членом кооператива, работает в нем по трудовому договору, судом могут рассматриваться все его трудовые споры с кооперативом, в том числе и жалобы на решения коллегияльных органов.

Хочется обратить внимание на содержащееся в законе положение, согласно которому жалоба на действия органа управления или должностного лица может быть подана в суд только после предварительного обращения к вышестоящему в порядке подчиненности органу или должностному лицу. Такой порядок во многих случаях обеспечивает более оперативную защиту нарушенных прав и успешнее содействует борьбе с бюрократизмом, а во многих случаях также освобождает граждан от необходимости обращаться в суд.

В законе также говорится о том, что, если при рассмотрении жалобы гражданина суд придет к выводу, что был нарушен установленный порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, если имели место волокита, зажим критики и иные нарушения законности, суд выносит частное определение и направляет его вышестоящим в порядке подчиненности должностному лицу или органу, а те обязаны в месячный срок сообщить суду о мерах, принятых по этому частному определению. Ну, а выше я уже рассказывал, какие последствия для должностных лиц могут наступить, если они не примут таких мер.

— Но ведь может случиться и такое, что при рассмотрении жалобы суд обнаружит признаки преступления в действиях должностного или другого лица. Например, факт преследования граждан за критику?

— Согласно статье 139¹ УК РСФСР (подобные статьи есть в уголовных кодексах других союзных республик), умышленное ущемление должностным лицом прав и охраняемых законом интересов гражданина, связанное с преследованием его за подачу в установленном порядке предложений, заявлений, жалоб либо за содержащуюся в них критику, а равно за выступление с критикой в иной форме, наказывается штрафом до трехсот рублей или увольнением

от должности. А если теми же действиями был причинен существенный вред правам и охраняемым законом интересам граждан, то виновный наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок от одного года до двух лет, или увольнением от должности. Так вот, в случае обнаружения такого преступления суд сообщает об этом прокурору либо может сам возбудить уголовное дело.

В заключение хочу сказать, что, несмотря на кажущееся большое количество новых законов, принятых в области судебной деятельности, это, по существу, лишь начало сложнейшей работы по проведению судебной реформы, по пересмотру норм уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, обновлению и приведению всей правовой системы в соответствие с современными условиями развития нашего общества.

ВСТРЕЧА ЮРИСТОВ

В конце прошлого года в Москве состоялась научно-практическая конференция, организованная Всесоюзным обществом «Знание», Союзом юристов СССР, Институтом государства и права Академии наук СССР.

С докладами и сообщениями выступили вице-президент АН СССР, заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание» академик В. КУДРЯВЦЕВ, Генеральный прокурор СССР А. СУХАРЕВ, министр юстиции В. ЯКОВЛЕВ, первый заместитель Председателя КГБ СССР Ф. БОБКОВ, заместитель министра внутренних дел СССР И. ШИЛОВ, председатель Союза юристов СССР А. ТРЕБКОВ, члены-корреспонденты АН СССР Д. КЕРИМОВ, Б. ТОПОРНИН и Г. ШАХНАЗАРОВ, декан юридического факультета МГУ профессор М. МАРЧЕНКО.

В конференции принял участие Первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. ЛУКЬЯНОВ.

Как отмечалось на конференции, формирование социалистического правового государства выдвинуло задачу четкого правового регулирования отношений, связанных с действием экономической реформы, социалистических предприятий, кооперации, аренды и арендных отношений, единой налоговой системы, республиканского хозрасчета и финансированием, самоуправлением в местном хозяйстве.

Особое внимание было уделено обсуждению вопросов, связанных с совершенствованием законодательства, обеспечением реальной защиты прав, свобод и правомерных интересов граждан, обучением и воспитанием юридических кадров, кардинальным улучшением системы юридической информации, повышением правовой культуры населения.

Критически проанализировав сложившуюся в стране ситуацию, рост преступности, конференция выработала рекомендации по основным направлениям деятельности юристов-практиков и юристов-правоведов.

С. МОРОЗОВ

ПРОКУРОРСКОГО МАСШТАБА

Переписка с прокурорами — наша повседневность. Это будни отдела писем редакции. Изю дня в день направляем письма, жалобы, заявления наших читателей с просьбой проверить, разобраться, помочь, принять необходимые меры, «о результатах проверки известить редакцию и автора письма». Но чтобы в журнал «Человек и закон» обратился за помощью прокурор... Такого еще не было. Да, именно за помощью и защитой обратились в редакцию прокурор Александровского района Томской области Г. Зебзеев и помощник районного прокурора А. Исанин.

Что же случилось? Да возможно ли, чтоб кто-то покусился на прокуроров, на юристов, у которых есть высокие полномочия осуществлять в соответствии с Конституцией СССР высший надзор за точным и единообразным исполнением законов? Внимательно вчитываюсь:

«О Прокуратуре СССР, Закон СССР от 30 ноября 1979 г. (с последующими изменениями и дополнениями)». Статья 27 — «Обязанность исполнения требований прокурора»: «Требования прокурора об устранении выявленных им нарушений закона... обязательны для исполнения всеми органами, должностными лицами и гражданами, которым они адресованы. Должностные лица и граждане за неисполнение требований прокурора несут ответственность в установленном законом порядке».

Однако получилось, что одни несут ответственность, о которой в законе речь, а иные, скажем, Ю. В. Битко, председатель Александровского райисполкома... Впрочем, все по порядку.

«ИМ ВЕРЫ НЕТ»

В райцентр Александровское, маленький таежный поселок, я вылетела вместе с товарищами из Томского облисполкома и Томского обкома партии. У гостиницы с утра выстроилась очередь на прием к корреспонденту журнала «Человек и закон». Но почему не в свой, не в Александровский райисполком? Отвечали: «Им веры нет». И выкладывали на стол пачки документов.

Областные товарищи ушли в райисполком и заперлись там в кабинетах. (А я-то думала, поработаем вместе...)

Позже пришлось их «ловить» в Томске. По телефону. Словом, так мы и не встретились.

Председателя райисполкома Ю. Битко мне тоже увидеть не удалось — в отъезде. Можно предположить, что он и в самом деле не знал о нашем приезде? Это против его методов руководства, против телефонного права выступила районная прокуратура.

Берусь за документы прокурорской проверки, читаю письма, жалобы (их около сотни), прослушиваю диктофонную запись, листаю газетные подшивки...

В районной газете «Северная звезда» письмо ветеранов войны и труда.

«В то время, как средства массовой информации передают о перестройке на всех уровнях, вплоть до ЦК КПСС и Верховного Совета, у нас идет настоящая «охота за ведьмами». Жизненно важные для района решения принимаются председателем исполкома, его заместителями и несколькими «карманными» членами райсовета — в большинстве руководителями организаций, подчиненных исполкому, а потому зависимых. Правда, когда к нам только направили председателем исполкома Битко (заметьте, его никто не избирал!), ему достался не столь единодушный райсовет. Но подошли выборы, и те, кто не всегда соглашался с председателем, уже не депутаты. Из-за несогласия со стилем работы Битко ушли 16 руководителей из сорока.

Мы перестали верить в возможность перестройки. Ведь все антиобщественные и противоправные действия председателя и его защитников из горкома и обкома КПСС прикрыты правильной терминологией, хотя нет-нет и прорвется: «Развели демократию!» Ю. Битко утверждает, что в Томской области не было лет застоя, что «испытанные временем методы руководства вовсе не плохи», и вовсю использует их.

И выходит, что наши функционеры на словах, да и то не всегда, за перестройку, а на деле — рьяные ее противники: она им невыгодна, может лишить покоя, власти и предоставляемых ею благ...

П. С. Пиксимов, Н. Я. Дмитриев, Б. А. Хмелек, А. Ф. Соловьев, Г. Ф. Максимов — члены КПСС; В. А. Синкин, В. А. Гонне, В. П. Шевчук».

В райцентр, рассказывают, приехали инструктор обкома партии Ю. Колясников и представитель облисполкома А. Пестриков. Побеседовали персонально с каждым, подписавшим письмо. Вскоре приехал и заместитель заведующего орготделом В. Сибикин. Решили: каждого коммуниста, подписавшего письмо, обсудить в первичных организациях и примерно наказать. Мутят жалобщики воду в сложный момент перестройки, пытаясь использовать ее в эгоистических целях.

Судьбы правдоискателей были горькими.

Следователь райпрокуратуры В. Синкин вел дело по поводу покушения на убийство из нарезного оружия, незаконно хранившегося у одного из руководителей «со связями». Синкина не раз приглашали в горком КПСС, где секретарь Е. Дмитриев требовал «не зарываться», прекратить дело. Грозил: «Останешься без работы!» Синкин доказывал: закон есть закон. Для всех. Вне зависимости от рангов.

Синкина уволили по сокращению штатов. Сократили его должность, которую восстановили через полгода. Синкина в прокуратуру не вернули. Дело закрыли. Е. Дмитриев пошел на повышение...

Другой строптивец, П. Пиксимов, был арестован по ложному доносу.

Рассказывает С. Стекольников, дочь Пиксимова: «Подъехали две милицейские машины, выскочили восемь человек, окружили дом, словно это воровская «малина». Стали производить обыск, требуя показать, где хранятся... золото и оружие. Подняли с постели мою тяжелобольную мать (она фронтовичка, награждена орденами и медалью). Умоляя не позорить их, прекратить произвол, мама трижды падала в обморок, но милиция продолжала обыск с каким-то остервенением: все было перевернуто вверх дном...»

С пустыми руками не ушли: изъяли 17 удостоверений к наградам, ордена, медали, личную переписку. Описали имущество, на которое наложили арест: два ковра, старенькое пианино «Вятка», телевизор «Рекорд» и четыре хрустальных стакана.

Бывший прокурор Александровского района (сегодня он прокурор по надзору за следствием в областной прокуратуре) подписал постановление о взятии подозреваемого под стражу.

Пиксимова выпустили через 43 дня, извинились за ошибку. Опозоренный, униженный, отсидевший в одной камере с уголовниками, он стал почти инвалидом. Умерла жена — не выдержала случившегося. Но не присмирел. Требуется наказать Ю. Битко и тех партийных работников, которые спровоцировали травлю. Настаивает на публичном извинении.

Его поддерживают другие строптивцы. И уже другие ветераны пишут:

«Произвола в отношении Пиксимова могло не быть, если бы горком КПСС, Александровский райисполком и его председатель Битко проявили бы самокритичность, принципиальность и чувство элементарной справедливости. Но горком и райисполком поддержали виновников произвола. Сторонним наблюдателем остался Томский обком КПСС. Чем можно объяснить, что даже после выступления газеты «Советский патриот», осудившей произвол, его виновники не наказаны, а поощрены: прокурор района Приемов освобожден от должности с повышением, а старший следователь Приколотин понижен в должности с повышением оклада?! Это порождает мнение, что перестройке в Томской области организовано противодействие бюрократический аппарат советских и партийных функционеров. Они работают теми методами, которые привели страну к кризису.

А. Е. Папов, Т. Н. Торопов, А. Н. Торопов — члены КПСС; К. А. Абрашкин, Д. Т. Сурин, В. С. Холодов, В. И. Шашев, И. Т. Полтавец».

Новый прокурор Г. Зебзеев и его помощник А. Исанин получили тяжелое наследство. Внимательно изучив жалобы, вникнув в местные проблемы, они взялись за дело профессионально. Районная прокуратура утверждала: закон есть закон. Для всех. Вне зависимости от рангов.

Не тут-то было!

«ЧП» В ГАЗЕТЕ

Первый секретарь горкома партии Л. Влесков приказал снять из номера газеты «Северная звезда» (орган Стрежевского ГК КПСС, городского и Александровского районного Советов народных депутатов) статью помощника районного прокурора А. Исанина «Где твой светлый лик, справедливость?».

Из неопубликованной статьи Исанина:

«Последнее, что взбудоражило жителей Александровского, было известие, что исполком выделил четырехкомнатные квартиры в двух-

этажном коттедже, с подвалом, чердаком и земельным участком, председателю райисполкома Ю. Битко и главврачу райбольницы В. Борзову. Было чем возмущаться: оба занимали благоустроенные просторные квартиры, жилплощадь на каждого члена семьи превышала нормативы, в улучшении жилищных условий ни один не нуждался, в списках очередников не состоял».

Будь упомянутая статья опубликована и приняты меры к восстановлению законности, может, не было вот таких слов, о которые спотыкаешься в каждом втором письме: «Мы не верим в перестройку», «Мы не верим в Советскую власть».

Советская власть и перестройка персонифицируются в сознании. Не доверяя председателю исполкома Ю. Битко, первому секретарю горкома партии Л. Влескову, покорному редактору «Северной звезды» П. Мусорину, люди теряют веру в реальность социальных перемен.

«Я не приказывал снять статью! Я лишь... не рекомендовал ее публиковать,— сказал мне Л. Влесков.— Публикация могла вызвать кривотолки, усугубить социальную напряженность».

Убедительно? Предоставляю об этом судить читателю. Замечу лишь, что кривотолки, вызванные самоуправством Битко, гуляют всюду. Социальная напряженность усугубляется.

В Александровском около тысячи семей ждут улучшения жилищных условий от пяти до пятнадцати лет. Мыкают горе по чужим углам, в квартирах с подселением, в аварийных домах, в бараках, в девятиметровках без удобств, где старики спят в креслах — негде поставить кровать. И вот на их глазах вырастает особняк для председателя райисполкома, который уже располагает благоустроенной трехкомнатной квартирой на троих, где на каждого члена семьи значительно больше тех самых семи квадратных метров, которые являются верхней границей для постановки на учет по улучшению жилищных условий в соответствии с законом. Еще точнее — с соответствующими правилами, утвержденными Томским облисполкомом на основании действующего жилищного законодательства. Однако все тот же облисполком идет на нарушение собственных правил.

«Согласитесь, что предоставление квартиры Битко противоправно», — пыталась убедить я руководителей района и области, ссылаясь на закон. «Нет, — твердо отвечали мне, — это не нарушение: мы же коллегиально обсудили вопрос и приняли соответствующее решение». «Выходит, налицо коллегиальное нарушение закона?» «Но должны же руководители жить в человеческих условиях!» — искренне возмущались они тем, что никак не постигну я столь очевидной истины.

Да, руководители, как и все прочие, должны, безусловно, жить в «человеческих условиях». Но я не могу понять, почему благоустроенная трехкомнатная квартира, в которой проживал председатель райисполкома, — «нечеловеческие условия», а вот бараки и аварийки для сотен, как их называют, «простых» тружеников — норма. Не могу понять, как те, кто декларирует с высоких трибун новое мышление и человеческий фактор, по закоренелой привычке застойных лет все еще делят сограждан на «простых», которых за нарушение закона можно привлечь к ответственности, и на людей, стоящих у кормила, которые могут себе такое позволить — обойти закон. Вот люди и пишут в жалобах: «Перестройка до нас так и не дошла».

Щедрой рукой раздавал предисполкома жилье руководящим товарищам. Из шестидесяти квартир, выделенных за год, около поло-

вины «роздано» в обход закона. В обход первоочередников, людей, которые действительно остро нуждаются в жилье.

Из письма в прокуратуру района:

«Мы возмущены действиями Битко и его покровителей. Очередь на квартиры из-за махинаций Битко не уменьшается. Мы о такой квартире, в какой он жил и какая ему оказалась плоха, только мечтаем. Как можно верить такой Советской власти?»

Семья Антоновых, Богатырева, Гутова...» — всего 14 подписей.

Но обратимся к опальным прокурорам, которые, выполняя служебный долг в полном соответствии с Законом о Прокуратуре СССР, утверждали здесь, в глухом таежном углу, законность и правопорядок.

Прокурорская проверка по жалобам давалась им нелегко. Начались звонки «сверху». Причем нажим был со стороны тех, кто обсуждал резолюции XIX партконференции: решительно повысить ответственность прокуратуры, в полной мере восстановить ленинский принцип прокурорского надзора, призванного строго следить за исполнением, **ЕДИНООБРАЗНЫМ ПОНИМАНИЕМ И ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ, настойчиво БОРОТЬСЯ С НАРУШЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ, ОТ КОГО БЫ ОНИ НИ ИСХОДИЛИ.** Этой задаче должно служить дальнейшее укрепление независимости прокуроров, **ИСКЛЮЧЕНИЕ ЛЮБОГО ДАВЛЕНИЯ НА НИХ И ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.**

Было все наоборот. И хотя в Законе о Прокуратуре СССР прямо сказано, что прокурор вправе требовать от руководящих лиц, ведомств, исполнительных и распорядительных органов местных Советов необходимые документы, материалы, статистические и иные сведения, в Александровском исполкоме даже списки очередников долго скрывались от прокуроров. Лишь после вмешательства прокуратуры области эти списки стали достоянием гласности. Выявились путаница в документации, множественные нарушения порядка постановки на учет. А это, в свою очередь, открывало пути к злоупотреблениям, всякого рода манипуляциям...

Мне разрешили присутствовать при рассмотрении жалоб председателем жилкомиссии, заместителем председателя Александровского исполкома А. Пфейфером. Протокол приема граждан зафиксирован моим диктофоном: нарушения в распределении жилья, в ведении документации, отсутствие гласности. Нескольким жалобщикам в тот день повезло. А сколько их еще осталось...

Районная прокуратура внесла представление в исполком. Отмечались серьезные нарушения, выявленные проверкой. Реакция — ноль внимания. Тогда прокуратура направила иск в суд о признании ордеров, выданных Ю. Битко и В. Борзову, недействительными.

Путь иска был тернист. Горсуд не решился его рассматривать, передал в Томскую облпрокуратуру для определения подсудности. Тем временем облисполком «жал» на областного прокурора И. Крутова. Логика «внушений» была примерно такой: да где это видано, чтобы сам председатель исполкома, уподобившись рядовым гражданам, писал заявление об улучшении своих жилищных условий?! Кто это рискнет пойти к нему на дом составлять акт обследования, который требуется для постановки на учет? Не слишком ли многого хотите? Это, знаете, ни в какие ворота... Надо сказать, что нечто подобное говорилось и мне.

Как тут поступить Крутову? Жмут ведь... Пусть очередная сес-

сия районного Совета решает вопрос об отзыве иска. И, стало быть, примет на себя всю ответственность, если принятое решение будет противоречить действующему законодательству? Дрогнул прокурор области?

Из 75 депутатов 23 проголосовали за то, чтобы отозвать иск. Решили — вполне достаточно. Замяли, как говорится. А помощник районного прокурора А. Исанин? Автор той самой «крамольной» статьи... Уехал. Перевелся на работу в Казахстан. И все это в те дни, когда работал первый Съезд народных депутатов. С телеэкранов и газетных страниц звучали слова об оздоровлении кадровой политики, человеческом факторе и прогрессивных начинаниях, которые, как теперь были уверены жители Александровского, «если где-то и происходят, то не у нас».

К счастью, вера у людей подорвана не до конца: «Лет пять назад, до Горбачева, мы не стали бы так воевать за правду. Сегодня мы все же надеемся... Помогите нам!»

Прочитала написанное — уж больно мрачно. А может, правы по своему те самые товарищи, что пытались вразумить настойчивых прокуроров: шутка ли, речь о руководителе района идет. Вдруг стала изменять мне объективность?

«КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН?»

Пересматриваю, прослушиваю заново командировочные записи, пять кассет. Ищу в портрете Ю. Битко светлые тона. Ведь говорили же про него — хороший хозяйственник. По итогам 88-го года район занял первое место в РСФСР. Увеличился выпуск сельхозпродукции. Введено в строй много объектов соцкультбыта. Увеличился ввод жилья. И отвлечемся на время от того, как оно распределяется. Показатели — дело такое, судят по ним. Что ж удивительного, поддерживают Битко в верхах... Хорошую картину обеспечивает Битко, что и говорить. Но вот когда глубже вникаешь в эти самые показатели...

С массой недоделок принята в эксплуатацию школа. Принята под нажимом Битко. Отчитались. А недоделки вылезают по сей день: то отопление подводит, то вентиляция, то, простите, канализация выходит из строя.

Вбухали огромные суммы в стадион. Стал он местной достопримечательностью, таким туристическим «объектом». Но большую часть времени стадион пустует. Возят туда всякого рода комиссии, показывают гостям.

В соответствии с решением исполкома в 1987 году начато асфальтирование улиц райцентра за счет предприятий. Нужно, хорошее дело. Но вот руководителям речного порта приносят смету на асфальтирование прилегающей площади. Ни много ни мало — на 38 тысяч рублей. Инженерная служба речников пересчитала объемы: смета завышена. Платить — значит способствовать припискам. Однако как ни сопротивлялся начальник речпорта Б. Хмелек, как ни доказывал справедливость претензий к объемам и качеству работ, уступил под нажимом Битко. Дал команду оплатить.

Вскоре принесли уже не смету — счет. На 17 с половиной тысяч. Потребовали смету — не дали. Пересчитали — снова не сходится. Решили не платить. К этому времени начал разрушаться асфальт, уложенный ранее, подтвердив правоту речников относительно качества.

И вот тогда Битко решил показать, кто в районе хозяин. Отдал

команду начальнику РОВД Козлову и начальнику ГАИ Окамуре: запретить проезд автотранспорта речного порта по улицам районного центра.

Стало невозможно завозить продукты в ведомственный детский сад. Перестали поступать стройматериалы на возводимые хозспособом объекты. Остановились работы в мастерских.

Коллектив речного порта написал письмо в горком партии. Через день Битко вызвал к себе секретаря парторганизации, председателя профсоюзного комитета, бухгалтера и устроил дознание: кто посмел?! Кто готовил текст жалобы? Кому конкретно пришла эта идея? Кто из ИТР подписал письмо? Недвусмысленно давал понять — «подписантам» будет плохо.

Даже областной газете пришлось признать, что «Юрий Васильевич персонифицировал представление о власти». Но названо было такое самоуправство, если не сказать самодурство, снисходительно и несколько даже романтично — «нагульновскими размахиваниями шашкой».

Председатель же, чувствуя безнаказанность, все больше терял чувство меры. Конфликт председателя райисполкома с производственным кооперативом «Сибирь» стал следующим актом социальной драмы, за развитием которой заинтересованно следили жители Александровского.

Кооператив «Сибирь», из «ничего» собрав печи для обжига извести, стал снабжать ею чуть ли не весь район. Известь славилась качеством и дешевизной, кооператив — обязательностью и безотказностью. Даже местные консерваторы, противники кооперации, даже аппаратчики исполкома признают — у председателя «Сибири» З. Метонидзе «голова варит, руки золотые и размах есть». Он мозговой центр кооператива и первый его чернорабочий: вкалывать может по 17 часов подряд. И — главное — предельно честен, движим потребностью принести пользу району, который для него давно стал родным — здесь женился, здесь родились его дети, здесь он построил дом и осел навсегда.

Разговаривая с Метонидзе, слушая о нем, видя плоды его деятельности, думала: побольше бы таких хозяев!

Став на ноги, кооператив «Сибирь» стал не зарплату увеличивать, а расширять сферу деятельности. Собирались кооператоры разводить свиней и птицу. Купили у районного отдела народного образования полуразрушенные домики в пойме реки Ларьеган. «Дело для района нужное!» — подтверждают в райсовете.

Домики районо были не нужны. Давно висели на нем тяжким грузом: еще бы, пять тысяч рублей стоят себе без присмотра, на отшибе. Случившийся здесь пожар едва в пепел не обратил эти самые тысячи. Оформили домики для кооператива как положено, по закону. Вот только сам Битко в это время отсутствовал, был в отъезде. И едва только узнал...

«Отобрать у кооператива и вернуть районо! — прозвучала его команда. — Создать здесь школьный лагерь труда и отдыха!»

И грянул бой... Районная прокуратура вносит протест: расторжение договора в одностороннем порядке невозможно и недействительно. Главный санитарный врач района С. Лейман пишет: упомянутый участок в связи с неблагоприятной экологической ситуацией непригоден под школьный лагерь — рядом свалка и несовершенные очистные сооружения.

Казалось бы, возможно компромиссное решение — отдать домики

и участок в аренду кооперативу лет на 5—10, за это время провести реконструкцию очистных сооружений, перенести свалку (по признанию местных властей, это займет не менее пяти лет), а тем временем кооператив успеет продать населению тысячи тонн дефицитного мяса. С этой здоровой логикой согласились и на исполкомовской комиссии, на заседание которой меня пригласили. Но в отсутствие председателя — тот опять был в отъезде — вопрос... Да, замяли.

Битко вернулся — новая команда: передать экологически неблагоприятный участок району. Вопреки протесту прокуратуры, вопреки суровым предупреждениям санэпидемстанции. А закон? Получается, Битко и есть закон. Так уж здесь повелось. Хороший хозяйственник. Хозяин. Так здесь считают. И руководство района, и руководство области. Вот только по каким критериям? Критерии-то изменились...

Вот что выяснилось после выезда в командировку по тревожному сигналу из районной прокуратуры. И невольно посещает абсурдная мысль — да нужна ли в том районе прокуратура, коль есть такой человек, как Ю. Битко? Есть его команда, его доморощенное законотворчество и его же надзор. И его же, как неоднократно убеждались в Александровском, расправа. Сколько же в таких условиях продержится самый крепкий прокурор? Коллега его, как уже говорилось, не выдержал... Не станем его осуждать. Я же считаю своим долгом обратить на создавшуюся противоправную ситуацию внимание Прокуратуры РСФСР и задать вопрос: да возможно ли такое, чтоб Закон о Прокуратуре СССР звучал декларативно?!

Карина МУСАЭЛЯН

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

О нарушениях, допущенных при организации арендного подряда в совхозе «Северный» имени 50-летия Октябрьской революции Комсомольского района Актюбинской области Казахской ССР, сообщили нам читатели С. Уайсов и М. Абишев. По нашей просьбе письмо было проверено специалистами Актюбинского облагпрома. Выяснилось следующее: ни в одном подразделении совхоза не велись лицевые счета, руководители арендных коллективов, а также их учетчики накапливали чеки у себя. Не имелись лицевые счета и в центральной бухгалтерии хозяйства.

Указанные недостатки обсуждены на совещании арендных коллективов, партийного и профсоюзного активов, руководящих работников хозяйства и специалистов. Принято конструктивное решение, намечены конкретные сроки и меры контроля за его исполнением. Об этом сообщил редакции начальник Главного управления планирования социального и экономического развития АПК В. Григорук.

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ.**

За десять месяцев прошлого года органами внутренних дел и прокуратуры зарегистрировано 1 988 881 преступление, или на 34,1 процента больше аналогичного периода прошлого года.

Как и прежде, имеется рост преступлений против личного, государственного и общественного имущества, посягательств на здоровье и жизнь граждан. Их доля от общего числа правонарушений составляет 57,8 процента.

В общей сложности в РСФСР, УССР, БССР и Казахстане зарегистрировано 1 732 189 преступлений, или 87,1 процента от всех по стране. Наиболее неблагоприятная криминогенная обстановка сложилась в Эстонии, Латвии, Казахстане, Тувинской АССР, Приморском крае, Тюменской области.

По-прежнему сложной продолжает оставаться обстановка на улицах, площадях, в парках и скверах в Эстонской, Литовской, Казахской ССР, Марийской АССР, Ростовской и Ульяновской областях, г. Москве.

Наряду с ростом преступности по отдельным видам в ее динамике имеются и другие тревожные тенденции. Так, продолжается снижение числа преступлений, регистрируемых в сфере экономики. Практика борьбы с преступностью подтверждает, что подобное снижение является результатом снижения активности в деятельности органов внутренних дел.

Особое беспокойство вызывает рост тяжких преступлений. Темпы их прироста по-прежнему опережают темпы прироста преступности в целом. Из 254 126 зарегистрированных в октябре прошлого года преступлений 15 процентов — тяжкие. Особенно возросло число грабежей (80,5 процента) и разбойных нападений (77,9 процента).

Настораживает рост имущественных преступлений. Их доля в общей преступности составляет 57,8 процента, а рост в сравнении с прошлым годом 53,6 процента. Наиболее высокие темпы прироста преступлений этой группы отмечаются в Эстонской, Литовской, Туркменской, Киргизской ССР, Карельской АССР, Горьковской, Ростовской и Кемеровской областях.

Особое место в общей структуре преступности занимает так называемая экономическая преступность. Как показывает анализ, в общем числе преступлений данной группы хищения государственного или общественного имущества, совершенные путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением, составляют 32,1 процента, спекуляция — 17,7 процента, хищения государственного и общественного имущества, совершенные путем кражи, — 8,1 процента, мелкие хищения государственного и общественного имущества — 5 процентов.

В текущем году аппаратами БХСС в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий разоблачены организованные группы расхитителей, которые совершали хищения в агропромышленном

комплексе Азербайджанской, Армянской, Таджикской союзных республик, Дагестанской АССР, Белгородской области; строительстве и автомобильной промышленности Литовской, Узбекской ССР, Якутской АССР, Куйбышевской области, легкой промышленности и бытовом обслуживании населения Туркменской, Латвийской ССР, Ростовской области и ряде других регионов.

Активизирована борьба со спекулятивными проявлениями. В текущем году сотрудниками органов БХСС пресечено свыше 36 тысяч фактов уголовно наказуемой спекуляции.

На 15,4 процента увеличилось количество хищений государственного и общественного имущества, совершенных работниками предприятий, организаций и учреждений.

Серьезное беспокойство вызывает у граждан уличная преступность. Количество преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, составило 12 процентов от общего числа зарегистрированных.

Существенно увеличилось число краж государственных транспортных средств (158 процентов).

По-прежнему высоки темпы прироста краж личного имущества (88,5 процента), грабежей (99 процентов) и разбойных нападений на граждан. По данным Главного управления уголовного розыска МВД СССР, на улицах все еще совершаются каждое восьмое убийство, каждое четвертое тяжкое телесное повреждение, каждый второй грабеж, каждый третий разбой.

На территории РСФСР и Украины совершено 77,3 процента всех уличных преступлений.

В текущем году несколько снизилась преступность на транспорте. Несмотря на рост абсолютного числа преступлений, совершенных на транспорте, их удельный вес в общей структуре преступности снизился на 0,6 процента и составил 3,9 процента.

Очень часто преступления на транспорте совершаются лицами, имеющими непосредственное отношение к комплектации и транспортировке хозяйственных грузов.

Всего за 10 месяцев 1989 года органами внутренних дел выявлено 1 013 509 лиц, совершивших преступления. Из них 15 процентов — женщины. Лица в возрасте 14—15 лет составили 4,5 процента, 16—17 лет — 11,1 процента, ранее совершавшие преступления — 22,9 процента.

В состоянии алкогольного опьянения на момент совершения преступления находились 336 158 человек, или 33,2 процента от всех выявленных. Из общего числа лиц, совершивших преступления, 607 477 человек (59,9 процента) привлечены к уголовной ответственности, 406 032 освобождены от нее в связи с передачей на поруки в товарищеский суд и по другим причинам. В борьбе с преступностью нужны усилия всего общества. Поэтому не случайно на втором Съезде народных депутатов обсуждался вопрос о борьбе с организованной преступностью. В очередном комментарии мы рассмотрим эту проблему.

Основную тяжесть борьбы с преступностью берут на себя органы внутренних дел во взаимодействии с КГБ, прокуратурой и органами юстиции. МВД СССР принимает решительные меры по совершенствованию деятельности служб. Большое внимание уделяется службе участковых инспекторов милиции. Участковые инспектора милиции являются важной составной частью профилактической службы, созданной в системе органов внутренних дел в феврале

1989 года. В сфере их влияния находится около 6 миллионов граждан, а в расчете на одного участкового — 70—80 человек, нуждающихся в профилактическом воздействии. Это 1,5 миллиона освобожденных из мест лишения свободы и снятых с учета спецкомендатур, 612 тысяч осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, 2,2 миллиона злоупотребляющих спиртными напитками, 120 тысяч наркоманов, 104 тысячи тунеядцев, 920 тысяч неблагополучных подростков, 203 тысячи психически больных с агрессивными намерениями. Кроме того, участковый инспектор должен систематически общаться с активом общественности, с так называемым законопослушным населением, права и интересы которого он призван охранять. Справиться с таким колоссальным объемом работы участковый инспектор способен лишь при оптимальной организации его труда, постоянном пребывании на обслуживаемом участке, сосредоточении усилий на индивидуальной профилактической работе.

В круг основных задач участкового инспектора милиции в соответствии с действующими нормативными актами входит также участие в охране общественного порядка на обслуживаемой территории (а в сельской местности — и ее организация), в предупреждении и раскрытии преступлений (в сельской местности — в основном самостоятельное выполнение этой задачи).

В последнее время большое внимание уделено мерам по дальнейшему совершенствованию работы участковых инспекторов милиции, улучшению их материального обеспечения — внимание к этой категории сотрудников органов внутренних дел заметно возросло. На 13,4 процента увеличилась их численность. В настоящее время она составляет 67 тысяч человек. Улучшился качественный состав участковых инспекторов. Среди них насчитывается 23,6 процента специалистов с высшим образованием, 61,5 процента — юристов, 43 процента — членов КПСС. Укрепилось профессиональное ядро: 38 процентов имеют стаж службы в должности пять и более лет. Намечались положительные сдвиги в создании участковым необходимых условий труда и быта. В 1988 году им выделено 4,6 тысячи квартир и отдельных домов, 5,8 тысячи служебных помещений, почти 3,4 тысячи единиц транспорта, в том числе 2,4 тысячи — за счет хозяйств агропрома. Сократилась норма обслуживания по численности населения на одного участкового инспектора: в городской местности — до 5 тысяч человек, в сельской — до 4 тысяч человек.

Достигнуты некоторые положительные результаты в практических делах этих сотрудников. На 3610 участках не допущено преступлений по линии уголовного розыска, на 12 456 — остановлен рост преступности или наметилось ее сокращение.

Растет авторитет участковых инспекторов среди населения. Так, в текущем году в связи с выдвижением на должность старшего участкового инспектора на другой участок был перемещен участковый инспектор Железнодорожного РОВД г. Новосибирска Ф. И. Егоров. Через несколько дней в УВД области поступило коллективное заявление жителей прежнего участка с просьбой вернуть Егорова назад. При этом указывалось, что «это лучший участковый за последние 20 лет и такой, каким его хочет видеть народ».

Однако в работе участковых инспекторов накопилось много проблем. Вот только основные из них.

Не обеспечивается приоритетность индивидуальной профилакти-

ческой работы как главной задачи участкового инспектора на обслуживаемой территории.

Не сформирован качественный состав кадров участковых инспекторов, соответствующий современным требованиям и условиям службы. Около 40 процентов из них не имеют юридического образования, почти у 11 процентов — лишь общее среднее образование; более 43 процентов работают в должности до трех лет, текучесть кадров превышает 6 процентов от общей численности.

Остаются слабыми обеспеченность и техническое оснащение участковых инспекторов, особенно работающих в сельской местности. Жильем обеспечено 83 процента, это значит, что 12,5 тысячи участковых его не имеют; только каждый второй участковый обеспечен домашним телефоном; не более 14 процентов участковых имеют служебный автотранспорт, потребность в снегоходах (там, где они положены) удовлетворена на одну треть, а радиостанциями — на 16 процентов.

Не приведены в соответствие объем и характер решаемых участковыми инспекторами задач с их должностными полномочиями. Участковый инспектор в вопросах применения, например, административного законодательства, с которым его повседневно сталкивает круг служебных обязанностей, не наделен даже теми правами, которые имеет милиционер дорожно-патрульной службы ГАИ (штраф, предупреждение).

Конечно, перечисленные и некоторые другие неотрегулированные вопросы отрицательно сказываются на результатах работы участковых инспекторов, прежде всего по линии индивидуальной профилактической работы, на состоянии социалистической законности в их деятельности. При некотором снижении нарушений законности со стороны участковых инспекторов за 9 месяцев прошлого года общее их количество остается значительным — 1043. Возросло (на 5,9 процента) число укрытий преступлений от учета и фактов незаконного установления административного надзора. Допущено большое количество (655) нарушений норм уголовно-процессуального законодательства.

В СОЮЗЕ ЮРИСТОВ СССР

В стране проходят республиканские съезды, краевые и областные конференции юристов, на которых создаются территориальные организации Союза юристов СССР

Недавно съезды состоялись в Молдавии, Таджикистане, Туркмении и Азербайджане. Образованы Союзы юристов этих республик. Их председателями избраны: в Молдавской ССР — П. А. Барбалат, председатель Верховного суда Молдавской ССР, в Таджикской ССР — Н. Х. Хувайдуллаев, заведующий государственно-правовым отделом ЦК Компартии Таджикистана, в Туркменской ССР — Б. Н. Нурмухамедов, Главный государственный арбитр Туркменской ССР, в Азербайджанской ССР — И. А. Алиев, директор НИИ судебных экспертиз.

ЗАКОНЫ...

«ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ»?

«В Советский райвоенкомат г. Гомеля поступило Ваше письмо. Как воину-интернационалисту, получившему ранение, разъясняю льготы, предусмотренные постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 17 января 1983 г., п. 59-27. Другими какими-либо постановлениями Советский райвоенкомат не располагает. Поэтому дать Вам полный и юридически грамотный ответ не представляется возможным».

Из письма райвоенкома Советского района г. Гомеля А. Магеррамова воину-интернационалисту Н. Козлову.

«К сожалению, нередко приходится сталкиваться с фактом не только незнания должностными лицами нормативных документов о правах граждан, но и категоричным отказом познакомиться с этими постановлениями, инструкциями и ссылкой на то, что они якобы для служебного пользования. Не здесь ли кроются истоки бюрократизма?»

А. ИВАНОВ,
инженер

г. РЯЗАНЬ

В почте редакции немало подобных писем, затрагивающих, на наш взгляд, очень важную тему. И статья кандидата юридических наук В. КУЧЕРА, которую мы предлагаем вашему вниманию, является попыткой анализа этой темы.

Одной из примет перестройки стали первые шаги правовой реформы, знаменующие начало движения по пути к социалистическому правовому государству. Об этом много пишут и говорят. Стало привычным, что не только юристы, народные депутаты, ученые, но и многие граждане активно обсуждают вопросы правовой идеологии и политики государства, проблемы совершенствования законодательства, всемерного усиления правовой защиты человека. Право все решительнее входит в нашу жизнь и осознается

как универсальная ценность, как двигатель и гарант перестройки. Растет и тяга к правовым знаниям, обходиться без которых сегодня становится труднее.

Работа Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, принятые ими решения создают немало новых правовых ситуаций. В возрастающем темпе меняются правовые реалии, причем новые законы затрагивают не только самые различные сферы жизни общества в целом, но так или иначе касаются каждого из нас. Переломное время расставляет акценты, давая юридические оценки социальным ценностям и приоритетам. Поэтому неудивительно, что на фоне крупных событий порою кажутся незначительными и как бы отодвигаются на второй план многие второстепенные частности.

И все же вопрос о порядке опубликования нормативных актов, который мне хотелось затронуть, никак не отнесешь к разряду тех мелочей, на которые можно бы и махнуть рукой — дескать, неужели еще и об этом спорить? Речь пойдет о вещах, далеко не праздных, так как от того, каким будет первое знакомство человека с новым законом, во многом зависит, как будут складываться их отношения в дальнейшем. Так что вопрос заслуживает серьезного разговора и, конечно, стоит того, чтобы привлечь к нему внимание читателей.

Издание законов, обеспечение режима законности в стране стало одним из эффективных средств проведения государственной политики, дальнейшего расширения демократии. «Закон — это фундамент правового государства, защитник свободы и равенства граждан, порядка и организованности в обществе, гарант принципа социальной справедливости», — эта оценка, данная в постановлении Съезда народных депутатов «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», является как нельзя более точной и емкой. Кроме всего прочего, из нее следует, что в интересах государства не меньше, чем в интересах граждан, установить демократический порядок широкого опубликования нормативных актов, который обеспечивал бы беспрепятственное доведение их до всех, кого эти акты касаются.

Можно ли считать, что сегодня проблема публикации правовых актов полностью решена? Беру на себя смелость сказать, что это далеко не так. Одним из свидетельств того, что здесь еще не все в порядке, являются, в частности, обращения и письма читателей в редакцию журнала, многие из которых содержат просьбы дать справку или разъяснение относительно тех или иных положений действующего законодательства. А ведь право нынче начинают учить еще со школьной скамьи...

Давайте задумаемся, когда, с какого момента начинает жить закон. С момента зарождения идеи и разработки проекта? Или со времени начала всенародного обсуждения предлагаемого правового акта? А может быть, днем рождения закона следует считать дату его принятия высшим органом власти? Мои коллеги-юристы снисходительно улыбнутся наивности поставленных вопросов — ведь порядок вступления в силу законов определен самим законодателем. Все верно. Но если по большому счету — жизнь любого нормативного акта, его работа на общество по-настоящему начинается только с его обнародования, причем в данном случае не столь уж важно, что официально норма вступает в действие, как правило, несколько позднее. Уже само ознакомление граждан

с законом, его осмысление кладет начало воздействию правовой нормы на сознание и поступки людей. Вот почему так важно, где, как и когда эта норма опубликована, каким способом доведена она до тех, кому адресована. Без этого люди просто-напросто не могли бы ни в полной мере воспользоваться предоставленными правами, ни добросовестно исполнить возложенные обязанности.

Таким образом, принятый порядок опубликования и введения в действие новых законов не в последнюю очередь определяет, станут ли они мощным регулятором общественных отношений, будут ли служить делу перестройки или бесполезным прузом осядут в одном из очередных томов собрания законов и останутся труднодоступными для людей. Если же граждане имеют смутное понятие о своих правах и обязанностях, о тех возможностях, которые предоставляет закон, трудно предположить, что этот закон будет жить полнокровной жизнью и станет одним из камней в фундаменте правового государства.

Процедура обнародования общесоюзных правовых актов регламентирована Законом СССР «О порядке опубликования и вступления в законную силу законов СССР и других актов, принимаемых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами» от 31 июля 1989 года. Названные законодательные акты будут публиковаться в «Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР» на языках всех союзных республик не позднее семидневного срока после их принятия, а также в газете «Известия». Эти официальные источники, без сомнения, обеспечат достаточно полную, своевременную и достоверную информацию всех советских людей о принимаемых нормативных актах, что особенно важно в условиях демократизации, гласности, формирования правового государства. Кроме того, для более широкой информации нормативные акты могут быть опубликованы в других органах печати, обнародованы по радио, телевидению, переданы по телеграфу, а также разосланы государственным и общественным организациям. По истечении десяти дней после официального опубликования в «Ведомостях» или «Известиях» законы СССР вступают в силу одновременно на всей территории страны, если при их принятии не установлен иной срок.

Что касается законодательных актов союзных и автономных республик, то порядок их опубликования и вступления в силу на соответствующих территориях определен республиканскими законами с таким расчетом, чтобы они также были максимально доступны населению.

Казалось бы, в этом вопросе все предусмотрено, проблема обнародования законов повсеместно решена правовыми средствами на демократической основе, и серьезных оснований для беспокойства не возникает. Отчего же тогда таким неуверенным, а то и просто беспомощным нередко чувствует себя человек, соприкасаясь с законом? Отчего так трудно бывает ему не то что воевать за свои права, но порою просто получить о них достаточно подробную информацию? Причин тому немало. Попробуем вместе разобраться лишь в некоторых из них.

Начать с того, что, как это ни покажется странным, ряд действующих союзных и республиканских актов не дает решения конкретных вопросов, относящихся к предмету их регулирования. Вместо этого в них содержится стереотипная формула, провозглашающая, что такой-то вопрос решается в соответствии с действующим

щим законодательством. Подобные отсылки, а по существу, пустые фразы мало что дают и фактически представляют собой пробелы в законодательстве. Тем более что законов, якобы регулирующих упомянутые вопросы, к моменту принятия таких актов иной раз вообще не было, да и после этого они порой не разрабатывались десятилетиями. Пример? Пожалуйста: закон, определяющий порядок и процедуру проведения референдума, который предусмотрен статьей 5 Конституции СССР 1977 года, не принят до сих пор. Особенно много таких отсылок, серьезно «подтачивающих» юридическую силу и авторитет закона, содержат кодексы законов о труде, жилищные кодексы союзных республик и другие нормативные акты.

Является ли такое положение следствием несовершенства законодательной техники или это хорошо продуманный прием, имеющий целью приукрасить законы доперестроечных времен внешне эффектными, но легковесными декларациями, — с категоричностью судить не берусь. Ясно одно: там, где в законе имеется пробел, его так или иначе постарается заполнить — и заполняет — бюрократия ведомств. Разумеется, на свой манер и с позиций прежде всего собственных узких интересов. Один из путей использования законодательных лазеек — подмена формулы закона определенной практикой его применения, перед которой человек пока что бессилён.

Взять, к примеру, одну из норм жилищного законодательства, призванную регулировать вопросы предоставления дополнительной жилплощади. Статья 22 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, а вслед за ней и статья 39 Жилищного кодекса РСФСР провозглашают, что отдельным категориям граждан предоставляется дополнительная жилплощадь в виде комнаты или в размере 10 кв. метров. И далее: Порядок и условия предоставления дополнительной жилплощади и перечень категорий граждан, имеющих право на ее получение, устанавливаются законодательством Союза ССР. Каким именно? Общесоюзного правового акта по этим вопросам в момент принятия этой нормы не было, и до сих пор — вот уже более восьми лет — он не разработан. Действует же... постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 года «О праве пользования дополнительной жилой площадью» с последующими изменениями. Можно ли это считать нормальным? И каким образом с историческим постановлением шестидесятилетней давности можно ознакомиться сегодня?

Однако чиновников, судя по всему, такое положение вполне устраивает. Они установили и скрупулезно придерживаются таких же не основанных на законе правил, которые превратили провозглашенное право в пустую фикцию. Согласно этим правилам не признаются нуждающимися в улучшении жилищных условий лица, не обеспеченные жильем с учетом права на дополнительную площадь. А тот, кто получает квартиру, не может требовать, чтобы при этом учитывалось имеющееся у него право на дополнительную жилплощадь. Другими словами, имея это право по закону, простой гражданин по воле чиновников не может получить положенную ему дополнительную площадь. Впрочем, эта практика знает единственное исключение: к самим чиновникам, ее придумавшим, она, разумеется, не относится.

Другое препятствие, затрудняющее доступ людей к информации о содержании правовых норм, состоит в следующем. Многие,

к сожалению, слишком многие, законы, в том числе и определяющие важнейшие стороны статуса советского гражданина, его наиболее существенные и значимые права, обрастают различными ведомственными инструкциями, разъяснениями, указаниями о порядке их применения и т. п. Порой они заслоняют и выхолащивают содержание самого закона, буквально растаскивают его по камешкам. К тому же эти ведомственные разъяснения, играющие в нашей жизни нередко куда более важную роль, чем сам закон, публикуются в целом ряде различных источников — «Бюллетене нормативных актов министерств и ведомств СССР», «Бюллетене Госкомтруда СССР», «Вестнике исполкома Моссовета», других подобных источниках, издаваемых на местах, и т. д. Понятно, что все это серьезно осложняет для граждан поиск нужной информации о законе и делает ее малодоступной.

Но особенно чувствительно ущемляет интересы людей и создает предпосылки ко всякого рода злоупотреблениям засекречивание некоторых нормативных актов, совершенно неуместное в эпоху гласности. Да что там некоторых — даже официальное Собрание действующего законодательства почему-то имеет гриф «для служебного пользования». Речь, конечно, не о тех законах, которые призваны оберегать государственные или военные секреты. Разговор о другом — о тех нормативных актах, которые обращены к гражданам и определяют их права, а значит, и обязанности соответствующих государственных органов по удовлетворению этих прав. В перспективе, по мере формирования основ правового государства, обязанности и ответственность государственных органов и граждан будут все более приобретать двусторонний, взаимный характер. Но сегодняшние реальности показывают, насколько мы пока от этого далеки.

Вернемся еще раз к тому же жилищному законодательству. В соответствии с действующим законодательством граждане заносятся в списки очередников на получение жилья, как правило, по месту их постоянной прописки. Но как узнать, например, эти самые правила прописки в Москве, Ленинграде, ряде других городов и весей, если они фактически засекречены и поэтому гражданину просто недоступны?

В 80-м отделении милиции г. Москвы вежливый офицер встречает приветливо. В беседе капитан милиции И. Лукашенко внимателен и корректен — симпатичный, воспитанный человек, за свое дело боится и старается помочь людям. Но в ответ на мою просьбу — дать почитать Правила прописки в столице — разводит руками: к сожалению, не вправе. Он согласен, что так быть не должно, но порядок есть порядок. Конечно же, к нему лично у меня претензий никаких, да и сам он, видно, переживает. Но, простите, как же все-таки человек в нашем случае может воспользоваться конституционным правом на жилище, реализовать положения конкретизирующих это право статей Жилищного кодекса РСФСР, если законы заслонила вставшая над ними секретная ведомственная инструкция?

К сожалению, таких примеров можно было бы привести немало. В свое время из разъяснений и комментариев в печати, а не из самого текста нормативного акта узнали мы о льготах «афганцам». Позднее история повторилась в отношении военнослужащих, увольняемых в запас в связи с сокращением в одностороннем порядке Вооруженных Сил — о предоставляемых им льготах расска-

зали газеты «Правда» и «Красная звезда», хотя сам предусмотревший эти льготы закон так и не был опубликован. А в коллективном письме в «Комсомольскую правду» людей, добросовестно отработавших на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, многие из которых получили при этом предельные дозы облучения, читаем: «От нас скрывают права и льготы, наверное, кому-то выгодно, чтобы мы умирали тихо. В военных билетах у нас записано, что мы пользуемся льготами на основании постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС, но расшифровки этих льгот, как и некоторых других, записанных в целом ряде постановлений и распоряжений, нигде нет. А очень хотелось бы узнать, как они расшифровываются...»

Мотивы засекречивания нормативных актов официально нигде не приводятся, да и вряд ли могут быть для этого достаточно веские причины. Такая секретность лишь порождает недовольство людей, поэтому обида авторов письма вполне обоснованна и понятна. Письмо это еще раз напомнило о настоятельной необходимости создания надежного механизма юридической защищенности граждан, без которого правовое государство просто немыслимо. Этот механизм призван избавить советского человека от столь трудной и тягостной для него необходимости воевать — неважно, с ведомствами или отдельным бюрократом, — но именно воевать, драться за свои законные права. Система защиты прав должна срабатывать четко и притом автоматически всякий раз, как только эти права нарушаются.

Увы, пока об этом можно разве что помечтать. Но надо ли говорить, насколько возросло бы общественное достоинство личности, права которой всесторонне обеспечены и защищены, как добавило бы это каждому из нас уверенности в торжестве социальной справедливости. Создание механизма юридической защищенности граждан — дело весьма непростое, и необходимого опыта у нас пока нет. Но ясно одно: в любом случае следует исходить из того, что гражданину известны или по крайней мере доступны все нормативные акты, определяющие совокупность его прав и обязанностей. И что в случае необходимости любую интересующую его информацию по этому вопросу он может получить абсолютно свободно, беспрепятственно и в наиболее приемлемой форме. Если же нормативные акты будут засекречены и останутся для человека недоступными, механизм его правовой защищенности будет серьезно буксовать и вряд ли сработает.

И последнее. Даже опубликование правовых норм в «Известиях» или «Ведомостях», при всем положительном значении этой меры, все же не решает окончательно проблемы доступности закона для граждан. С течением времени интересующий человека номер любого из этих изданий найти становится все труднее. Скажем, легко ли сейчас разыскать те номера «Известий» или «Ведомостей», в которых опубликованы утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 года Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик? Или тот выпуск «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», где в 1960 году напечатан текст Уголовного кодекса? Позвольте, но ведь существуют же в конце концов издания юридической литературы, в которых названные акты неоднократно перепечатывались, возразит мой коллега-юрист и будет, безусловно, прав... и в то же время не прав. Потому что

такой литературы, пользующейся большим спросом, выпускается до обидного мало.

Где же выход из создавшегося положения?

Начать можно было бы с того, что рассекретить все обращенные к гражданам правовые акты нормативного характера. Думается, было бы полезным также публиковать все нормативные акты общего значения, включая и те, которые издаются Советом Министров СССР и отдельными союзными ведомствами, в едином печатном источнике — например, в специальном приложении к газете «Известия». Это значительно упростило бы их поиск. Что касается союзных и автономных республик, то принимаемые там законодательные акты можно было бы публиковать в таком же порядке на местах. Немало доброго могли бы сделать и книжные издательства, выпускающие юридическую литературу, чаще печатая отдельные правовые акты или их подборки, в необходимых случаях — с комментариями специалистов. Такие комментарии могут предназначаться и для отдельных категорий граждан — например, молодежи, работников производственных предприятий, агропрома и т. д.

Сегодня особенно сильно ощущается также необходимость повысить качество законопроектных работ и обеспечить широкое участие граждан в обсуждении проектов. Принятые Съездом народных депутатов и Верховным Советом СССР законы должны быть сформулированы так, чтобы их можно было применять в том виде, как они утверждены народными депутатами, без каких бы то ни было дополнительных уточнений. Если же в исключительных случаях разъяснения или уточнения на уровне правительства или отдельных ведомств все-таки потребуются, они должны быть предварительно представлены Комитету Конституционного надзора или Генеральному прокурору СССР для тщательной проверки на предмет соответствия самому закону. Думается, такой порядок намного поубавил бы число желающих произвольно толковать законы на свой вкус. Кроме того, он укрепит авторитет закона и сделает его ближе к человеку за счет того, что отпадет необходимость в правовой информации, дополняющей его содержание.

Все эти меры, на наш взгляд, нужны сегодня. Ну, а что же в перспективе? В идеале она видится примерно так. Содержание всех без исключения действующих в стране правовых актов будет заложено в память ЭВМ одного или нескольких информационных центров, на которые смогут выходить справочные устройства, установленные повсеместно в народных судах или юридических консультациях. Здесь каждый желающий может подключиться к информационной сети, задать машине интересующий его правовой вопрос и в считанные секунды получить исчерпывающе точный ответ, прочитав на дисплее названия нужных законов, статей, параграфов и т. д., их официальный текст, а если нужно, то и необходимые пояснения к нему, а также совет юриста, как и в каком порядке целесообразнее совершить те или иные действия по реализации или исполнению обязанностей. Определенная работа в этом направлении проводится, правда, медленнее, чем хотелось бы. И все же хочется верить, что будущее это не столь уж отдаленное.

В. КУЧЕР,
кандидат юридических наук

ТАКАЯ ТОНКАЯ НИТЬ

В «Дискуссионном клубе» (№ 11, 1989 г.) опубликована статья заместителя директора НИИ детства Е. Рыбинского «Кто у кого берет в долг, или Быть ли закону о правах ребенка». Разговор, начатый Е. Рыбинским, продолжает журналист Б. Москаленков. Он высказывает свою точку зрения на проблему охраны прав ребенка.

Четвертого марта в 11 часов на работу к Елене Галкиной (фамилия изменена) пришел ее сожитель и в присутствии сослуживцев сказал: «Игорь умер». Вскрытие показало: сначала четырехлетнему малышу разбили сильным ударом печень, а потом задушили. С разрешения прокурора Ленинского района Л. Уклистой я могу немного приоткрыть завесу страшного злодеяния. С конца декабря прошлого года Галкина сожительствовала с Валерием Ф., и уже вскоре в детском саду обратили внимание на резкие перемены в поведении Игоря.

— По характеру он веселый, подвижный, — рассказывала следователю воспитательница А. Донцова, — но с конца января стал приходить побитый, в синяках. Мальчик замкнулся, в глазах появился испуг, на вопросы отвечал односложно: «Упал».

Мать на расспросы медсестры и воспитателей тоже отвечала, что очень подвижный мальчик ушибается во время игр.

17 февраля вызванный матерью участковый врач отправляет Игоря в хирургическое отделение детской больницы. Что же случилось? «Я раздела Игоря, — пишет в своих показаниях мать, — от низа живота и до груди все было в синяках и синих пятнах». Врачи констатировали: «Ушиб». И здесь, в больнице, как и в садике, удовлетворились односложными объяснениями матери. То же самое услышали от нее и 28 февраля, когда Игорь вновь пришел в садик избитый, а на нежном личике ребенка зияла рана, залитая зеленкой. И даже после этого никто не забил тревогу. Жить Игорю оставалось четыре дня...

Каждодневно, методично, оставаясь наедине с ребенком, сожитель Галкиной истязал ее сына, а затем и убил.

— Я видела в глазах Игоря страх. Он, бывало, только посмотрит на Валерия, и сразу у него начиналась истерика, — рассказывала она следователю.

Не раз Игорь в слезах упрашивал не оставлять его дома, когда уходила она на ночные дежурства. Все видела, все знала. И не спасла. Почему?

На все эти вопросы еще предстоит ответить следствию и суду. Меня же в этой истории заинтересовала прежде всего позиция окружающих. Почему безоговорочно поверили матери? Разве факты, нанизываясь один на другой, не должны были обеспокоить, заста-

вить забить тревогу? Ведь можно, можно было спасти Игоря, предотвратить трагедию. В этом смысле проблема, о которой хотелось бы повести речь, далеко выходит за рамки хоть и очень печального, но все же частного случая.

Парадоксально, но сегодня малыш в семье беззащитен перед разбушевавшимся или бросившим его в беспомощном состоянии родителем. Счастье ребенка, если один из родителей защищает его от побоев другого, но если взгляды обоих на воспитательный процесс одинаковы, жизнь едва вставшего на ноги человека превращается в сущий ад. Более того, среди родителей, особенно пьющих, есть люди с садистскими склонностями, психическими и сексуальными отклонениями, да и просто те, кто привык срывать свои неудачи на собственных детях. В нашей области, например, сегодня треть преступлений совершается в бытовом секторе, то есть так или иначе касается детей. Недавно, например, газета «Волга» писала, как в Приволжском районе на глазах у четырехлетнего малыша отец нанес матери тридцать три ножевых ранения. Ребенок до сих пор не может оправиться от увиденного.

Даже ставшая сакраментальной фраза о том, что в последнее время пьянство переместилось в семью, для самых маленьких жителей страны наполнена вполне определенным смыслом: их стали больше бить. Их стали чаще насиловать, потому что пьяные мамы и папы ведут в дом случайных собутыльников. Походя коверкаются жизни, поганятся души...

Фактически сегодня за плевков мимо урны в общественном месте человек может быть наказан сильнее, чем за безжалостное отношение к собственному ребенку. Разве это нормально? Разве нормально, что сегодня мы, защищая природу, кошек и собак, даже преступников, не имеем общества защиты детей от насилия со стороны взрослых, и прежде всего родителей? А ведь за фактами избиений, истязаний или оставления без помощи малышей ходить далеко не надо.

Вот, например, события, о которых мне рассказали в отделении токсикологии областной больницы скорой помощи: молодая мама отправилась искать приключений в гостиницу «Лотос», откуда поступила в состоянии тяжелого наркотического отравления. Только на вторые сутки, придя в себя, вспомнила, что в нетопленном доме оставила крохотную дочь. Спасли эту женщину чудом. А не спаси, погиб бы и ребенок. Привлечь же к ответственности за подобный поступок непросто. А разве можно спокойно слушать рассказ инспектора З. Укасовой о том, как девятилетний Саша Долженко отравился отбросами, добытыми в мусорном ящике для себя и младших братьев?! Их мать деньги тратила только на водку, мальчишкам же доставались лишь тумаки от ее многочисленных собутыльников.

Кто спасет, кто защитит всех этих ни в чем не повинных страдальцев? Инспектор по делам несовершеннолетних? Ему дай бог управиться с грабящими, ворующими, насилующими подростками. Инспектор по охране детства один на весь район. Или бездействующие, не имеющие никаких реальных прав детсадовские родительские комитеты? Жизнь, однако, показывает, что не могут все они и еще многие комиссии спасти пока малыша от занесенного над ним кулака. Именно поэтому, думается, в сложившейся ситуации хотелось бы поддержать уже высказывавшуюся в центральной печати идею о необходимости создания в стране общества защиты детей от насилия со стороны взрослых.

Еще несколько лет назад я прочел в газетах, что подобное общество создано в США. Если это действительно так, надо изучить полезный опыт, применить его у себя.

При Детском ли фонде, при «Милосердии» создать это общество и как его назвать, думаю, не суть важно. Главное, чтобы оно было наделено большими правами, чтобы о нем знали воспитатели детских садов, учителя в школах, соседи, живущие рядом с неблагополучными семьями и могущие немедленно сообщить об издевательствах над детьми. Конечно, речь не идет о шлепке, которым вряд ли какой родитель не одарит малыша за шалости. Я имею в виду избиение, нанесение тяжких телесных повреждений, после которых у детей наступают слабоумие, глубокие психические расстройства, инвалидность.

Временно отбирать детей у ударившихся в запой родителей и помещать их во временные же интернаты, отправлять избитых детей на судмедэкспертизу, выявлять и брать на учет неблагополучные семьи — вот далеко не полный перечень того, чем могло бы заниматься подобное общество. Я рассказал об этом директору садика, в который ходил Игорь.

— Да, мы непременно связались бы с активистами, если бы такое общество было, — ответила она.

Плохо отработана пока и правовая защита детей. Сегодня у нас фактически только в Конституции есть статья, обязывающая родителей заботиться о своих детях, защищать их. Но, не подкрепленная четкими правовыми актами, эта статья носит чисто декларативный характер и совершенно никакого впечатления не производит на тех родителей, главный метод воспитания которых — крепкая ругань и рукоприкладство. Нужен закон о защите прав и достоинства ребенка, который давал бы возможность наказывать в уголовном порядке за преступления против детей.

Пока же, как ответил на мой вопрос председатель областного суда В. Жуйков, за последние десять лет за систематическое избиение или истязание, то есть по статье 113 Уголовного кодекса РСФСР, в области не осужден ни один родитель. Удивляться здесь нечему, многие драмы происходят за закрытыми дверями, сор из избы, как правило, не выносится. В итоге тлеющие костры семейных скандалов лишь в крайних случаях вспыхивают большими трагедиями, подобными той, что случилась с Игорем Галкиным.

...На посмертной фотографии страх словно застыл на покрытом синяками лице малыша. Он ушел, так и не поняв, почему же мы, взрослые, были так жестоки с ним, почему позволили оборвать тонкую нить едва начавшейся жизни?

Б. МОСКАЛЕНКОВ

г. АСТРАХАНЬ

ПРАВОМЕРЕН ЛИ ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ?

«Противоречит Конституции?» — так называлась статья А. Катештера, опубликованная в № 7 журнала за 1989 год. По его мнению, новелла, введенная в трудовое законодательство Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года и соответствующими Указами Президиумов Верховных Советов союзных республик (речь шла о предоставлении администрации права по собственной инициативе расторгнуть трудовой договор с работником, достигшим пенсионного возраста, при наличии у него права на полную пенсию по старости), противоречит не только принципам социальной справедливости, но и Основному Закону страны. Автор приглашал читателей высказать свое мнение по этой проблеме. Мы получили много откликов на публикацию. Итак, мнения читателей.

Целиком согласен с доводами А. Катештера против верхнего возрастного ценза, введенного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года.

По моему мнению, при решении этого вопроса не были учтены следующие важные аспекты.

Аспект биологический. Ведь шестьдесят лет — это еще не тот возраст, достигнув которого люди поголовно теряют (полностью или частично) свою работоспособность. При этом необходимо учитывать и характер работы. Конечно, тяжелый физический труд для такого возраста, как правило, обременителен. Хотя немало людей и в этом возрасте продолжают успешно выполнять физическую работу, особенно в сельском хозяйстве.

Что касается работников умственного труда (научные работники, преподаватели, инженеры, врачи, государственные служащие), то надо признать, что многие из них к 60 годам становятся более квалифицированными, более серьезными и добросовестными. А мы их увольняем. Правильно ли это? Думается, нет. Нельзя, конечно, отрицать, что в этой возрастной группе немало людей с подорванным здоровьем или просто исчерпавших себя в силу каких-то жизненных перипетий. Но такие работники, как правило, сами обращаются к администрации с просьбой об увольнении, если им положена пенсия, или переводе на другую, более легкую работу, если пенсия не положена. Иначе говоря, отсеив людей, достигших пенсионного возраста, должен происходить естественным путем, а не командно-административным.

Аспект моральный. Нетрудно представить душевное состояние человека, проработавшего долгие годы в меру своих сил и возможностей, ничем себя не запятнавшего, которому вдруг говорят: ты

нам, дорогой товарищ, больше не нужен, мы тебя увольняем потому, что ты достиг пенсионного возраста. Не нужно быть психологом, чтобы понять пренеприятное чувство ненужности, порождающее резкие отрицательные реакции в виде различных стрессов с нежелательными последствиями. Поэтому подобное отношение к человеку-труженику гуманным не назовешь.

Аспект правовой. Статья 40 Конституции СССР, провозглашая право граждан на труд, не ставит каких-либо возрастных ограничений. Следовательно, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года и принятые на его основе Указы Президиумов Верховных Советов союзных республик, ограничившие трудовые права пожилых граждан, противоречат Основному Закону, а потому должны быть отменены.

**Г. ВАРТАНЯН, юрист,
г. Ереван**

Мы, учителя нескольких школ, прочитали статью «Противоречит Конституции?» и решили выразить полное согласие с ее автором и благодарность журналу за публикацию. Теперь многие служащие (учителя школ и техникумов, инженеры, врачи) оказались в очень трудном положении. В возрасте 60 (или 55) лет они лишаются права на труд. Руководители учреждений стараются создать себе спокойную жизнь и поэтому избавиться от работников опытных, знающих, имеющих свое мнение, ищущих новые пути и методы работы. Ведь такими людьми трудно руководить! Поэтому все они, достигнув 60 (55) лет, оказались уволенными по новому закону. А на их место приняли молодых, недавно окончивших вузы людей, которые, как правило, имеют очень малые знания и низкую профессиональную подготовку. Но они безропотны и во всем согласны с начальством!

Куда же деваться уволенным? Прожить на маленькую пенсию нельзя, поэтому они вынуждены идти работать сторожами, дворниками, вахтерами, продавцами (с университетским образованием!!!). Все понимают, что это преступление перед обществом! Об этом пишут в газетах и журналах. Но все остается без изменения.

**В. БОРЧЕНКО,
г. Ростов-на-Дону**

Я с товарищем Катештером не согласна, и не согласна категорически. Думаю, мое мнение совпадет с мнением многих молодых людей. Именно пенсионеры не дают полного хода молодым. Держат их на работе зарплата и пенсия к ней.

На подготовку же молодых специалистов государство тоже затратило немалые средства. А как известно, опыт приходит в процессе труда. И молодежи нужно набирать опыт на своем рабочем месте. А где оно свое, как его найти, если места заняты пенсионерами. Какие обиды на то, что сокращают пенсионеров. А кого еще? Почему под сокращение должны попадать люди молодые, которым, кроме всего прочего, нужно содержать семью.

В общем, мое мнение такое: доработал до пенсии — иди отдыхай! Если на работе без вас обойтись невозможно, тогда администрация вас попросит остаться.

**А. ЛУЗАНОВА,
г. Кемерово**

Считаю, что желающие пенсионеры могут продолжать свою работу, свою трудовую деятельность с сохранением пенсии. Это увеличивает резерв высококвалифицированных специалистов. Исключение должны составлять лица, занимающие должности, указанные в Перечне № 1 Приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров. Работа на этих должностях требует здоровья, сообразительности, быстрой реакции.

И. ЛОСЕВ,
Гурьевская область

Очевидно, откликов на статью «Противоречит Конституции?» будет много. Лично я, прочитав статью, мгновенно решила написать. Я не согласна с автором. Наверное, он человек пенсионного возраста, поэтому так и рассуждает. А вы попробуйте взглянуть на проблему с другой стороны. Мне 36 лет. Образование высшее. Десять лет работаю воспитателем в вспомогательной школе-интернате. И все это время жду, когда коллега-учительница достигнет пенсионного возраста и я смогу занять должность учителя. И дождалась. Это произошло в декабре 1986 года. Ну и что? Коллега добровольно уходить на пенсию не собирается. И совсем не из-за нужды работает (пенсия у нее 132 рубля).

А теперь для сравнения вкратце опишу условия жизни ее и мои. Коллега живет вдвоем с мужем, возле самой школы (дети выросли, обзавелись семьями). Для нее работа — образ жизни.

А у меня двое детей дошкольного и школьного возраста. Рабочий день оканчивается в 21.00, а у мужа — в 23.00 (он тоже работает воспитателем в общежитии СПТУ). Вот и получается, что дети наши воспитываются без родителей.

Администрация школы предложила коллеге-учительнице поработать воспитателем, освободив мне должность учителя, но не тут-то было. А время идет. Я теряю квалификацию. Так что, мне кажется, что в законе должно быть такое положение: если работник достиг пенсионного возраста и некому его заменить, пусть работает, а если есть — пусть или освободит должность, или продолжает трудиться там, где ему предложат.

С. ШАКИРОВА
Житомирская область

На мой взгляд, в нашем обществе не было и нет проблем своевременного ухода на пенсию гвардии рядовых, образно говоря, простых тружеников. Наоборот, стояла и стоит проблема заинтересовать этих тружеников продолжать трудиться и после оформления пенсии, сняв искусственные, надуманные запреты и ограничения.

И еще: стояла и стоит архиострая и архиактуальная проблема своевременного ухода в отставку руководителей всех рангов. Нужен был законодательный акт, устанавливающий возрастные ограничения для руководителей. А появился... указ, предоставляющий администрации право увольнять работников, достигших пенсионного возраста. Получилось, что на словах с высоких трибун мы слышим красивые слова о необходимости заботливого и чуткого отношения к ветеранам, трудоустройства их, а на деле...

Но это лишь одна сторона. Главное же в том, что администрация получила в свои руки еще одно эффективное и надежное ору-

дне для законного беззакония. Против кого в первую очередь будет срабатывать этот акт? Против строптивых, неудобных, инакомыслящих и инакоподходящих к делу, то есть самостоятельных людей, а потому неугодных.

Указ принят не по инициативе снизу, нет. Он выработан и принят по инициативе сверху, совершенно без учета мнения народа.

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ,
Московская область

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Заместитель прокурора Армянской ССР Г. Гукасян сообщил редакции о результатах проверки жалобы О. Оганесян относительно ущемления ее имущественных прав при определении и выдаче денежной компенсации в связи с землетрясением. О. Оганесян просила оплатить ей сумму причиненного стихийным бедствием ущерба вне зависимости от возмещения ущерба ее бывшему мужу.

Прокуратурой республики приняты соответствующие меры: просьба заявительницы удовлетворена. Что же касается суммы, которая незаконно получена ее бывшим мужем Э. Меликяном, то этот вопрос в настоящее время решается.

* * *

В. Попелухин, житель села Бугриновка Новгород-Северского района Черниговской области, написал в редакцию жалобу о неприятии мер к жителям того же села М. Щепочкиной и Н. Шкалберде, которые оклеветали его. Заместитель прокурора области, старший советник юстиции В. Лось сообщил нам о результатах проверки: жалоба В. Попелухина удовлетворению не подлежит. Установлено, что, работая на ферме колхоза «Родина», он совершил прогул — не был на работе 10 дней. Заведующая фермой М. Щепочкина доложила об этом нарушении председателю колхоза — прогульщик был наказан. Многочисленные его жалобы в разные инстанции не были удовлетворены, но он продолжает писать клеветнические жалобы, грубо искажая факты. Это обстоятельство было подчеркнуто на сельском сходе села Бугриновка. Односельчане осудили недостойное поведение В. Попелухина. Однако мнение коллектива, товарищей по работе он проигнорировал.

Народный суд Новгород-Северского района рассмотрел материалы по жалобе М. Щепочкиной о привлечении к уголовной ответственности за клевету В. Попелухина и его встречную жалобу о привлечении к уголовной ответственности М. Щепочкиной и Н. Шкалберды: суд их оправдал. В. Попелухин за оскорбление М. Щепочкиной и Н. Шкалберды подвергнут денежному штрафу.

КОШУНСТВО

— Что это? — обратил я внимание на несколько неказистых ящиков, сиротливо приютившихся в углу помещения.

— А-а, кости, — равнодушно заметил Игорь Санченко. — Давно здесь лежат.

С душевным волнением поднял я крышку одного из ящиков и ужаснулся. Он был доверху набит, другого слова здесь и не подберешь, пожелтевшими человеческими костями и черепами. Вперемежку с ними лежали куски обуви и одежды...

БРАТСКИЙ... ЯЩИК

С секретарем комитета комсомола И. Санченко я встретился полтора года назад на Даугавпилсском ордена Трудового Красного Знамени производственном объединении «Химволокно» имени Ленинского комсомола. Здесь выпускали кордную ткань и текстильную нить для легкой промышленности, другие техизделия. Коллектив работал на хозрасчете и самофинансировании и по стабильности результатов считался флагманом отрасли.

В объединении много молодежи, свыше тысячи комсомольцев, действовал клуб «афганцев». Вот этот круг проблем мы и обсуждали в помещении комитета комсомола. Разговор уже подходил к концу, когда я заметил ящики...

Комсомольским вожаком Игоря выбрали недавно, многого он не знал, но некоторые факты привел. Поисковый отряд комсомольцев объединения обнаружил братскую могилу. Ребята почему-то сразу решили, что это останки наших солдат, погибших в войне с гитлеровской Германией. Кто-то предложил организовать торжественное перезахоронение павших героев. Идея увлекла всех.

Ну, а дальше, по словам Санченко, начались бесконечные мытарства по различным бюрократическим конторам. Выяснилось, что необходимо оформить массу документов. В горкоме комсомола вроде бы не знали, как это делать, уклонились горвоенкомат и комитет ДОСААФ. В одном учреждении ребят окончательно поставили в тупик, спросив, что называется, прямо в лоб: «А вы уверены, что это не фашисты?»

Вообще-то нельзя исключить и такой вариант. Но, во-первых, эксперты-криминалисты могли бы установить принадлежность павших к той или иной армии по остаткам обмундирования и обуви. И потом, во-вторых, даже если это так, так что же, выбрасывать кости на помойку, на обзор взрослых и особенно детей? Пусть без пышных церемоний, но тоже надо где-то захоронить.

Учреждения предпочли бездействовать. И пока тянулась эта бюрократическая карусель, останки солдат нашли пристанище в ящике...

НЕОПЛАЧЕННЫЙ ДОЛГ

Этот, казалось бы, вопиющий случай вовсе не единичен. Вот какая картина вырисовывается, судя по документам Министерства обороны СССР и ЦК ВЛКСМ и по сообщениям печати:

«...На территории 20 областей из 50, где велись боевые действия, требуется обследование местности, сплошное или частичное разминирование, розыск и захоронение останков воинов. Повсеместно — выявление и регистрация неучтенных братских могил и одиночных захоронений воинов, подпольщиков и партизан...»

Особенно тревожное положение сохраняется в Московском военном округе (Белгородская, Брянская, Калининская, Калужская, Курская, Московская, Смоленская, Тульская области), Одесском, Киевском, Северо-Кавказском, Ленинградском, Закавказском и других военных округах. Здесь тысячи и тысячи остались непогребенными. По самым скромным подсчетам, предварительным данным, более 250 тысяч человек. В меньших масштабах эта ситуация повторяется и на востоке — в Амурской области, на Южном Сахалине, Курильских островах.

Но продолжим печальный список. Велико число неучтенных мест захоронения. Только в Волоколамском районе Московской области их не менее 80. Более миллиона наград еще не вручены. До сих пор неизвестна судьба тысяч военнопленных. Нет полных сведений об умерших во фронтовых и тыловых госпиталях.

Еще один пример из этого ряда. Только за четыре месяца 1988 года участники поисковой экспедиции «Долина», созданной при Новгородском обкоме ВЛКСМ, с почестями захоронили в деревне Мясной Бор останки 3720 погибших здесь в 1942 году бойцов и командиров 2-й Ударной армии. По найденным нехитрым солдатским пожиткам, на которых были выцарапаны фамилии, составлены списки павших, извещены их родственники.

Больно и стыдно читать после этого, что представители западно-германского Народного союза по уходу за военными могилами передали нашему посольству полный список советских граждан и военнопленных, погибших и захороненных на территории ФРГ.

Этот нелегкий труд потребовал многих лет кропотливой работы тысяч энтузиастов во всех уголках страны. Буквально по крупицам они собирали информацию о захоронениях советских воинов, считавшихся пропавшими без вести. В результате возвращены из небытия имена тысяч и тысяч наших соотечественников.

А мы в нашей стране что же?

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

О забытых героях, о пропавших без вести, о муках и страданиях военнопленных заговорили в полный голос накануне двадцатилетия Победы. Люди возвращались к нам из забвения,obelisks с их именами появились над заброшенными прежде могилами. Но постепенно житейские заботы притупили внимание к этой проблеме. И поиск павших стал уделом лишь отдельных энтузиастов из немногочисленных поисковых экспедиций. Естественно, они не могли полностью исправить ошибки государственных органов.

Немало трудностей было порождено и разобщенностью поисковых групп, отсутствием единого системного подхода. Работы во многих местах велись по-дилетантски. Участки раскопок не оконтуривались, отсутствовала необходимая охрана. Поэтому столь велики

были случаи мародерства (к этой теме мы еще вернемся). По правилам проведения подобных работ на месте обязательно должны присутствовать представители прокуратуры, органов госбезопасности и внутренних дел. Существовало и много других обязательных в таких случаях организационных и технических требований, которые нарушались или вовсе не выполнялись.

А потом вместе с водой выплеснули и ребенка: поисковикам закрыли доступ в архивы. А сотрудники архивов, разумеется, поисковой работой не занимались. Так, по сути, свели на нет и общественный энтузиазм.

И это еще один наш неоплатный счет командно-бюрократической системе, сталинизму и его последователям. Было сделано буквально все, чтобы запрятать поглубже правду о войне, чтобы скрыть от народа истинных виновников трагических поражений и огромных жертв, авторов катастрофических ошибок и просчетов. Чтобы в конце концов еще ярче засияла звезда «великого полководца всех времен и народов». В этом стремлении не брезговали ничем. Лакировалась история Великой Отечественной войны, из нее вынимались наиболее мрачные страницы, засекречивалась масса документов, содержащих правдивую информацию, военнопленные из гитлеровских лагерей прямоком попадали в сталинские. С новой силой раскрутился гигантский маховик репрессий. Жертвами их стали и победители коричневой чумы...

Мы прославляли военный гений Сталина, потом Брежнева, забыв о миллионах простых солдат. Мы воспевали Победу, забыв о ее творцах. Мы нашли миллионы, чтобы воздвигнуть аляповатые памятники погибшим, но до сих пор не смогли предать земле многих из них.

Официально считалось, что заполнены все страницы Войны и ничего нового в этой теме быть не может. Так было спокойней и безопасней Системе. Поэтому самое яростное сопротивление встречали даже робкие попытки приоткрыть завесу неизвестности.

Приведу горькие слова народного писателя Белоруссии Янки Брыля:

— Когда мы готовили книгу «Я из огненной деревни», то в одном лишь Логойском районе нашли 36 деревень, разделивших судьбу Хатыни. Но официально за этим районом таких деревень числилось тогда одиннадцать. Как же так? Оказалось, один из руководителей республиканского масштаба заявил, когда ему показали список: «Ну, уж 36 для одного района многовато!»

Вот вам пример кощунственного отношения к народной памяти, к народному горю. Еще одно сообщение аналогичного характера уже из наших дней. В городе Колпашеве Томской области на обрывистом берегу Оби нашли человеческие черепа с пулевыми отверстиями. Бурная река подточила берег и обнажила захоронение. Это была огромная яма, в которой расстреливали «врагов народа». Местные власти подогнали мощные теплоходы и на глазах жителей вымыли останки в реку... Зачем открывать кошмары Системы!

НАРОД БЕЗМОЛВСТВОВАЛ

Древняя мудрость гласит: если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки. Думается, мы пожинаем сейчас плоды этого «выстрела». В первую очередь я имею в виду потерю нравственных ориентиров, особенно у подрастаю-

щего поколения. А ведь нравственность — цемент нормального общества. Она покоится на традициях, неписаной этике, морали. В трагический момент своей истории мы перерубили эту живую нить. Уничтожались не только церкви, дворцы и памятники, как это случилось с построенным на народные копейки храмом Христа Спасителя. Обрывались наша история, традиции, культура, наша вера и наша память.

Общество стало жить одним днем. Все сферы человеческой деятельности начинались с товарища Сталина, до него они просто не существовали. При нем истребили представителей старой интеллигенции и спешно приступили к созданию новой, в основном воспринявшей все догмы и каноны «казарменного социализма». Долгие годы Система старалась создать идеального «советского» человека: бездумного, покорного, безопасного.

Все положительные качества и мудрость «вобрали» в себя всякого рода вожди и начальники. Потерялся кодекс чести, который служил бы своего рода щитом против моральной грязи, отбрасывался как «буржуазный предрассудок». Общество лишилось противостояния против человеческих слабостей и пороков. Мы терпим оскорбления и унижения от власть (а сейчас и дефицит) предержащих, завидуем всякого рода дельцам и жуликам. А ведь раньше с человеком, совершившим бесчестный поступок, просто переставали здороваться, ему отказывали в знакомстве.

Мы же стали манкуртами, Иванами, не помнящими своего родства. И такое положение было выгодно Административной Системе. Вспомним Байкал и Аральское море, переброску северных рек и борьбу с диссидентами, Афганистан, наконец. Многие, наверное, были против этих трагических действий, но молчали. Как это у Пушкина в «Борисе Годунове»: «Народ безмолвствует...»

Вот и домолчались!

Вернемся в Даугавпилс. Ящики с черепами и костями стали обыденностью, к ним привыкли, и постепенно преклонение перед павшими сменилось у ребят раздражением, неуважением к их памяти и даже кощунственными шуточками. К этой дикой ситуации, повторюсь, привыкли!

И уже не удивляет сообщение ленинградской передачи «600 секунд». На «черном рынке» города процветает торговля боевыми орденами. Орден Красной Звезды оценивается в «четвертной» — 25 рублей. Дешевле идет орден Отечественной войны. Всего за десятку.

Пишет с обидой ветеран: «Памятник погибшим зарос бурьяном. Я попенял председателю сельсовета. А в ответ услышал недоуменное: «Разве было указание из района?» И вот уже по этим памятникам ведут стрельбу молодые дебилы, спекулируют возле них шмотьем, устраивают дикие оргии...

Доходным бизнесом стало вскрытие мест воинских захоронений. Причем если раньше мародеры просеивали прах погибших в поисках золотых зубов и обручальных колец, редких наград, символов воинской атрибутики, то теперь появилась новая категория дельцов, так называемых «копачей». Они тревожат могилы в поисках действующего оружия, которое затем поступает в арсеналы мафии.

Хочется задать вопрос правоохранительным органам. Почему же не работает статья 229 Уголовного кодекса РСФСР — «Надругательство над могилой»?

«Надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет».

Ну, ладно, преступники, с ними в конце концов разберется Закон. А как быть с нами, нарушающими даже не заповеди Христовы, а элементарные человеческие нормы? В последнее время довелось побывать на нескольких похоронах. Может быть, я не прав, но, по-моему, погребение стало только поводом для обильного возлияния. Гроб быстренько сваливали в яму, кое-как присыпали землей и все спешили за стол. После нескольких рюмок высыхали слезы, прекращался плач родственников и начиналась заурядная пьянка. Зачастую с соответствующими разговорами и песнями, иногда и мордобоем.

Кстати, похороны стали еще одним этапом в соревновании нуворишей: кто закатит поминки попышнее и полуднее и отгрохает над могилой памятник подороже. Причем, как и в жизни, строго соблюдается ранжир. Самый помпезный памятник я видел над последним пристанищем директора универсама.

А во что превратился такой скорбный праздник, как День поминовения усопших! В прошлом году наблюдал следующую картину. Толпы людей с набитыми сумками растекались по кладбищу. Вскоре приняла «для сугреву», потом еще и еще. И началась дикая вакханалия. То в одном, то в другом конце кладбища пьяные голоса ревели разудалые песни. Дошло дело и до рукопашной. Озверевшие люди (люди ли?), сбившись в кучи, сносили ограды, валили на землю кресты, топтали могилы дорогих им людей...

НЕИЗЛЕЧИМАЯ РАНА

Еще одна вековая мудрость: рана, нанесенная мечом, заживает, ранение от слова — неизлечимо. Какими насмешками встречают подчас фронтовиков, надевших по случаю праздника ратные награды! Некоторые подонки идут еще дальше. И, к сожалению, также не встречают должного отпора. Вот пример из собственной журналистской практики. В одном из сел Черниговской области проживал инвалид войны. Много раз ранен, контужен и награжден неоднократно. Так чуть со свету не сжили соседи, два братца: «Какой фронтовик? Он у немцев в карателях служил!» И куда бы ни обращался ветеран, помощи нигде не получал. Эту историю я описал в очерке «Навет или заблуждение?» (№ 2, 1987 г.) В сентябре того же года мы опубликовали официальный ответ Прокуратуры РСФСР на статью. Заместитель прокурора РСФСР государственный советник юстиции 3-го класса И. С. Землянушин дал оценку заявлениям братцев — «содержались сведения клеветнического характера».

А понесли ли за это ответственность виновные? Увы...

А вспомните мытарства наших «афганцев»! На работу не берут, чтобы не предоставлять положенные льготы, особенно жилье. Ребята вынуждены скрывать место воинской службы. Инвалиды годами не могут получить жизненно необходимые протезы. А то, что дают, невозможно использовать по причине топорного и убогого исполнения.

Для сравнения — письмо жителя ГДР Э. Дидриха:

«Нас было шестеро братьев, и все, кроме самого младшего, были призваны в начале войны в нацистскую армию, хотели мы того

или нет. В ноябре 1943-го меня ранило, и до ноября 1945-го я пролежал в различных госпиталях, уже будучи военнопленным США. Меня освободили из плена лишь после того, как я совершенно вылечился и был готов мой протез для руки.

Мой брат Карл-Хайнц потерял обе ноги, из английского плена он вернулся с полноценными протезами, обутыми в ботинки. А позже ему выделили автомобиль.

Мой брат Фриц потерял ногу до колена. У него был такой хороший протез, что он ходил без палки и никто не замечал его инвалидности.

Мы все были по другую от вас сторону, в армии захватчиков. Ваши же инвалиды — это ведь освободители мира от фашизма! Проклятье, неужели все позабыто?»

И еще один пример. В США создано четырнадцатое по счету министерство — по делам ветеранов. Оно занимает пятое (!) место по размеру ежегодного бюджета — примерно 30 миллиардов долларов, содержит 534 различных лечебных учреждения.

Нужны ли здесь комментарии?

БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

«Родина помнит своих героев»... Но реальная, повседневная забота о ветеранах, о семьях погибших была подменена бесчисленным количеством казенных мероприятий. В каждой школе есть стенды, посвященные Победе, проводятся сборы, утренники, именные уроки. Но что-то не слышно о школьниках-тимуровцах, помогающих фронтовикам или их близким. Сколько раз в армии я стоял в почетных караулах у скорбных памятников. И командиры были довольны: как же, чтим. Но ни разу мы не были в ближайшем поселке, чтобы починить забор, напилить дров или принести воды больным и старым. Десятки раз слушали воспоминания ветеранов, и ни разу не пришло в голову поинтересоваться их нынешней жизнью, ее трудностями, заботами и проблемами.

И сегодня у нас по традиции проводится Вахта Памяти, в которой участвуют Министерство обороны СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. Цель, безусловно, благая: способствовать всемерной активизации поиска захороненных, привести в порядок места погребения воинов, партизан, подпольщиков. Только хотелось бы узнать: что конкретно сделано в этом направлении? Не уходит ли весь пар на гудок?

Вот еще одно сообщение. Готовится Всесоюзная Книга Памяти. Не одну сотню ее томов составят поименные списки погибших во время Великой Отечественной войны. Учредителями Книги Памяти выступают Министерство обороны, ЦК ВЛКСМ, Госкомпечать СССР, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда, Советский фонд Мира.

Благородное начинание, спору нет. Но не помочь ли вначале родственникам погибших?

А нелепая ситуация с проектом памятника Победы на Поклонной горе в Москве? Строительство приостановлено, не выявил победителей очередной конкурс, но уже потрачены тысячи народных рублей. Не лучше ли было направить их на нужды самих творцов Победы и их близких?

19 октября 1988 года было принято совместное постановление коллегии Министерства обороны СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ «Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины, вос-

питанию молодежи в духе гражданственности и патриотизма, готовности к выполнению воинского долга».

В этом документе были поставлены конкретные задачи перед военными советами округов, групп войск и флотов, военными комиссариатами, комитетами комсомола в оказании помощи поисковым отрядам в организации планомерного обследования территории, где проводились боевые действия, в оснащении отрядов необходимой техникой и аппаратурой. Для координации работ всех организаций и учреждений страны, занимающихся выявлением потерь и мест захоронений советских воинов, создана специальная группа при историко-архивном отделе Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, а в Министерстве обороны — координационный совет на общественных началах, при ЦК ВЛКСМ — координационный совет поисковых отрядов...

Документ внушал надежду, успокаивал. Однако вскоре выяснилось, что даже самое хорошее постановление само по себе не изменит ситуацию, если люди, его выполняющие, не изменят своего отношения к порученному им делу. Опять дефицит нравственности!

...Через год я опять позвонил в Даугавпилс. Выяснилось, что Санченко отказался от должности секретаря комитета комсомола и вернулся на производство. Новый комсомольский вождь Валерий Маткевич избран недавно, и, разумеется, на него сразу же навалилась куча дел. Что же касается останков воинов, то вроде бы планировалось организовать их торжественное перезахоронение. А пока кости и черепа хранятся в подсобке. Больше мой собеседник ничего не знал...

Алексей АНОСОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Если в силу каких-либо обстоятельств, скажем, из-за отсутствия в почтовых отделениях связи абонементных карточек, Вы были лишены возможности стать подписчиками нашего журнала в 1990 году, напоминаем, что подписка продолжается.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки:

на квартал — 1 руб. 80 коп.,

на полгода — 3 руб. 60 коп.,

на год — 7 руб. 20 коп.

Индекс издания — 71075.

В случаях отказа в подписке на наш журнал просим сообщать об этом в редакцию. Наш адрес: 129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

— Что это у вас, Степан Степанович, исковое заявление на такую смехотворную сумму,— удивился директор, подписывая мои бумаги.— Я хорошо помню тот случай. В августе прошлого года железная дорога поставила нам 4 контейнера вместо 8, предусмотренных договором. В результате мы сорвали поставки своим контрагентам, понесли большие убытки. А с дороги можем взыскать только 120 рублей? Здесь что-то не так.

— Увы, Василий Иванович, к сожалению, все так. Нашу претензию они вообще отклонили, дескать, в последующие месяцы недопоставка была восполнена, а в августе неподача контейнеров произошла вследствие их простоя по вине других грузополучателей. Но Устав железных дорог Союза ССР, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1964 года № 270 (с последующими изменениями и дополнениями), такого основания освобождения от уплаты штрафа за невыполнение плана перевозок не предусматривает.

Правда, убытки с дороги взыскать тоже нельзя. В соответствии со статьей 167 УЖД железные дороги, грузоотправители, грузополучатели и пассажиры в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств несут материальную ответственность лишь в пределах, предусмотренных соответствующими статьями Устава. Другими словами, платят только штрафы. За неподачу контейнера массой 30 тонн (а мы заказывали именно такие) — 30 рублей (ст. 144). Вот и предъявляем иск на 120 рублей.

— Обидно, обидно. А здесь надеетесь выиграть дело? — директор взял другое исковое заявление.

— Непременно выиграем,— ответил я.— Строительное управление возводило для нас новый корпус механического цеха. По договору первую очередь они должны были сдать 15 мая. Однако не сдали, хотя полностью корпус был принят 1 октября, в установленный срок. Правда, отопление до сих пор не отрегулировано, в цехе постоянно холодно. Мы предъявили претензию, но стройуправление платить штраф за просрочку сдачи первой очереди цеха отказывается, ссылаясь на приемку объекта в целом, а неполадки в системе отопления, по их мнению, должен устранять сам заказчик. Но согласно пункту 34 Правил о договорах подряда на капитальное строительство, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 26 декабря 1986 года № 1550, за несвоевременное окончание по своей вине строительства отдельных очередей, пусковых комплексов, а также объектов, подлежащих вводу в действие до полного завершения строительства и сдачи в эксплуатацию объектов в целом, под-

рядчик уплачивает заказчику пеню в размере 0,05 процента сметной стоимости строительно-монтажных работ за каждый день просрочки, но не свыше 1000 рублей в день, до фактического их ввода в действие. Так что платить им придется.

— А как насчет отопления,— поинтересовался директор.— Тепло-то будет?

— Дефекты, допущенные по вине подрядчика в системе центрального отопления и обнаруженные в течение одного отопительного периода со дня подписания акта о приемке объекта в эксплуатацию, должны быть им устранены за свой счет (п. 35).

С. ИСТИНОВ

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

ВОВРЕМЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

Никифоров, Топорков и Рогов познакомились на дискотеке. После танцев все трое вышли на улицу. Было около полуночи. Решили пройтись немного пешком. Вскоре они обратили внимание на проходившую мимо молодую женщину. Их привлекла ее красивая спортивная сумка. Топорков предложил «позаимствовать» ее. Быстро договорились, что Никифоров догонит женщину и вырвет у нее из рук сумку, а Топорков и Рогов будут идти сзади и «прикрывать операцию». Никифоров стал догонять женщину, но в последний момент испугался и попытался убежать от своих знакомых, свернув в переулок. Ребята догнали его и стали «выяснять отношения», причинив ему при этом телесные повреждения. Тут подоспела милиция, которая установила все обстоятельства происшедшего.

Топоркова и Рогова осудили за покушение на групповой грабеж и за умышленное нанесение телесных повреждений Никифорову. Никифорова освободили от уголовной ответственности. Было признано, что с его стороны имелся добровольный отказ от совершения преступления.

Что же такое добровольный отказ от совершения преступления? Когда и при каких обстоятельствах он возможен?

Давайте обратимся к закону. В Уголовном кодексе РСФСР есть специальная статья 16, названная «Добровольный отказ от совершения преступления» (аналогичные статьи имеются в уголовных кодексах других союзных республик), где сказано: «Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления».

Из текста закона видно, что добровольный отказ от совершения преступления — это прекращение уже начатого преступления, что дает возможность человеку избежать уголовной ответственности и наказания. В юридической литературе эта правовая норма часто называется «золотым мостом» (мостом к отступлению с преступного пути). Это образное выражение очень точно передает ее смысл и назначение.

В статье закреплены и еще два важных момента:

1. Добровольный отказ возможен только на стадии предварительной преступной деятельности;

2. Добровольный отказ от совершения преступления не исключает уголовной ответственности за другое преступление, совершенное тем же лицом в процессе предварительной преступной деятельности.

Остановимся на первом положении.

Преступление может быть совершено сразу, а может развиваться постепенно. В уголовном праве различают три возможных этапа преступной деятельности: приготовление, покушение и оконченное преступление.

Под приготовлением к преступлению понимается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления (часть 1 статьи 15 УК РСФСР). Это, например, приобретение ружья для совершения убийства или отмычек для квартирной кражи.

Покушением считается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного (часть 2 статьи 15 УК РСФСР). Например, желая совершить убийство, преступник выстрелил, но промахнулся.

Таким образом, на этих двух этапах преступление фактически еще не совершено, его общественно опасные последствия еще не наступили, преступник еще не успел причинить вред другим людям или обществу. Эти действия и носят название **предварительной преступной деятельности**. Именно тогда и возможен добровольный отказ от совершения преступления. Однако не любое прекращение преступления является основанием для освобождения от уголовной ответственности. При этом необходимо наличие еще двух обязательных условий. Во-первых, отказ от преступления должен быть **добровольным**. Это значит, что человек отказался от совершения преступления сам, по собственной воле и желанию, без принуждения, несмотря на то, что у него были все реальные возможности довести преступление до конца. Если преступная деятельность прекращается в силу каких-либо внешних обстоятельств, которые ей препятствуют, то имеет место так называемый **вынужденный отказ**. Такими обстоятельствами могут быть, например, активное сопротивление потерпевшего или вмешательство работников милиции, других лиц, оказавшихся на месте преступления, отказ от участия в преступлении других участников преступной группы и т. д. Так, в нашей ситуации отказ от грабежа для Никифорова был добровольным, а для его дружков — вынужденным. **Вынужденный отказ от совершения преступления не является основанием для освобождения от уголовной ответственности.**

Мотивы, по которым человек отказывается от преступления, могут быть самыми разными: раскаяние, стыд, жалость к потерпевшему или его близким, уговоры родителей, друзей, знакомых, боязнь ответственности (как у Никифорова) или невыгодность преступления в материальном плане (когда речь идет о таких преступлениях, как спекуляция, кража, грабеж, разбой). Конечно, когда от преступления удерживает только страх наказания или незначительность наживы, это говорит о невысоких моральных качествах человека, но закон и его освобождает от уголовной ответственности. В статье 16 УК РСФСР ничего не говорится о мотивах, побудивших отказаться от преступления. Они в данном случае юридически безразличны. Закон здесь исходит из того, что человек сам удержался от преступления, другие люди, общество не пострадали, а перевос-

питывать недостаточно сознательных граждан нужно не уголовным наказанием, а другими методами.

Еще одно важное условие заключается в том, что отказ от преступления должен быть окончательным. Не может быть речи об освобождении от уголовной ответственности, если человек только отложил задуманное преступление «до лучших времен». Такая «отсрочка» возможна, например, в связи с отсутствием необходимых орудий и средств преступления (не удалось одолжить на время у приятеля автомобиль, который необходим для перевозки похищенного), изменением обстановки на месте преступления (предположим, что Никифоров догнал женщину у кинотеатра, где только что закончился последний сеанс, и решил «позаимствовать» сумку несколько позже, когда они вновь окажутся в безлюдном месте).

Однако из статьи 16 УК РСФСР следует, что возможна ситуация, когда человек добровольно и окончательно отказался от совершения преступления, но все равно должен нести ответственность.

Давайте рассмотрим конкретный случай.

Архипова решила отравить свою одинокую пожилую соседку, чтобы занять ее комнату. Через дальних родственников она достала сильнодействующий яд и стала ждать удобного случая. Спустя несколько дней, воспользовавшись тем, что соседка ушла из кухни, она высыпала яд в ее кастрюлю. Но потом Архипова не выдержала и, когда соседка понесла кастрюлю в свою комнату, рассказала ей обо всем.

Архипова добровольно отказалась от совершения убийства, и поэтому она освобождена от уголовной ответственности за покушение на это преступление. Но в процессе подготовки к убийству она совершила еще одно преступление — приобретение и хранение сильнодействующих ядовитых веществ, которое предусмотрено ст. 226² УК РСФСР. За это и была осуждена.

Преступление может быть совершено как одним человеком, так и совместно несколькими людьми, то есть в соучастии. Соучастники объединены единой целью, оказывают друг другу физическую и моральную поддержку, взаимно укрепляют решимость каждого совершить преступление и поэтому имеют больше возможности довести преступление до конца. Уголовный закон (статья 17 УК РСФСР) различает следующие виды соучастников.

Исполнитель — лицо, непосредственно совершившее преступление (в случае, с которого мы начали статью, это Никифоров).

Организатор — лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением.

Подстрекатель — лицо, склонившее к совершению преступления (Топорков).

Пособник — лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Решение о добровольном прекращении преступной деятельности могут принять все соучастники вместе. Тогда (если они еще не успели совершить какое-либо другое преступление) все они освобождаются от ответственности. Если такое решение принимает исполнитель, то преступление совершено не будет (ведь это зависит именно от него) и он избежит наказания.

Сложнее обстоит дело, если от совершения преступления отказываются организатор, подстрекатель или пособник.

Предположим, что в нашей истории с Никифоровым и его знакомыми, собиравшимися совершить ограбление, решение об отказе от преступления принял Топорков. Достаточно ли было бы ему попытаться убежать с места преступления, как это сделал Никифоров? Чтобы избежать уголовной ответственности, организатор, подстрекатель или пособник должны не только сами «раздумать» совершать преступление, но и помешать его совершить другим соучастникам (исполнителю в первую очередь). Что они могут сделать? Отговорить приятелей, помешать им каким-либо образом либо сообщить о готовящемся преступлении в правоохранительные органы. В противном случае отказ этих лиц считается неудавшимся и они подлежат уголовной ответственности наряду с другими соучастниками. При назначении наказания суд может учесть их неудавшийся отказ от преступления в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность.

Добровольный отказ от совершения преступления следует отличать от так называемого «деятельного раскаяния», которое возможно уже после совершения преступления. Деятельное раскаяние — это не просто сожаление о совершенном, жалость к потерпевшему и т. д., а обязательно активные действия, направленные на устранение или по крайней мере уменьшение причиненного вреда. Они могут выразиться в оказании медицинской помощи потерпевшим (вызов врача, дача лекарства, перевязка), в возвращении похищенного, возмещении ущерба и т. п. В отличие от добровольного отказа деятельное раскаяние не влечет за собой освобождение от уголовной ответственности. В соответствии с пунктом 1 статьи 38 УК РСФСР деятельное раскаяние рассматривается только как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Н. КОВАЛЕВА,
кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

В ноябре электромонтер Салахов проработал 36 сверхурочных часов. При получении заработной платы он установил, что за 10 часов ему заплатили в двойном размере, а за 26 — в полуторном. Полагая, что вся сверхурочная работа оплачивается в двойном размере или компенсируется двумя отгулами, Салахов обратился в комиссию по трудовым спорам.

Прав ли Салахов?

Задача 2

В ремонтном цехе 15 ноября вторая смена практически не работала из-за перебоев в подаче электроэнергии. Администрация оплатила время простоя в размере половины тарифной ставки. Рабочие же требуют выплаты среднесдельного заработка, ссылаясь на то, что простой произошел не по их вине.

Как решить спор?

«ПРОЙДЕМТЕ, ГРАЖДАНОЧКА!..»

Вите Гражданкиной в тот день везло, как никогда.

К ним на работу должны были пожаловать из соседнего универмага продавцы с дефицитом, то есть с импортным товаром, для так называемой «выездной торговли» по приглашениям. Конечно, всем не терпелось узнать, что привезут из универмага.

— Не в курсе: будут югославские или австрийские сапоги?

— Может, «саламандру» привезут? Я к весне абсолютно не готов, придется ходить босым, в магазинах, кроме галош, ничего нет,— атаковали членов профкома со всех сторон.

Но они хранили молчание. И лишь одна Зоя Васильевна, ответственная за социально-бытовой сектор, отбивала все атаки любопытствующих:

— Мы ничего толком не знаем. Сказали: будут дефицитные промтовары для взрослых и детей. Но товаров на всех не хватит. Норма такая: два талона на пять человек. Надо решать, как будем делить талоны. Разыгрывать или отдадим тем, у кого больше трудовой стаж?

Зою Васильевну даже немного испугал единодушный вопль сотрудников:

— Разыгрывать! Только разыгрывать!

А Вита Гражданкина вздохнула:

— Мне с детства во всякие лотереи не везет. Вот увидите: вытяну пустой номер...

Сослуживцы ее не слушали, они лихорадочно заполняли пять бумажек. На трех выводили решительное «Нет!», на двух — «Да!».

— Что бы ты ни вытянула — это будет справедливо. Это будет знак судьбы,— говорили ей в ответ и катали бумажные листки в тонкие трубочки.

Тащить жребий пригласили старшего экономиста Невзорова из соседнего отдела: за ним закрепилась слава объективного и порядочного человека. Однако главным козырем, решившим дело, было следующее обстоятельство — он из другого отдела, не видел, как писали бумажки, и не сможет подыграть кому-нибудь из знакомых. Вытаскивал Невзоров трубочки из меховой шапки одной из сотрудниц. Вытащив, ждал, пока не назовут фамилию.

— Кому? — подняв над головой очередную трубочку, провозгласил Невзоров.

— Вите Гражданкиной! — крикнули четыре сотрудницы, втайне надеясь, что еще одно «нет» появится на свет, следовательно, у других возникнут бесспорные шансы.

— Берите свой жребий,— протянул ей трубочку с галантным поклоном Невзоров.

Вита дрожащими руками взяла бумажную трубочку и развернула, в глаза ей ударило счастливое «Да!».

— А плакалась, что ей с детства в лотереи не везет,— с обидой сказал кто-то из сослуживцев.

На выездной торговле Вита взяла прекрасный импортный меховой комбинезон для Леночки. Просто глаз нельзя было оторвать от разноцветных застёжек-«молний», карманчиков и никелированной

пряжки. И цена была сравнительно умеренной — 60 рублей 75 копеек.

Однако дома радость от покупки улетучилась тут же, как только комбинезон примерили: он оказался безнадежно велик.

— Как же так? Размер вроде бы Леночкин, а не подходит, — с отчаянием глядя на Семена, говорила Вита.

— Не беда, положи в шкаф, годика через два Леночка подрастет, и ей будет в самый раз, — утешал жену Семен.

— Что ты такое говоришь — разве мы миллионеры? Нам столько всего нужно — у тебя костюм не первой свежести, у меня приличного платья нет, а ты — «положи в шкаф»...

— Ну коли так — предложи своим сослуживцам, которым не достался талон. Возьмут и еще спасибо скажут...

Но на работе Вите не удалось продать комбинезон. Желающих не было. У одних дети были маленькие, у других — большие.

— Что ты суетишься-то? — грубовато спросила Зоя Васильевна, разглядывая комбинезон. — Ты, дева, совсем ума лишилась. Да сбегай в обеденный перерыв к «Детскому миру», встань с этой штукой у входа, и у тебя его с руками оторвут за пять секунд. И ресницами хлопнуть не успеешь!

Очень не хотелось Вите этого делать, но выхода не было. Отнести в комиссионный магазин — значит потерять на комиссионных довольно крупную сумму. Да и за что терять? Вещь-то новая. И она решилась.

Действительно, едва распаковав комбинезон у входа в универмаг, Вита сразу же была окружена толпой.

— Почем продаете?

— Сколько стоит?

Вита еле успевала всем отвечать. Десятки рук щупали прекрасный комбинезон, открывали «молнии», вертели пряжку. Возле Виты остановился милиционер:

— Торгуете, гражданочка?

— Продаю за свою цену. Дочке не подошло — велик оказался.

— Немедленно прекратите торговлю и удалитесь, — строго сказал милиционер и отошел в сторону.

— Не слушай ты его, бери вот деньги и давай комбинезончик, — совали ей деньги пронырливые женщины. Возник даже спор, кто первый подошел к Вите и приценился. Вита не успела уйти, как к ней подошел еще раз служитель порядка.

— Вы еще здесь? Не послушались? Пеняйте на себя. Попрошу пройти со мной.

— Но за что? Я уже уходила, меня вот не отпустили.

Милиционер в обсуждение вопроса входить не стал.

— Пройдемте, гражданочка! — и взяв ее за локоть, увлек к боковому входу в универмаг.

Вита слышала, как вслед ей говорили:

— Взятась милиция наконец-то за спекулянтов...

«Какая же я спекулянтка? Я же хотела продать за свою цену то, что мне не подошло!»

В комнате милиции за столом сидел молодой лейтенант. Выслушав рапорт постового, он указал Вите на стул возле стола.

— Садитесь! Что можете сказать в объяснение своего проступка?

— Какого проступка? Что я нарушила, не понимаю?

— Вы нарушили статью 150 Кодекса РСФСР об административ-

ных правонарушениях. Эта статья гласит, — лейтенант открыл серую брошюру и стал читать: «Торговля с рук в неустановленных местах. Торговля в городах с рук на улицах, площадях, во дворах, подъездах, скверах и в других неустановленных местах влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до десяти рублей». А торговля промышленными товарами влечет предупреждение или штраф до 50 рублей. Вы же торговали на улице возле входа в универмаг промышленным товаром. Подпадаете, гражданочка, под действие статьи 150. Так-то вот. Будем составлять протокол...

Вита заплакала. Какой был вчера счастливый день — и какой сегодня невезучий! Протокол составят, сообщат, конечно, на работу. И все будут усмехаться: вот, достался талон, а она дефицитом решила торговать! Нет, такого унижения она просто перенести не могла.

Ее слезы разжалобили лейтенанта. Он подал ей стакан воды и попросил:

— Успокойтесь, пожалуйста. Умели нарушать — умеете и ответ держать.

— Да не умела я нарушать. Случайно вышло. Я же в первый раз попыталась продать вещь с рук.

— В первый раз? — переспросил лейтенант.

— Да-а...

— Видать, действительно в первый раз, — поддакнул постовой, — я до этого ее у входа никогда не видал.

— И никогда больше не увидите, — всхлипнула Вита.

— Ну тогда закон дает нам право ограничиться только предупреждением, — строго сдвинул брови лейтенант. — И помните, торговать в неустановленных местах запрещается.

— Где же у нас установленные места? — спросила Вита, поднимаясь.

— Этого я не знаю. Но возле универмага торговать с рук запрещено категорически.

Идя на работу, Вита думала, что Семен, может быть, и прав — пусть комбинезон полежит в шкафу, пока Леночка подрастет. Судя по всему, дефицит на импортные товары еще не скоро исчезнет. Но она никак не могла понять, отчего городские власти никак не могли предусмотреть места в огромном городе, чтобы можно было продать не подошедшую тебе вещь. Впрочем, может, и есть такое место где-нибудь на рынке, но Вита об этом не знала. Не знал и лейтенант милиции. Если есть, то зачем это держать в секрете и осложнять людям жизнь?

Комбинезон Вита продала через комиссионный магазин.

Вот так закончилась эта история со счастливым билетом.

В. СЛАВИН

ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ ВЗЫСКАТЬ АЛИМЕНТЫ

Совет Министров СССР 25 января 1989 года принял постановление № 67 «О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов». Мы рассказывали о нем в № 5 журнала за 1989 год. Однако в редакцию продолжают поступать письма с просьбой еще раз рассказать о порядке назначения пособий на детей. Поэтому мы вновь обращаемся к этому постановлению, тем более что в июле 1989 года была принята «Инструкция о порядке назначения и выплаты пособий и средств для возмещения дополнительных расходов на несовершеннолетних детей» и теперь на многие вопросы можно ответить более подробно.

Я слышала, что сейчас пособие на ребенка назначается во всех случаях, когда отец не платит алименты. Так ли это?

Н. Колганова, г. Тула

Это не совсем так, хотя перечень обстоятельств, при наличии которых выплачивается пособие, существенно расширен.

Если раньше на основании постановления Совета Министров СССР от 6 февраля 1984 года № 134 пособие на несовершеннолетних детей выплачивалось только в случае розыска по определению суда должников, уклоняющихся от уплаты алиментов, то теперь временные пособия могут назначаться также тогда, когда розыск лиц, обязанных к уплате алиментов, объявлен следственными органами и судами в связи с привлечением их к уголовной ответственности за совершение преступлений и по иным основаниям. Это могут быть случаи розыска должников по делам о возмещении вреда, причиненного здоровью, при исполнении решений судов о взыскании в пользу государственных или общественных предприятий, организаций и учреждений, розыска безвестно отсутствующего или без вести пропавшего лица. Кроме того, теперь пособия могут назначаться, если лицо, обязанное к уплате алиментов, отбывает наказание в исправительно-трудовом учреждении, где не имеет заработка, с которого могут быть взысканы алименты в установленном законом минимальном размере (как известно, минимальный размер алиментов на одного ребенка составляет 20 рублей в месяц). Причины отсутствия заработка в данном случае не имеют значения. Безразлично также, в каком виде исправительно-трудового учреждения отбывает наказание должник: исправительно-трудовой колонии, воспитательно-трудовой колонии, тюрьме. Он может также находиться в следственном изоляторе, спецкомендатуре.

Пособие может выплачиваться в случаях нахождения лица, обязанного к уплате алиментов, на излечении в лечебном учреждении (например, в лечебно-трудовом профилактории, психиатрической больнице), если ему не выплачивается пособие по социальному страхованию, из которого могут быть удержаны алименты. К числу таких лечебных учреждений относятся и больницы специального типа.

В постановлении предусмотрено, что пособия могут выплачиваться и в других случаях, когда взыскание алиментов невозможно по причинам, не зависящим от лиц, обязанных к их уплате. К их числу безусловно можно отнести случаи отсутствия заработка при нахождении под арестом, в том числе в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и т. п., в период прохождения судебно-медицинской экспертизы по постановлениям следственных органов или суда, во время вынужденного прогула в связи с рассмотрением в суде спора о восстановлении на работе лиц, уволенных по инициативе администрации, или в период рассмотрения в установленном законом порядке вопроса о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда.

Размер пособия установлен в сумме 20 рублей на каждого ребенка.

Моя дочь была замужем за гражданином Сирии. Вскоре после рождения ребенка они разошлись. Пока бывший муж учился в СССР, он платил алименты. А теперь вернулся в Сирию, и, разумеется, все выплаты прекратились. Может ли дочь получать на ребенка какое-нибудь пособие?

В. Шилова, г. Москва.

Постановлением, о котором идет речь, предусмотрено, что пособие на несовершеннолетних детей может выплачиваться и в том случае, если родитель, обязанный к уплате алиментов, постоянно проживает на территории иностранного государства, с которым у СССР нет договора о правовой помощи. Выплата пособия в этом случае не обуславливается никакими иными условиями. Вместе с тем, если лицо, воспитывающее ребенка, получает от родителя, проживающего за границей, алименты или иные платежи, приравненные к алиментам, то вполне понятно, что пособие выплачиваться не должно.

Договоры о правовой помощи, предусматривающие вопросы взаимного исполнения судебных решений, в настоящее время заключены с Албанией, Алжиром, Болгарией, Венгрией, Вьетнамом, ГДР, Грецией, Ираком, Италией, Кипром, КНДР, Кубой, Монголией, Народной Демократической Республикой Йемен, Польшей, Румынией, Тунисом, Финляндией, Чехословакией и Югославией.

Мой бывший муж, хронический алкоголик, постоянно находится в ЛТП. Почти все время после развода алиментов от него не видела, растила ребенка одна. А недавно у нас случилось несчастье — сын попал под машину. Ему долгое время требовался особый уход, пришлось на полгода оставить работу, сейчас необходимо санаторное лечение. Все это связано с большими расходами, и я уже не в состоянии сводить концы с концами.

3. Алексеева, Орловская область.

Вероятно, вы не получали алименты, так как муж, находясь в лечебно-трудовом профилактории, не имел достаточного для их взыскания заработка. Теперь в таких случаях назначается пособие. Кроме того, статья 73 Кодекса о браке и семье РСФСР предусматривает, что родители, уплачивающие алименты на несовершеннолетних детей, могут быть привлечены к участию в дополнительных расходах, вызванных исключительными обстоятельствами (тяжелая болезнь, увечье ребенка и т. п.). Размер участия в таких расходах определяется судом с учетом материального и семейного положения родителей.

Во всех случаях, когда предусмотрена выплата пособий на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, может производиться и выплата средств для возмещения дополнительных расходов, связанных с исключительными обстоятельствами. Размер выплачиваемых средств зависит от той суммы, которую определит суд своим решением по конкретному делу, и должен ей соответствовать в полном объеме.

Необходимо отметить, что если пособие выплачивается за весь период невозможности взыскания алиментов, то выплата средств для возмещения дополнительных расходов прекращается с наступлением срока, указанного в решении суда.

Куда надо обращаться за назначением пособия на ребенка, если отец не платит алименты?

Л. Быстрова, Оренбург.

Лица, имеющие право на получение пособия и выплату средств для возмещения дополнительных расходов, могут обращаться за их назначением в любое время после наступления соответствующих условий, но до достижения ребенком восемнадцатилетнего возраста. Соответствующее заявление подается в районный (городской) отдел социального обеспечения по месту жительства. В заявлении должны указываться все необходимые данные для решения вопроса о назначении пособия и выплаты средств для возмещения дополнительных расходов: сведения о месте жительства взыскателя и его паспортные данные; сведения о ребенке; наименование суда, вынесшего решение о взыскании алиментов и дополнительных средств на ребенка; причины неполучения алиментов и дополнительных расходов; сведения о месте нахождения (работы) должника.

В зависимости от оснований назначения пособия и выплаты средств для возмещения дополнительных расходов к заявлению должны прилагаться следующие документы: сообщение органа внутренних дел о том, что в месячный срок место нахождения разыскиваемого должника не установлено; справка соответствующего учреждения о нахождении у них должника (например, отбывает наказание, находится под арестом, на принудительном лечении или для прохождения судебно-медицинской экспертизы) и отсутствии у него заработка, достаточного для взыскания алиментов и дополнительных расходов; справка народного суда о причинах неисполнения решения суда или постановления судьи в иных случаях. Для решения вопроса о выплате средств для возмещения дополнительных расходов необходимо, кроме того, представить копию или выписку из решения суда о взыскании с должника таких расходов.

В тех случаях, когда лицо, обязанное к уплате алиментов, проживает за границей на территории иностранного государства, с которым у СССР отсутствует договор о правовой помощи, к заявлению прилагаются: копии свидетельств о рождении ребенка (детей), о браке или расторжении брака либо об установлении отцовства. В необходимых случаях взыскатель должен представить документы, подтверждающие факт проживания лица, обязанного к уплате алиментов, за границей. Если должник проживает на территории иностранного государства, с которым у СССР имеется соответствующий договор о правовой помощи, к заявлению должно прилагаться сообщение компетентного органа о неисполнении решения су-

да о взыскании алиментов и дополнительных расходов (такое сообщение может быть получено в Министерстве юстиции СССР).

Вопросы назначения пособий и выплаты средств для возмещения дополнительных расходов рассматриваются комиссиями по назначению пенсий при исполнительных комитетах районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов не позднее десяти дней после поступления заявления со всеми необходимыми документами. Пособие и средства для возмещения дополнительных расходов назначаются с первого числа месяца, в котором было подано соответствующее заявление в отдел социального обеспечения. При этом месяцем обращения считается месяц, в котором принято заявление со всеми необходимыми документами.

Возможны случаи, когда в силу каких-то причин собрать нужные документы сразу не представляется возможным, поэтому предусмотрено, что указанный выше порядок сохраняется, если все необходимые документы дополнительно представлены заявителем не позднее трех месяцев со дня уведомления его об этом.

Пособия и средства для возмещения дополнительных расходов на несовершеннолетних детей выплачиваются ежемесячно в установленные органами социального обеспечения сроки, но не позднее пятого числа месяца, следующего за тем, за который они выплачиваются.

Выплата пособия и средств для возмещения дополнительных расходов прекращается с того момента, когда отпали обстоятельства, в соответствии с которыми они были назначены (например, установлено местонахождение лица, обязанного к уплате алиментов, появилась реальная возможность обеспечить взыскание присужденных алиментов вследствие наличия у должника твердого достаточного заработка и пр.). Помимо этого, выплата пособия и средств для возмещения дополнительных расходов может быть прекращена также в случаях: достижения ребенком восемнадцатилетнего возраста; смерти должника или признания его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим либо объявления его умершим; усыновления ребенка другим лицом; смерти ребенка; отмены решения суда о взыскании алиментов и дополнительных расходов или постановления судьи о взыскании алиментов; отказа взыскателя от алиментов или дополнительных расходов; лишения взыскателя родительских прав или отобрания у него ребенка без лишения родительских прав; добровольного исполнения решения суда (постановления судьи) лицом, обязанным к уплате алиментов и дополнительных расходов.

Следует отметить, что родитель, получающий пособие, обязан своевременно сообщить в орган социального обеспечения о наступлении обстоятельств, в соответствии с которыми выплата пособия и средств для возмещения дополнительных расходов прекращается. В противном случае излишне выплаченные суммы с него будут удержаны. Удержание производится в размере 20% заработка (стипендии, пенсии или других видов дохода) получателя пособия на основании его письменного заявления либо, если возникает спор, на основании решения суда.

На вопросы читателей отвечал
В. СТРОЙКОВ,
главный консультант
Министерства юстиции СССР

ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

Таможенное право образуют нормы, регулирующие порядок контроля за перемещением через государственную границу багажа, грузов, предметов и иного имущества, а также ответственность за нарушение таможенных правил и контрабанду. Они содержатся в Законе о Государственной границе СССР, Таможенном кодексе СССР (ТК СССР), уголовных кодексах и кодексах об административных правонарушениях союзных республик, Положении о Главном управлении государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР (ГУГТК СССР).

Руководство таможенным делом у нас в стране осуществляет Государственная внешнеэкономическая комиссия Совета Министров СССР через ГУГТК СССР и таможенные учреждения (таможни, таможенные посты, таможенных уполномоченных, предприятия и учреждения, подведомственные Главному управлению).

Таможни образуются и находятся в пограничных пунктах, аэропортах, морских и речных портах, через которые происходит провоз грузов, багажа и иного имущества за границу и оттуда. Таможенные учреждения обязаны контролировать выполнение таможенных правил иностранцами, лицами без гражданства и советскими гражданами, а также грузы, багаж, иное имущество и транспортные средства, следующие через границу. Они начисляют и взимают установленные Таможенным тарифом СССР (на товары, ввозимые в СССР) таможенные сборы и пошлины. Кроме этого, таможни производят досмотр грузов, багажа, иного имущества и личный досмотр лиц, следующих через Государственную границу СССР. В необходимых случаях осуществляется санитарно-карантинный, ветеринарный, фитосанитарный контроль, контроль за вывозом из СССР культурных и исторических ценностей.

Досмотр таможенными учреждениями грузов и иного имущества лиц, следующих через государственную границу, имеет целью пресекать ввоз в СССР оружия всякого рода военных образцов и боеприпасов к нему; наркотических и психотропных веществ, а также приспособлений для курения опия и гашиша; произведений печати, клише, негативов, заснятых пленок, фотографических снимков, кинолент, видеозаписей, носителей магнитной информации для ЭВМ, рукописей, грампластинок и других звукозаписей, рисунков и иных печатных и изобразительных материалов, направленных на подрыв советского государственного и общественного строя, нарушение территориальной целостности и политической независимости, государственного суверенитета, пропагандирующих войну, терроризм, насилие, расизм и его разновидности: сионизм, антисемитизм, фашизм, национальную исключительность и религиозную ненависть, а также материалы порнографического и вульгарно-эротического содержания.

Досмотр преследует цель пресекать также вывоз из СССР оружия всякого рода военных образцов, боеприпасов к нему и воинского снаряжения; наркотических и психотропных веществ; аннулированных ценных бумаг; произведений искусства и предметов старины

(картины, скульптура, рисунки, акварели, различного вида гравюры, миниатюры, изделия из фарфора, хрусталя, керамики, дерева, кожи, драгоценных и недрагоценных камней и металлов, кости, предметы народного художественного промысла, ковры, гобелены, художественная одежда и обувь, нумизматика, книги, рукописи, грампластинки, музыкальные инструменты, почтовые марки и др.) и иных предметов, представляющих значительную художественную, историческую, научную или иную культурную ценность (указанные предметы могут быть вывезены лишь по особому разрешению Министерства культуры СССР с уплатой таможенной пошлины в размере 100 процентов оценки, указываемой в разрешениях на вывоз); рогов сайгаков, маралов, пятнистых оленей и изюбрей, шкур пятнистого оленя, а также кинолент, видеозаписей, носителей магнитной информации для ЭВМ, печатных и изобразительных материалов, содержащих сведения, могущие причинить вред интересам государства, а также правам советских граждан.

В настоящее время в связи с имеющимся дефицитом товаров на внутреннем рынке Советом Министров СССР 30 августа 1989 года принято постановление «О мерах по регулированию вывоза из СССР товаров народного потребления». В этом документе упорядочены действовавшие ранее нормативные акты, касающиеся вывоза за границу товаров иностранными гражданами, находившимися в СССР в качестве туристов, по личным делам, а также следующих транзитом через территорию Советского Союза.

Они не могут вывозить за границу изделия из драгоценных металлов и драгоценных камней, бытовые электроприборы и радиоэлектронную аппаратуру, строительные материалы и инструменты, автомобильные запасные части и вязальные машины, пылесосы, ткани всех видов, детскую одежду и обувь, одежду из натуральной кожи, ковровые и меховые изделия, белье и трикотажные изделия, бытовую посуду и столовые приборы, постельное и столовое белье, медикаменты, предметы санитарии и гигиены, парфюмерно-косметические изделия, товары иностранного производства, а также кофе, какао, чай, икру осетровых и лососевых рыб.

Названные товары народного потребления, а также пищевкусовые товары не могут пересылаться из СССР советскими и иностранными гражданами в международных почтовых отправлениях.

При этом общая стоимость других товаров, приобретенных в СССР, не должна превышать 100 рублей по розничным ценам, действующим в нашей стране. Общая стоимость товаров, пересылаемых из СССР в одном почтовом отправлении, не должна превышать 30 рублей.

Граждане, постоянно проживающие за рубежом, находившиеся в СССР на работе (в том числе в посольствах, торгпредствах, международных организациях) и на обучении в учебных заведениях, могут вывозить бытовые электроприборы и радиоэлектронную аппаратуру, холодильники и морозильники, швейные, вязальные и стиральные машины, пылесосы, фотоаппараты не более одного предмета каждого наименования на семью в течение года. Этим лицам не разрешается вывоз какао, кофе, чая, икры осетровых и лососевых рыб.

Товары народного потребления, приобретенные в СССР в специализированных магазинах и организациях, осуществляющих в установленном порядке торговлю на иностранную валюту, пропускаются без ограничения.

Предусмотренные постановлением Совета Министров СССР меры

носят временный характер и будут применяться в русле ныне действующих «Правил ввоза в СССР и вывоза за границу гражданами вещей, валюты и ценностей».

Главной задачей ГУГТК СССР и подведомственных ему органов является борьба с контрабандой и нарушением таможенных правил.

В соответствии со статьей 100 ТК СССР контрабандой признается:

1) незаконное перемещение через Государственную границу СССР грузов (товаров, ценностей и иных предметов), то есть перемещение грузов помимо таможенных учреждений с нарушением требований Таможенного кодекса СССР или с сокрытием от таможенного контроля, а также хранение, перемещение, продажа и покупка таких грузов на территории СССР;

2) хранение иностранных грузов в количестве, превышающем обычную для собственного потребления норму, если хранителями или собственниками этих грузов не будет доказано законное получение их;

3) ввоз или получение из-за границы грузов, хотя бы при наличии установленных разрешений и с уплатой пошлины, если ввоз или получение этих грузов связаны с незаконным вывозом, переводом или пересылкой за границу валюты СССР, валютных ценностей, платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту без права обращения их в такую валюту, ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней и лома таких изделий;

4) незаконный вывоз, ввоз, пересылка и перевод за границу и из-за границы валюты СССР, валютных ценностей, платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту без права обращения их в такую валюту, ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов, драгоценных камней и лома таких изделий;

5) совершение всякого рода подготовительных действий к перечисленным нарушениям.

За контрабанду установлена административная ответственность в виде штрафа: на граждан в размере до пятидесяти рублей, а на должностных лиц — до ста рублей с конфискацией предметов контрабанды, а также перевозочных и других средств, предназначенных для перемещения предметов контрабанды через Государственную границу СССР или их сокрытия, независимо от времени их обнаружения (статья 187 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и соответствующие статьи аналогичных кодексов других союзных республик).

При незаконном перемещении товаров или иных ценностей через Государственную границу СССР с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманом использованием таможенных и других документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения, а также в случаях незаконного перемещения через Государственную границу СССР взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения виновный подлежит уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки (статья 73 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Н. КОРШУНОВ,
кандидат юридических наук

МОЙКОПСКИЙ „НЕБУС“

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

I

Не хотелось в пивную, куда все камрады отправились опохмеляться после вчерашнего банкета, тем более не хотелось в бордель, куда звал неугомонный Айк. Николай завалился с книжкой на койку, намереваясь провести весь вечер в компании с прославленным английским детективщиком Честертоном, но через полчаса раздраженно отшвырнул потрепанный томик. С жиру бесятся, сволочи!

Рассказ попался о том, как некий предприимчивый англичанин наладил торговлю приключениями, острыми ощущениями. Сытые, благополучные джентльмены, живущие уютной, налаженной жизнью, платят деньги за то, чтобы их вдруг, допустим, «похитили» — схватили на улице, втащили в темный подвал, поугадили...

Потом у них, паразитов, пищеварение лучше работает. Им есть что жрать. Приключений хотят, гады...

У него, Николая, с самого детства все наоборот. С деньгами плохо, со жратвой плохо, а приключений с избытком. Да таких, что все эти честертоновские господа окоchureлись бы после первого же сеанса. Он бы заплатил за избавление от приключений. Он бы все отдал — хоть душу дьяволу, — лишь бы пожить спокойно, по-человечески. Чтобы дом, семья, жена, дети, чтобы работа надежная. И чтобы не было страха. Но, видно, прав был фюрер, и воистину — каждому свое.

Приключения начались, когда Коля собирался в школу — первый раз в третий класс. Тут оно и трахнуло, приключение-то, и совсем не так, как в рассказе Честертона, — совершенно бесплатно и без предварительного заказа. Тогда, накануне первого сентября, и пришли за отцом...

Николай нечасто вспоминал родных, старался не вспоминать, но уж если это начиналось, поднимаясь помимо воли со дна души, знал: не отвяжется, и бороться бесполезно. В такие часы лучше

смазать мозги алкоголем, но сегодня, пожалуй, и этого не надо. Не говоря о том, что вчера гуляли без оглядки, сегодня можно отпустить вечно натянутые вожжи и расслабиться. Может, и правда повернется все к лучшему, как галдели вчера, отмечая долгожданную радость — смерть Сталина. Видя такое настроение, начальство отменило последние часы (радиодело), и преподаватель Александр Исаакович присоединился к своим ликующим питомцам. Он всегда был не прочь выпить за чужой счет, этот немец. А уж когда подошел Василий Федорович Матюков, читающий курс «Основы партизанского движения», сам бог велел звать его за общий стол.

— Загнулся усатый, загнулся!

— Эх, не дожил до этого Андрей Андреич!

Впрочем, эту реплику со слезой о генерале Власове не поддерживали. Перечислять врагов Сталина — дело такое, можно черт-те кого вспомнить, кого по нынешним временам вспоминать излишне. Лучше спеть. И спели, конечно, переделанную некрасовскую песню «Кудеяр и двенадцать разбойников»:

Политбюро большевистское,
Сталин у них атаман,
Много товарищи пролили
Крови честных христиан...

Здесь у каждого были свои счета к усатому и к товарищам коммунистам, во всяком случае, все высказывались в таком духе. В подробности, конечно, не вдавались, потому что, как говорится, пей да дело разумеи. А здесь не следует рассказывать вслух свою автобиографию, даже и фамилию называть. Боб, Айк, Поль, Пит, Джон — и будьте здоровы. Да никто вроде бы никого и не знает. И если, допустим, Николаю ведомо, что Боба зовут Михаилом, а тот, в свою очередь, знает его подлинное имя, а не только кличку Поль, то и ладушки, знай про себя, а вслух не говори. Такая служба.

Николай накинул теплую куртку и вышел из виллы в парк, на берег Тагернзее. Загляделся в чистую озерную воду — и поплыли, поплыли воспоминания. Все его, будь они неладны, приключения. Начиная с того дня, когда отца увезли в Благовещенск. Вот тогда, пожалуй, и кончилось, говоря словами поэта, «беспечальное детство». Николай помнил, как, не опасаясь его, десятилетнего мальчишки, открыто недоумевали соседи: почему Карпа Антоновича взяли? Ну вышла линия такая, чтобы кулаков высылать, не нашего ума дело, начальству виднее. Конечно, при коллективизации произошло головокружение от успехов, слабое, видать, начальство головой, но и самому дурному начальнику должно быть ясно, что кто-то кулак, только не Шурко, Карп-то Антонович! Какой кулак из увечного мужика с оторванной рукой! Он даже и не крестьянствует. Жена его, Евдокия Андреевна, с самого начала в колхозе, уже считай три года, а сам больше по лесосплаву или боцманом на Амуре-батюшке.

Начальству, однако, было видно как-то по-другому, и пошел Коля в третий класс уже как сын то ли кулака, то ли подкулачника, то ли незнамо какого другого классового врага. В школе, правда, мальчика никто за это не обижал и учительница жалела.

А месяца через два, уже к зиме, и отец объявился. Отпустили. Суда не было. Статьи никакой не дали. Документ вернули. Решение определили такое: со всей семьей отправиться на жительство в город Иркутск. Зачем, почему, ради чего — никто не объяснял. Ве-

лено — выполняй. Апелляций, прошений, жалоб не подавали. Снялись и поехали в Иркутск, далеко на Запад. Коле было десять лет.

Вскоре он уже помогал отцу, которого определили работать на кирпичном заводе. Жили дружно, и все постепенно налаживалось, пусть и без родного дома, своего хозяйства, без кумовьев-соседей, без Амура-батюшки. Отцу с матерью, может быть, и снился старый деревенский дом, а детям — уже нет. Ни Коле, ни тем более Маше, которая была моложе брата на четыре года. Ангара — тоже интересно. Знакомый шофер возил иногда и на Байкал.

Вскоре жизнь семьи обрела стабильность. Дети учились, учились хорошо, в тридцать третьем отец перешел на легкую работу — стал лотошником, торговал папиросами, табаком и махоркой. Сигарет тогда не курили.

В тридцать девятом Николай Шурко поступил в Иркутский госуниверситет на почвенно-географический факультет. Началась волнующе-интересная студенческая жизнь. Но медовый месяц юности оказался таким коротким...

Николай готовился к первой сессии, когда его призвали в армию. Сейчас, по прошествии лет, он убежден, что в тридцать девятом ему, в сущности, крупно повезло. Хотя тогда ему казалось большим несчастьем встретить новое десятилетие, 1940 год, не в компании с нарядными студентками, с одной из которых ему особенно хотелось потанцевать, а в казарме Томской школы связи. Между тем шла финская война, и везение было в том, что его послали не на фронт, а на учебу. Но главное везение заключалось в самой армейской закалке, ибо 22 июня сорок первого года он встретил не теленком-новобранцем, а кадровым военным, сержантом, пообтершимся уже в армии...

Приехал из Мюнхена с продуктами для камрадов хлопотливый Марк Осипович, крикнул что-то приветливое, Николай автоматически ответил и вдруг поймал себя на мысли, что отвечает по-немецки, даже не переводя в уме с русского. То есть, выходит, и подумал по-немецки? Скажи, пожалуйста.

Впервые немецкую речь он услышал, когда в липкой от крови гимнастерке старался вжаться в землю, спрятаться в придорожных кустах. Но не удалось. Немцы, двое их было, подошли, один клацнул затвором, второй пнул сапогом в лицо. Николай встал, поднял руки...

Вот с тех пор, с сорок первого, когда Николаю было двадцать лет, жизнь его состоит, пожалуй-то, из одних острых ощущений, внезапных перемен, сплошного сумасшествия — как хочешь, так и называй.

От одного этого башка лопнет, забыть все, да нельзя — просто потому, что рядом с приключениями начались и допросы. И надо помнить, кому что говорить, не сбиваться, не перепутать. Иногда Николаю казалось, что он не один, что двоится и троится. Скажем, когда, бежав из плена, укрывался он в деревне Двуполяны, соседке-старушке, шибко идейной, прямо-таки беспартийной большевичке, рассказывал он чувствительную историю о своем безруком отце, покалеченном колчаковцами. А поручику Листоподольскому, который под видом задушевной беседы допрашивал Николая перед зачислением в Русскую освободительную армию, во всех подробностях излагал историю ареста отца в 1931 году и высылки всей семьи из родного села.

Николай всегда любил читать, и еще в краткой его студенческой

жизни попало ему в одной книге древнеиндийское изречение: «У лжеца должна быть хорошая память». В мозгах крепко сидит пережитое, а не придуманное. Не хотел Николай говорить поручику Листоподольскому о том, что попал в Красную Армию из студентов. Из советских, так сказать, студентов. Не хотел также излагать некоторые подробности военного периода, своей тихой отсидки в деревне Двуполяны. И не сказал, все тщательно обдумывал, каждый ответ свой на допросе под видом задушевной беседы. Но не знал он, как делается перепроверка.

Листоподольский вроде бы как закончил разговор, сказал: все в порядке, теперь и выпить можно. И напоил Николая, и пьяному стал по новой задавать те же вопросы. Потом пили еще — шутка, мол. А ночью свет в глаза, и уже незнакомые офицеры контрразведки РОА повторили все еще один раз. На следующий же день поручик Листоподольский криво усмехался: «Что же это ты, братец, ночью не то говоришь, что днем?» И Николай уже не знал, так ли оно на самом деле, или же на пушку берет. Было это в Орше, в лагере для советских военнопленных, в сорок третьем...

Там и усвоил Николай, что в каждой версии рассказа о себе надо опираться на истинные факты — тогда не собьешься. Ну, а окраску автобиографии делать соответственно тому, кто сидит по другую сторону стола. Или, допустим, лежит рядышком на нарах. Это у Честертона или Конан Дойля дело, как правило, обходится без провокаторов. А в реальных приключениях их полным-полно.

Все так. Ну, а сам он кто? Из двоящегося, троящегося Николая Шурко — который подлинный! Какие бы показания дал он не той или иной контрразведке, а, скажем, Господу Богу или родному отцу, если Карп Антонович еще жив. А, пожалуй, вот такие. Что давно утвердился в мысли: сопротивлялся Большой Политике бессмысленно. Бессмысленно, скажем, противиться раскулачиванию, или мобилизации, или выходу на работу вместе с другими военнопленными. Плетью обуха не перешибешь. Но и лежащим камнем быть не следует.

Что же делать? Надо поступать соответственно своему росту, иначе говоря, чину-званию. Нельзя отказаться маршировать (приказ начальника — закон для подчиненного), но следует тщательно намотать портянки, чтобы не сбить ногу. В Большой Политике, линию которой мелким людишкам знать не дано, боги небесные и земные планируют надолго вперед (фюрер, скажем, планировал на тысячу лет). Нам столь далеко в светлое будущее не заглянуть. Но мы можем спланировать, как нам лучше, на месяц, на день, на час. Иногда и от того, как спланируешь ближайшие две минуты, вся судьба твоя зависит (так было, например, при побеге из плена). Нас много, мелких, за всеми нами глаз не хватит. Есть возможность, одним словом.

Вот почему Николай отсиживался-отлеживался на печке в крайней избенке тихой деревеньки в то время, как шли судьбоносные сражения под Москвой и Харьковом, под Сталинградом и Курском. И вот, когда советские войска уже были под самым Киевом, закончилось Николаево сидение в тихой деревеньке. Как с неба свалились полицаи и взяли его, тепленького, со сна.

В Оршинском лагере, впоследствии ставшем «знаменитым» своими ужасами, Николай сразу понял, что отсюда не убежишь. И не думал о побеге, не шептался об этом, рискуя стать жертвой провокатора, не расходовал нервную энергию. Зато слушал, когда

рассказывали, куда отсюда отправляют. Понял — ничего не известно, может быть, на работу в самую Германию, а, может быть, в Польшу, в особые лагеря, где просто травят газом. Решил, однако, уехать, как только предложат: здесь, кроме смерти, ничего не светило.

Но ничего не предлагали, и, несмотря на хорошую физическую форму, Николай слабел и осознавал, что смерть снова стала весьма близкой реальностью. Вот тут-то и появились офицеры РОА, Русской освободительной армии генерала Власова.

II

Кого куда, а его судьба волокла все дальше и дальше на запад. Орша — еще наша земля (чья «наша», Николай?), потом уже Льецен. Это Германия. Тогда была Германия, Восточная Пруссия. А что сейчас — СССР или Польша, какая ему разница? И пропади он пропадом, этот городишко в Померании, Вальтварп, или как там его! Важно, что война явно шла к концу, и очень не хотелось поднимать руки и говорить «Гитлер капут», будучи в форме РОА. Ну что ж, изменить исход войны не в его, Николая, силах, но можно постараться попасть в плен к американцам, а не к своим (кому они «свои», Николай?). Этого дружно хотела вся их часть. Третье пленение прошло совсем не страшно.

Американский лагерь под Нюрнбергом по сравнению с немецким в Орше казался курортом. Голодовки нет, расстрелов нет, медицинское обслуживание — пожалуйста, но все равно леденит страх: в лагерь приезжают советские офицеры — ищут своих. Пора домой, ребята. Хватит здесь отсиживаться. Строить надо — родная страна разрушена, сами видели.

По-разному слушают этих офицеров. Одни сразу соглашаются, другие лица прячут, третьи ехидные вопросы задают, матерят. Известно: советских агитаторов союзники пропускают в лагерь только без оружия, под смертельный риск. Бывает, что живыми не выходят. Сам смотрел из-за спин Николай, как оно получилось с тем седым подполковником. После его призывной речи вышел из толпы рослый мужик, снял шапку, шутовски поклонился:

— Не узнаешь, гражданин начальник? А мне твоя личность ой как знакома.

И дико выкрикнул:

— Это ты, сволочь, отца моего раскулачивал!

Страшным ударом свалил он пожилого офицера и стал бить ногами. После минутного замешательства к нему бросились другие пленные, хотели предотвратить расправу, но кольцом встали дружки:

— Не лезьте не в свое дело, мужики, дайте со знакомым комиссаром по душам побеседовать.

Тут стенка пошла на стенку, много зубов было выбито, много skulls сворочено. К концу драки появились вооруженные американцы, негры-санитары понесли к выходу из лагеря тело подполковника. А один из дружков убийцы, взобравшись на железную бочку, повел свою агитацию. Говорил — не верьте, мужики, братья православные, солдатики мои дорогие, комиссарским улыбкам. Здесь они все улыбаются, а переедешь границу зоны — хмурые типы из НКВД. Слыхали слово «фильтрация»? Это значит, всех, кто у Власова

служил (как я, к примеру), — под расстрел, остальных — на Колыму. Вот и вся хитрость, мужики, вся фильтрация.

Власовский оратор призвал обратиться к лагерной администрации с просьбой — не впускать сюда советских офицеров. Они ходят, все вынюхивают, высматривают, кого им надо, потом требуют выдачи с указанием фамилии. Набрешут, что ты военный преступник, простак союзники и верят. Он рассказал, что чекисты, переодетые в армейскую форму, устроили шикарный банкет для западных офицеров, упоили всех водкой, обкормили икрой, а союз-

ники по пьянке отдали дорогим советским друзьям генерала Власова. Так то сам командующий РОА. А офицера из его армии чекисты могут выменять у америкацев за бутылку русской водки. Какой-нибудь негр-шофер запросто любого из вас выведет с лагерной территории и особистам в пасть положит.

Брешет, не брешет этот мужик, пес его знает. Примеряя нарисованную им перспективу к себе, Николай решил, что его-то и за чекушку отдадут. Он ведь даже не офицер, он всего лишь ординарец помощника начальника оперативного отдела штаба РОА подполковника Коровина. А там поди доказывай, что ты, будучи в РОА, даже ни разу и не стрелял. Найдут, к чему придраться.

И Николай махнул в Мюнхен — тропа туда из его лагеря уже была протоптана. В большом городе легче затеряться. Щель обязательно найдется. И она нашлась. Еще в университете Николай прочитал «Ибикус» Алексея Толстого. Проходимец Невзоров поразил его живучестью. Черт-те где, за границей, на краю света, а гляди-ка — сумел пристроиться. Думал ли тогда студент Шурко, что через шесть лет он, теперь беглый военнопленный Соколов, у черта на рогах, в Мюнхене, поступит в строительную фирму господина Моисеева! Откуда взялось это очередное воплощение бессмертного Семена Ивановича Невзорова, какова его история-биография, откуда родом, где носило-мотало, из каких огней живым вышел — пес его знает.

Важно, что работу дал господин Моисеев. И не спрашивал ничего, кроме профессии, квалификации, знания языка. Работали люто. Но угрозы расстрела не было. Строили аэропорт. На господина Моисеева работали в основном дипишники. Такого слова раньше в русском языке и не водилось. До чего же гибкий язык! Для таких, как Николай, которые вроде бы уже и не пленные, потому что не хотят репатриироваться, сконструировали английский термин «перемещенные лица» (дисплейсд персонс). Сокращенно (в английском много сокращений) — ди-пи. А по-русский дипишник! Поэт, может быть, и перевел бы как «сорванные бурей» или что-то такое, но термин придумывали не поэты. Термин переводит в другую плоскость отношения между участниками только что отгремевшей войны. Кем лучше называться: вчерашним солдатом армии Власова или дипишником? Кажется, ясно.

В сорок седьмом на стройку приехал господин Болдырев Константин Васильевич, подрядчик, из старых эмигрантов. Обходил русских, вербовал в Африку, во Французское Марокко, и в Южную Америку, в Бразилию. Николай выбрал Марокко — оно и поближе (к чему поближе, Николай?), и к тому же набралась туда целая группа — несколько десятков человек. В их числе Михаил Кулеминов, с которым Николай не то что сошелся (в этом мире никто ни с кем не сходился), но все же они держались вместе. Мишке было всего девятнадцать, но он уже научился лишнего не болтать. Припомнили они, однако, давнюю свою встречу, когда оба еще носили форму РОА. Юный Кулеминов состоял тогда в кадетской роте...

В Касабланке они оказались в лагере, построенном во время войны американцами для своих солдат. Всем, однако, еще в Германии обрыдло жить в американских бараках, и администрация пошла навстречу: вот вам, ребята, кирпич, и сами стройте себе конурки. Ради бога! И работа есть для всех. И вот уже Николай — землемер, а Михаил — плотник.

Хозяин же — еще одно воплощение Невзорова, зовут его госпо-

дин Федченко. Добро пожаловать, дорогие соотечественники! Не думайте, что вы здесь первые русские. О-ля-ля, не только вы рассуждали о преимуществах Французского Марокко, которое хотя и в Африке, но (при наличии денег и документов, конечно) не так уж далеко, скажем, от Парижа...

Шло время. Росло мастерство, на послевоенном буме рос заработок, и с каждым разом, встречаясь в компаниях соотечественников, русские отмечали, что они все увереннее держатся, все лучше одеты, все лучшие комнаты снимают. Нужда постепенно перестала гнуть в три погибели, появились силы, а вместе с ними и желание распрямиться, оглядеться, узнать, что делается на свете и, главное, там, дома.

Но как узнать? Запросить через Международный Красный Крест о судьбе семьи нельзя. То есть, конечно, можно, но опасно: как бы не навредить им, оставшимся там, за железным занавесом. Николай даже не знал, кем он числится дома — пропавшим без вести или убитым. Неизвестно, что лучше. Если пропавший — у матери есть надежда, может быть, сестра ищет по госпиталям, пусть ищет, пусть надеется, но ходят слухи среди перемещенных лиц, дипишников, что в СССР родственники пропавших без вести под подозрением. А вот семьи погибших окружены почетом. Так что неизвестно, что лучше. По тем же причинам нет и речи о том, чтобы послать посылку родным. И уж, конечно, и мысли не может быть, чтобы поехать домой, обнять отца и мать, если они еще живы, повидаться с сестрой. Разумеется, можно добровольно пересечь железный занавес, и, как поется в новой советской песне,

Там, где были лишь тропы зверей,
Мы проложим таежную трассу...

Если, конечно, не расстреляют. В газете «Русская мысль» пишут: в СССР лютует МГБ, как теперь называется довоенное НКВД. Здешние русские совали эту парижскую газету новичкам — те, как правило, по-французски-то не особенно... Николая и Михаила поразило, как много русских, оказывается, живет в этом самом Французском Марокко. Соколов (Шурко) помнил из школьной программы такую страну, но представлялась она ему смутно: коричневые арабы в белых одеждах, желтый песок, плешивые верблюды. И французские колонизаторы в шлемах и со стеками. Николай понимал, что в реальности заграница вовсе не такая, как на карте в атласе, осознавал, что он неучен, но имел все основания полагать, что ни в одной книге из библиотеки Иркутского госуниверситета он бы не вычитал о марокканских русских.

А они здесь были разные. И делились они прежде всего на старых и новых, то есть на тех, кто собственной судьбой или происхождением относился к белой эмиграции, и на тех, кто, подобно Николаю и Михаилу, был оторван от родины второй мировой войной. До Марокко монархисты казались Николаю понятием из того же ряда, что и крестоносцы или опричники — словом, какая-то седая древность. В Касабланке, узнал он, есть организация монархистов. Главу ее, семидесятилетнего сурового старика с книжной фамилией Квашнин-Самарин, Николаю показывали в церкви, куда он стал ходить, потянувшись не к вере, а к соотечественникам. А где еще сойтись вместе русским людям, чтобы начать свои нескончаемые политические споры, как не в православном храме?

Михаил Кулеминов с нескрываемым любопытством смотрел на туристов из Западной Европы, которых все больше и больше бы-

вало в таком экзотическом и таком недалеком для них Марокко. Особенно много приезжало студенческой молодежи — в каникулярные недели. Смотри, смотри, говорил Мишка, вот они, настоящие-то европейцы, вот они какие. Ведь я их раньше только в солдатских мундирах видел... На Николая же эти туристы действовали, как красная тряпка на быка. Он тоже был когда-то студентом. И вставал вопрос, почему даже те английские парни, которые прервали учебу, чтобы повоевать с Гитлером, вернулись в свои колледжи, а он так и не увидит никогда своего родного почвенно-географического факультета Иркутского госуниверситета?

На этот вопрос он получил четкий ответ в одном русском доме, где как-то на Пасху собралась большая компания и Николай за столом оказался рядом с инженером Александром Семеновичем Парфеновым. Пожилой, солидный, он держался с достоинством, вызывал к себе доверие. И как-то так получилось, что Николай пожаловался ему на свою злую судьбу, которая, судя по всему, не даст ему никогда уже свидеться с родными. Не говоря уж о том, чтобы ему, подобно своим сверстникам-англичанам, снова стать студентом.

Парфенов усмехнулся:

— Что это вы, любезный, в вашем-то юном возрасте в мистику ударились? Какая судьба, как она, позвольте полюбопытствовать, выглядит? Имя, фамилия, особые приметы...

Николай стал было объяснять, какой смысл вкладывает он в понятие «судьба» — стечение, мол, обстоятельств, но Александр Семенович и это решительно отmel:

— Вздор, дорогой соотечественник, вздор! Вашу и мою злую судьбу знают в полицейских участках всего мира, хотя она, как все преступники, меняет обличье... Но, пожалуйста, не называйте это судьбой. Это люди, которые захватили власть в нашей стране. Не боги — люди. Значит, другие люди, такие, как мы с вами, могут отобрать эту власть у них. Логично?

Парфенов говорил спокойно, уверенно, без надсадных выкриков, характерных для власовских «идеологов», которых Николаю доводилось слушать в сорок третьем и особенно в сорок четвертом, когда он сам учился в школе пропагандистов РОА. До этого вечера Николай не любил вспоминать ни эту школу, ни лекции, которые он потом читал в своей части, ни самого Власова, которого недавно повесили в Москве, во дворе Таганской тюрьмы (такие слухи, во всяком случае, ходили здесь, в Касабланке). Приятного мало — все это вспоминать. Ведь в лекциях своих он, Николай, восхвалял Гитлера и его новый порядок в Европе, призывал служить великому германскому рейху, выявлять и уничтожать еврейских недочеловеков и большевистских комиссаров, коммунистическую интеллигенцию, всех этих красных умников, которые заморочили головы русскому народу. А Власов, как ни крути, предатель.

Однако Парфенов повернул все иначе. И все у него как-то ловко, приятно и удобно получалось. Выходило, что «господин Соколов» (Николай Шурко был известен в Марокко только под этой фамилией) совершенно ничем не запачкан, грехов за ним не водится, пусть его ничто не тяготит. Кто сказал, что он должен был слезть с теплой печки у милой хозяйшки в деревеньке Двуполяны и вступать в партизанский отряд? Это варварские нормы морали, авторитетно говорил Парфенов, это азиатчина. Укажите мне хоть одну международную конвенцию, которая содержала бы подобные требования к военным служащим. Нет такой! Должен вам сказать, доро-

гой соотечественник, что наша дикая партизанщина шокировала еще французов в 1812 году. Именно так — цивилизованных европейцев шокировало наше военное бескультурье. В Европе как? Проиграл бой — подними руки, скажи «капут». Когда Гитлер победил Данию, тамошний король пожал руку немецкому генералу, поздравил с успехом. Вот как принято на Западе! Я убежден: если бы нас в свое время покорили французы, мы под влиянием более развитой нации стали бы умнее и культурнее. Мы бы, наверное, усвоили принцип: потерпел поражение — подчинись победителю, неукоснительно исполняя законы, подписанные оккупационными властями. Для своей же пользы. Не провоцируй власти на проведение карательных акций, которые, конечно же, неприятны. Я знаю, вздохнул Парфенов, я сам в них участвовал, ведь я был офицером РОА, это тяжело в эмоциональном отношении, но я выполнял свой долг цивилизованного русского, долг человека, живущего по закону. Парфенов разъяснил Николаю смысл его двухлетнего укрывательства в Двуполянах — это была, оказывается, позиция «третьей силы». Ни с красными, ни с немцами, своим путем — за Россию.

Николай всего толком не понял, да и выпил немало, но осталось приятное ощущение. Парфенов будто его распрямил. Ему, Николаю, нечего стыдиться в своей жизни. Он, оказывается, не нарушил никаких законов войны. И как-то уже ни к чему было вспоминать, что гитлеровцы нарушали все законы, сжигая деревни вместе с мирными жителями и расстреливая пленных, — в парфеновскую систему это соображение никак не вменялось. А система была стройной и весьма для него, Николая, удобной: он ни в чем не виноват, а виноваты во всем коммунисты.

Слава богу, сказал Парфенов, Запад начинает это понимать и поддерживать тех русских, которые выступают против коммунистического режима в своей стране. На прощание Парфенов предложил заходить, упомянул, что является руководителем марокканского отделения Национально-трудового союза. (В описываемое время именно так называлась эта зарубежная антисоветская шпионско-террористическая организация, неоднократно менявшая вывеску; ныне ее полное название — Народно-трудовой союз российских солидаристов.)

III

Люди из НТС — Национально-трудового союза — встречались уже Николаю, но раньше они просто не вызывали у него интереса. А теперь он к ним потянулся. Особенно после инцидента у церкви, когда энтэжсовцы затеяли молебен по Власову и здешний предводитель русских монархистов Квашнин-Самарин обозвал убиенного генерала немецким псом, но не рыцарем. Николай и Михаил хорошо усвоили тогда, что Власов и соответственно они сами, бывшие власовцы, отнюдь не герои в глазах группы старых белогвардейских офицеров, именовавших себя марокканским отделом РОВС — Российского общевоинского союза.

С кем же из русских общаться таким, как Николай или Михаил? Дипишники из политически нейтральных избегали общения с соотечественниками. Они старались лучше изучить язык и поскорее уехать в Америку. Вот и получилось, что в компаниях более или менее молодых людей, где можно было отвести душу, говоря по-

русски, и где не нужно было умалчивать о своей службе в РОА, заправляли энтээсовцы.

Вскоре уехал Парфенов, и главой местного отдела НТС стал Юрий Петрович Жеделягин.

Сюда, в Марокко, откочевали многие русские белоземляки из Югославии, где некогда зародился НТС. Но вездесущие чекисты успели кое-кого схватить и в Югославии. Увезли в СССР Евгения Дивнича, который все тридцатые годы руководил белградским отделением НТС и вел борьбу, не увенчавшуюся, к сожалению, успехом. Многие из новых знакомых Николая помнили Дивнича, рассказывали, как снаряжал он боевиков, уходивших «туда». Николай вспоминал довоенные газеты, там было много о вредителях, о троцкистах и бухаринцах, но об энтээсовцах он вроде бы ничего не читал. Что случилось с этими людьми? Все ли они погибли в борьбе с НКВД или кто-то уцелел и, ожидая национальной революции, готов стрелять из засады?

...Марокканский берег — край нашего мира, Старого Света. Однажды прогуливаясь в одиночестве по пустынному пляжу, Николай подумал, что судьба всю жизнь гнала его на запад — из Приамурья в Иркутск, потом в Томск, потом на Смоленщину, потом в Германию, и вот наконец он дошел до самого края, до последнего моря, за которым невообразимо далекая и совсем уж чужая Америка. Новый Свет — это как тот свет, только заживо...

Касабланка обрыдла. Начиная от французского языка и африканских скорпионов и кончая циничными и алчными девицами, способными просчитать вперед на десять лет финансовые возможности любого парня и хладнокровно разделявшими семейные планы, полезные знакомства и сексуальные упражнения. Где-то глубоко сидели в Николае принципы старой русской патриархальной морали, и ярмарочная покупка и аренда самцов и самок была ему не по нутру. Так куда же, Николай?

Новый, 1952 год встречали торжественно. Из Европы прибыл почетный гость (просто чудо и невероятное везение, что он выбрал захолустную Касабланку для такого праздника!), сам председатель исполбюро НТС Виктор Михайлович Байдалаков.

На Николая Байдалаков произвел сильное впечатление. Он впервые слушал такого прекрасного оратора. Сама форма его речи завораживала, что же касается сути дела, то она тоже оказалась близкой Николаю. Байдалаков как бы ответил на его вопрос «что делать?», особо остановившись на проблемах русских молодых людей, оказавшихся на Западе.

— Наша борьба растет и ширится, — патетически воскликнул Виктор Михайлович, — наша молодежь не должна обзаводиться уютными домиками и семьями, она должна быть на родине вместе со своим народом, готовя почву для национальной революции.

Потом очень демократично, но и соблюдая дистанцию, Байдалаков с бокалом шампанского побеседовал со многими. Не обошел он и Николая, одобрительно и покровительственно оглядев его высокую плечистую фигуру, задал несколько вопросов, ответами на которые оказался, видимо, удовлетворен.

— Вам бы побывать в Европе, — сказал он, внимательно вглядываясь в лицо Николая. — Если такой случай представится, навестите и нас.

Вскоре случай действительно представился. Или был подстроен.

Так или иначе, сделав остановку в Париже, он снова оказался в Германии.

...Николай все ходил и ходил вдоль берега Тагернзее. Завтра пожалуй большое начальство и под второй главой его биографии будет подведена черта. Начнется самое большое приключение в его жизни, столь богатой приключениями. Он вступает на путь нелегала. Тогда, когда он впервые попал из Парижа во Франкфурт-на-Майне, он дал согласие рано или поздно пойти по этому пути. Жестков, энтэзсовец, знакомый по Марокко, направил его к Георгию Сергеевичу Околовичу, руководителю «закрытого сектора» НТС. Низенький, очкастый, напористый, Околович не разводил длинных разговоров. Он сказал, что Николая наилучшим образом характеризует Юрий Петрович Жеделаягин, да и сам Байдалаков упомянул его в положительном смысле, информируя исполбюро о своей командировке в Марокко.

— Вам, в ваши тридцать лет, с вашей сибирской силушкой и русской сметкой, пережившему испытания и не обремененному семьей, сама судьба указывает путь — стать кадровым офицером революции. Борьба идет везде, но главный фронт — там, в России, — говорил Околович. — Вам ли гнить в Африке!

Они долго беседовали, и даже битый-перебитый Николай не сразу осознал, что это опять допрос. Где жил, что видел в СССР и особо — период от мобилизации до плена. Подробно об отсидке в деревушке Двуполяны на Смоленщине. Николаю страшно не хотелось называть имя своей хозяйки, и руководитель закрытого сектора почувствовал его сопротивление. Подкатывался и так и эдак, но Николай отшучивался — я, мол, всех баб Машками кличу.

Околович, однако, шутки не принял:

— Речь не о бабах, а о возможной явке. Чем не вариант — вернулся из плена. Отсидел. Документ, разумеется, будет.

— Вы знаете, как строго там проверяют документы, — возразил было Николай, но Околович перебил:

— Я знаю. Я прошел в СССР в 1937 году, мой дорогой, я на брюхе под колючей проволокой переполз границу, проехал полстраны, сделал все, что положено, и выбрался обратно.

(Околович действительно нелегально проникал в СССР, но никаких акций совершить не сумел. Так что его туманные слова о делах — чистейшей воды липа. Однако после возвращения из СССР Околович прослыл знатоком «советских реалий» и сделал себе на этом карьеру в НТС.)

Вскоре Николай официально вступил в НТС. Он дал письменное обязательство не щадя живота своего бороться за свержение Советской власти в России, поставил подпись и ожидал, что сейчас эту бумажку спрячут и скажут, что в случае чего не преминут ее предъявить. Бумажку, однако, сожгли тут же, на его глазах. Объяснили, что так лучше для конспирации и для дела полезней, как показывает исторический опыт: Моисей, мол, звон когда разбил скрижаль завета, а евреи до сих пор за ним идут. Но чтоб Николай не отчаивался и не думал, что, подобно евреям, жить в рассеянии придется долго, его твердо заверили, что национальная революция произойдет уже очень скоро. И от него, Николая Соколова, теперь тоже зависят ее конкретные сроки. Ибо он теперь офицер революции.

И началась «офицерская» учеба. Сначала была школа пропагандистов НТС в Бад-Гомбурге. Всего было десять слушателей, восемь русских и двое армян. Проходили историю СССР, в которой все было

как бы зеркально обратным тому, чему его когда-то учили в советской школе. Слушали лекции по философии — иначе говоря, изучали методы опровержения марксизма-ленинизма по пунктам. Была наука оператика — организация пропагандистских акций, разбрасывания листовок, подмены плакатов и т. д. и т. п. Основу этой неведомой ранее науки составляли шестьдесят заповедей конспиратора, которые полагалось знать назубок. Один преподаватель, который представлялся как бывший артист МХАТ Михаил Балмашев, учил искусству речи... Занятия шли плотно, четыре месяца учебы пролетели незаметно, и вот, можно сказать, образование получено.

Дальше — проверка. Медицинская комиссия, зрительная память, вопросы на сообразительность, быстрота реакции, парашютная вышка — и допросы, допросы, допросы...

И снова встреча с Околовичем:

— Ну вот, дорогой соратник, пора наконец приступить и к настоящему делу. Все это была, так сказать, увертюра. Если вы, разумеется, не против, мы направим вас в нашу каркасную школу. Да, так мы ее называем — каркасная школа закрытого сектора НТС. Там, в России, вы образуете каркас, вокруг которого будет строиться здание нашего дома, дела национальной революции. Кстати, не все из ваших товарищей выдержали испытание и выразили желание продолжать учебу. Мы это предвидели, кое о чем не говорили. Пусть отсеются слабые. Сейчас следует сказать, что без помощи наших американских друзей мы бы не смогли организовать вашу дальнейшую подготовку. Техника стоит дорого, снять подходящее помещение не просто. Такова политическая реальность, надо смотреть на вещи трезво: пока без помощи американцев нам не обойтись. Однако мы не вечно будем нуждаться в ней, и когда окрепнем — отбросим их прочь. Да, мы дадим отставку американцам! Эти планы пока сугубо секретны, но вы — из числа посвященных. Для начала сменим вам имя. В Бад-Висзее вы поедете как Павел Николаевич Горский. Для товарищей вы отныне Поль. Ваш друг Михаил Кулеминов теперь для вас и для всех остальных Боб. О'кэй?

Осенью 1952 года снова началась учеба. Вместительная вилла над озером Тагернзее была построена столь удачно, что никому не бросалась в глаза. В ней были и классы, и жилые комнаты. Целый день шли занятия. Радиодело, шифровальное дело, физическая подготовка, владение оружием, ориентировка на местности, методы обнаружения слежки и ухода от нее, прыжки с парашютом, навыки запоминания множества цифр и слов, искусство опросов, допросов, убеждения, вербовки, шантажа, лести — одним словом, психология. Практические занятия с рациями. Индивидуальные занятия — по разработке легенды, по изучению предстоящего задания. Наконец, организация партизанской войны. С раннего утра и до семнадцати ноль-ноль. Дальше — свободное время. Гуляй где хочешь, но вставать в 5.30, и нагрузка на голову такая, что особенно не попьешь.

Ну что, Николай, кино докрутилось? Итак, завтра разговор с большим начальством. Похоже, пора за дело. Пора в Россию. Там заваривается крупная каша. Судя по всему, коммунисты, оставшиеся без своего вождя, в жуткой панике. Умная все же голова — Околович! Он читал специальную лекцию на тему о том, как действовать, если в день вашей заброски генералиссимус выйдет из игры. Молодец, Георгий Сергеевич, молодец! Наверное, он и приедет завтра.

Продолжение следует.

СОЮЗ ЮРИСТОВ — ПОРА СТАНОВЛЕНИЯ

В июне прошлого года состоялся Учредительный съезд юристов, на котором был создан Союз юристов СССР. Эта новая общественная организация вызывает большой интерес, причем не только у профессионалов, о чем свидетельствуют многочисленные письма наших читателей. Что нового привнесет деятельность Союза в построение правового государства, что он даст юристам и обществу? Так можно было бы суммировать большинство вопросов, содержащихся в почте. Редакция попросила ответить на них председателя Союза юристов СССР А. А. ТРЕБКОВА.

Несколько слов о собеседнике. Андрею Адамовичу Требкову 52 года. Он окончил Свердловский юридический институт и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат юридических наук, заслуженный юрист РСФСР. Работал народным судьей, председателем районного народного суда в Тюменской области. Избирался секретарем Тюменского горкома партии, руководил отделом в Тюменском обкоме КПСС. В течение семи лет являлся членом коллегии Министерства юстиции СССР, начальником отдела по вопросам правовой пропаганды и правового воспитания граждан. С 1989 года — консультант государственно-правового Отдела ЦК КПСС.

Нам приятно отметить, что А. А. Требков длительное время входит в состав редакционной коллегии нашего журнала.

— Андрей Адамович, редкая неделя проходит без сообщений о возникновении разного рода общественных объединений граждан. В стране уже действует свыше 70 тысяч различных обществ, союзов, фронтов, фондов, центров. Не является ли подобный процесс лишь данью моде, своеобразным синдромом подражания? Этот вопрос в полной мере можно отнести и к созданию вашего Союза.

— Не могу согласиться с вами, что появление новых общественных объединений — это лишь дань моде. Сейчас в стране складывается новая общественно-политическая ситуация. Наиболее характерной, отличительной ее чертой является небывалый подъем политической активности и политического творчества масс. Мы видим, насколько велико стремление людей участвовать в управлении государственными и общественными делами. Эта возросшая общественно-политическая активность находит выход как в рамках уже имеющихся у нас демократических институтов, так и во вновь создаваемых, число которых, как вы правильно заметили, постоянно растет.

И все же смею утверждать, что нынешняя сеть общественных объединений граждан еще недостаточна, она не в состоянии должным образом обеспечить решение поставленной В. И. Лениным исторической задачи — добиться поголовного участия масс в управлении общественными делами. Не секрет, что специфические интересы определенных социальных и профессиональных групп граждан удовлетворяются еще далеко не в полной мере, а значит, должны быть и будут созданы новые общественные организационные структуры, призванные эти задачи решать. Таким образом, дело не только и не столько в количестве организаций граждан, а в том, работают ли они на перестройку, на достижение качественно нового состояния нашего общества, на построение гуманного и демократического государства, способствуют ли они осуществлению на деле социалистического самоуправления народа, тому, чтобы управление не только осуществлялось в интересах трудящихся, но и все в большей степени становилось делом самих трудящихся.

Разумеется, что эти требования целиком и полностью относятся и к Союзу юристов СССР. Не скажу, что при его создании не было вопросов: «Зачем и кому нужен этот Союз? И не является ли его создание своего рода данью моде?» Подобные вопросы возникали задолго до Учредительного съезда юристов, кое-где задают их и сейчас. И это вполне объяснимо. Юристы в массе своей весьма осмотрительны, осторожны и даже по-хорошему консервативны. Сама профессия обязывает их вначале семь раз отмерить...

И тем не менее абсолютное большинство правоведов высказались за создание своего Союза. Да и могло ли быть иначе? Ведь стремление юристов к объединению возникло не вчера. Оно имеет давние исторические корни. Юристы России свое первое юридическое общество создали 127 лет назад, в 1863 году. Всего же до революции действовало 12 таких объединений.

Попытка создать общество деятелей советского права была предпринята в апреле 1927 года. По известным причинам жизнь этого общества оказалась недолгой, а судьбы его многих членов — трагическими. Активно обсуждалась эта тема и в 70-е годы. Однако дальше обсуждения дело не пошло, да в тех условиях иначе и не могло быть. Поэтому создание Союза юристов — это конкретный результат перестройки.

— Судя по письмам читателей, до них дошла скупая, во многом отрывочная информация о Союзе, его целях и задачах. Наверное, есть в этом доля вины и нашего журнала. Не могли бы вы восполнить этот пробел?

— Перед Союзом стоит двудеяная задача. Он призван решить комплекс первоочередных и перспективных проблем, касающихся общественного и социально-правового статуса юриста, выявления его социального лица, которое, как справедливо говорилось на Учредительном съезде, длительное время смазывалось и искажалось, а общественные возможности в полной мере не использовались. Мы знаем сегодня юристов больше как чиновников, как официальных должностных лиц — судей, прокуроров, следователей, юрисконсультов и меньше как общественных деятелей. Во многом виной тому — их корпоративная, ведомственная разобщенность. Отсюда первейшая задача Союза — объединить юристов всех специальностей на основе общности их интересов, решаемых ими задач, прежде всего как общественных деятелей. Поэтому я разделяю высказанное на

съезде предложение о том, что первой в ряду задач Союза должна стать задача формирования общественного сознания правоведов.

Говоря о консолидации юристов независимо от их ведомственной подчиненности, я вовсе не имею в виду ту взаимосвязь, которая обеспечивается нормами процессуального законодательства. Я также против дальнейшего сохранения нерасторжимого пока «единства» следствия и прокурорского надзора за ним. Практика, наша жизнь уже решительно высказались за их размежевание. На этом стоит подавляющее большинство юристов — как теоретиков, так и практиков. Не думаю, что нынешнее организационное единство дознания и следствия — это и есть то самое единство, которое нам сегодня необходимо. Короче говоря, я — за четкое разграничение оперативно-розыскной, следственной, надзорной, судебной, исправительно-трудовой и защитительной функций. Ведомственного совмещения в этих вопросах быть не должно.

Особую актуальность в последнее время приобрела проблема правовой защищенности юриста. Прежде всего это касается работников милиции, неуважение должностного статуса которого становится уже правилом. Сегодня в порядке вещей не подчиниться его законным требованиям, оскорбить морально, а то и физически, а порой оказать и вооруженное сопротивление. Недаром счет боевых потерь в милиции идет уже на сотни человек ежегодно.

Давно назрел вопрос о коренном изменении статуса юрисконсульта. Какое уж там служение закону, если сейчас юрисконсульт вынужден идти на поводу у администрации или совета трудового коллектива. Не в этом ли унижительном положении юриста на предприятиях кроются корни многих наших бед, таких, как групповой или коллективный эгоизм, срыв договорных обязательств, низкое качество продукции, несанкционированные забастовки и прочие болезни нашей экономики.

А разве можно признать нормальным нынешнее правовое положение судебного исполнителя, юрисконсульта? Выработать надежный, действенный механизм обеспечения правовой защищенности юриста — первоочередная задача нашего Союза.

В связи с этим мы уже в ближайшее время выйдем с законодательными инициативами на этот счет или поддержим уже имеющиеся. В частности, мы уже приступили к разработке законопроекта о юридической службе в народном хозяйстве, принимаем участие в работе над проектом Закона о правовой защищенности работников милиции, участвуем в разработке предложений по вопросам правового положения судебного исполнителя и других категорий юристов.

Юристы объединились в Союз, чтобы оправдать обращенные к ним большие социальные ожидания и запросы советских людей. И в плане надежного обеспечения личной безопасности граждан, и в плане правовой защищенности во всех сферах жизнедеятельности человека, и в плане оказания правовой помощи, проведения широкой просветительской работы.

— Но ведь Союз юристов — общественная организация. Каким образом она может содействовать решению этих весьма специфических задач?

— Все тем же путем — через консолидацию усилий юристов. Убежден, что без такой консолидации не может быть успешно решена ни одна из задач формирования социалистического правового государства.

Возьмите, к примеру, проблему борьбы с организованной преступ-

ностью. Разве она может быть успешно решена без консолидации усилий профессионалов? В том, что касается конкретного участия Союза в решении этой задачи, то речь, разумеется, не идет о подмене правоохранительных органов. Союз юристов СССР как общественная организация будет оказывать и уже оказывает свое влияние на решение этой задачи в присущих ей формах. Прежде всего путем оказания содействия в повышении профессионального уровня юристов, нравственной чистоты их рядов. Совместно с государственными органами и общественными организациями участвуем в разработке Общесоюзной программы по борьбе с преступностью.

— Сейчас много говорится о необходимости значительного расширения представительства юристов в законодательных органах. Это вполне естественно. Законы должны приниматься не только на основе житейского опыта, но и на базе специальных знаний. Тем не менее в депутатском корпусе юристов оказалось не так уж много, а в Верховном Совете страны их буквально единицы. Что же получается? Опять правосознание заменит знание закона? Не приведет ли это, в который уже раз, к крайне низкому уровню наших законов?

— Дилетантство опасно везде, а особенно в законотворческой деятельности. Состояние действующего законодательства сегодня таково, что его нельзя признать удовлетворительным. Сейчас насчитывается около 30 тысяч нормативных актов Союза ССР, принятых с 1922 по 1988 год. Многие из них не стыкуются между собой, нередко дублируют друг друга, а главное — они в массе своей не соответствуют новым экономическим, политическим и другим общественным отношениям. В ряде случаев законодательство, особенно хозяйственное, отражая стереотипы устаревших подходов и решений, оказывает негативное влияние на ход перестройки в народном хозяйстве.

Допускается поспешность при обсуждении и принятии законов, недостаточная проработанность законопроектов, что влечет за собой серьезные негативные последствия. Так, в частности, случилось при подготовке и принятии законов о государственном предприятии и о кооперации.

Причин такого положения немало и одна из них — явно недостаточное привлечение к разработке законопроектов широкой юридической общественности. Опираясь в этой работе лишь на традиционно сложившиеся 3—4 центра в стране, дела не поправить. Только выявив и объединив усилия юристов — ученых и практиков, работающих не только в Москве, Ленинграде и Киеве, но и во Владивостоке, Душанбе, Ереване, Вильнюсе, во всех республиках, краях, областях страны, можно всерьез рассчитывать на повышение уровня законотворческой деятельности. Над этим сейчас и работают центральные органы Союза юристов.

Мы вошли в Верховный Совет и союзное правительство с предложением о том, чтобы Союзу юристов направлялись на заключение подготовленные законопроекты.

— В последнее время к уже имеющимся дефицитам прибавился и дефицит кадров юристов. Об этом много говорят и пишут.

— Правильно говорят и пишут. Сегодня практически повсеместно не хватает судей, следователей, нотариусов, адвокатов, работников милиции. Лишь треть предприятий и организаций страны имеет в своих штатах юрисконсультов. Еще хуже положение с юристами в исполкомах местных Советов, органах загса и социального обеспечения. По самым осторожным подсчетам, в стране недостает при-

мерно 300 тысяч специалистов этого профиля. При нынешних объемах подготовки для заполнения вакансий потребуется не один десяток лет.

— Что вы предлагаете сделать для исправления создавшегося положения?

— Его надо менять коренным образом. Первым шагом на этом пути мы считаем разработку концепции высшего юридического образования в стране. Союз уже обсудил на пленуме своего Центрального Совета ее первый вариант. Вообще одной из важнейших задач Союза мы считаем заботу о молодежи, о подготовке молодых кадров. Вместе с правоохранительными органами мы будем участвовать в отборе абитуриентов. Хотим ввести повышенные и именные стипендии для успевающих студентов и аспирантов. Организуем конкурсы на лучшую научную работу среди студентов и молодых ученых, на лучший учебник советского права, предусматриваем целевое направление в аспирантуру и докторантуру с сохранением должностного оклада.

— Хотелось бы затронуть в нашей беседе еще один важный момент. На мой взгляд, в юридическом корпусе опасно снизилась нравственная чувствительность. За всеми этими потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, обвиняемыми теряется человек. А ведь именно нравственность служит цементом обществу.

— Эта проблема также беспокоит Союз. Сегодня общественность все настойчивее ставит вопрос о полном исключении предвзятости и тенденциозности, обвинительного уклона при проведении дознания, предварительного следствия, судебного разбирательства. А также необоснованных задержаний и арестов, многолетнего, необоснованного содержания под стражей и уж тем более осуждения невиновных. Добавьте сюда нередкие проявления формализма и волокиты, бездумное и казенное отношение к людям, к их законным интересам и требованиям.

Указанные факты свидетельствуют о том, что стиль и образ мышления практических работников, их нравственно-правовая идеология серьезно деформированы. К сожалению, далеко не все юристы готовы отказаться в своей деятельности от изживших себя шаблонов и догм.

Юристам крайне необходимо понимание своего общественного долга, высокая квалификация, профессиональное мастерство, безупречная нравственность. Важную роль в осуществлении этой задачи призвана играть Комиссия по профессиональной этике, которую избрал Учредительный съезд. Мы надеемся, что ее работа будет способствовать радикальному обновлению профессионально-нравственного сознания юристов.

— Мы говорили о профессиональных интересах. А что делается в социально-бытовой сфере?

— Положение здесь архисложное. В публикациях вашего журнала сообщалось, что судья может рассчитывать на курортную или санаторную путевку один раз в двадцать — двадцать пять лет; что сотрудники правоохранительных органов вынуждены ютиться, другого слова здесь просто не подберешь, в подвалах, закутках и других непригодных помещениях. А ведь большинство из них имеют семьи... Нет своего жилья, домов отдыха, больниц, детских садов и пионерских лагерей, системы снабжения. Все это нередко вынуждает отдельных юристов идти на установление нежелательных связей, что, естественно, заставляет их избирательно выполнять свой служебный долг...

Мы активно приступили к исправлению создавшегося положения. Первой ласточкой стало соглашение с промышленными министерствами о строительстве пансионата в городе Сочи. Сейчас прорабатываются и другие варианты.

Союз окажет помощь в приобретении путевок на отпускной сезон, в покупке железнодорожных и авиабилетов, в бронировании гостиниц. Будем содействовать в организации жилищно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ, в укреплении материально-технической базы судов, загсов и нотариатов. Необходимо позаботиться о юристах-пенсионерах, инвалидах и одиноких, о семьях погибших.

Перспективной представляется и идея открытия многофункциональных домов юристов. Здесь будет проводиться пропаганда советского законодательства и повышение профессионального уровня сотрудников. Мы надеемся, что эти дома станут и местом отдыха, неформальных встреч юристов и членов их семей: кино, спектакли, художественная самодеятельность, клубы по интересам и спортивные секции, встречи с деятелями культуры и мастерами искусств. Скажем, чем плох такой вариант: писатель, художник или режиссер представляют свои новые работы. Или выездная редакция журнала «Человек и закон» встречается с юристами в каком-либо городе и проводит обсуждение своих публикаций.

Думаю, польза и интерес будут обоюдными.

— Цели, безусловно, похвальные. Но в этой связи вполне обоснованной выглядит тревога некоторых наших читателей. Не секрет, что многие наши общественные организации являются таковыми лишь по названию и получают весомые дотации из государственного бюджета, проще говоря, из наших карманов.

— Со всей ответственностью заявляю, что мы не взяли у государства ни копейки. У нас есть собственные источники доходов. Это вступительные и членские взносы, доходы от собственной издательской деятельности, иные поступления от граждан и организаций.

— Еще одна наболевшая проблема. Это уровень правового обслуживания населения. Вопрос вроде бы постоянно находится в центре внимания руководителей самого высокого ранга и прессы, но положение не улучшается. Как говорят на Востоке: хоть сто раз скажи слово «халва», во рту слаще не станет. Не потому ли наш журнал ежедневно получает до тысячи писем с просьбой разъяснить ту или иную норму закона. Многие граждане, видимо, совсем отчаявшись, приезжают со всех концов страны на личный прием.

— Давно пора самым решительным образом покончить с вопиющим положением, когда для получения элементарной правовой информации человек вынужден тратить массу времени и нервов, преодолевать за свой счет десятки, а иногда и тысячи километров. Он должен иметь возможность сделать это в кратчайшие сроки по месту работы или жительства. Такую задачу ставит перед собой Союз. Кстати, участие в пропаганде правовых знаний и юридическом всеобуче населения — одна из приоритетных целей Союза, отраженная в его Уставе.

Мы добиваемся расширения действующей сети правового просвещения, повышения его качества. С этой целью Союз вошел в Совет Министров СССР с предложением о создании Всесоюзного научно-производственного объединения по оказанию правовой помощи и юридическому всеобучу. Оно возьмет на себя создание новых форм

обучения, работающих на основе хозрасчета. Предусмотрены разработка новых учебных планов и программ, учебников и пособий, подготовка пропагандистов. Будем добиваться улучшения преподавания права в общеобразовательных школах, профтехучилищах, техникумах и вузах. Постараемся модернизировать и традиционные формы обучения — народные университеты, лектории и циклы лекций, платные и общественные юридические консультации.

По-прежнему остро ощущается нехватка юридической литературы. Люди лишены возможности купить кодекс, комментарий закона, справочник для личного пользования. Где же выход? Союз совместно с Комитетом Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, Министерством юстиции и Госкомпечати СССР вошел в правительство с просьбой о выделении дополнительных фондов на бумагу для расширения выпуска нормативно-справочной и научно-популярной юридической литературы.

А сейчас я хочу отвлечься от темы и сделать небольшое уточнение. Как и любая другая организация, Союз в соответствии с действующим законодательством обязан рассматривать по существу заявления и жалобы граждан, но, разумеется, в пределах своей компетенции. Поэтому мы не вправе рассматривать жалобы, скажем, на незаконность, по мнению автора, решения суда. Это должно быть ясно, поскольку законом четко определен порядок обжалования решений и приговоров суда.

— Нашим читателям будет интересно узнать и о международной программе Союза.

— Она будет весьма многогранной. Союз имеет в ООН статус неправительственной организации. В этом качестве мы намерены сотрудничать с международными, региональными и национальными объединениями, деятельность которых совпадает с нашими целями и задачами.

Формы подобных контактов могут быть самыми разнообразными. От организации морских круизов для советских и зарубежных юристов до профессиональных обменов по линии различных учреждений и организаций. Почему бы не поучиться друг у друга, не позаимствовать опыт судьям и прокурорам, следователям и сыщикам, таможенникам и нотариусам? Словом, по всему спектру юридических профессий.

В этом году только из США мы примем свыше 30 делегаций. На сентябрь этого же года намечено проведение совместной советско-американской конференции «Право и экономические отношения». Этот форум станет беспрецедентным событием в истории советско-американских отношений. В Москве соберется по тысяче юристов с каждой стороны, чтобы обменяться мнениями по вопросам правового обеспечения экономических связей двух стран.

— Мы желаем успеха Союзу юристов СССР и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

— Спасибо.

ОСЁТР ВЗЫВАЕТ О ПОМОЩИ

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

Когда-то в Указе Петра I о российском флоте говорилось об ответственности за чистоту воды в Неве: «Во время чищения кораблей и починки всякий мусор должно вывозить, чтобы ничего на дно не упало. А кто из своих то учинит, сам, ежели офицер, за всякую лопату (мусора.— Авт.) первый раз лишается месяц жалования, за второй раз — полгода, за третий будет оштрафован отнятием чина и записан в рядовые. А рядовым за третий — в Сибирь на каторжную работу». Как видно из текста Указа, наши предки тщательно заботились о природе, и виновные в небрежном, безответственном к ней отношении строго наказывались.

Но загрязнители наших дней уроки истории явно не извлекают, отравляя Волгу ядовитыми веществами. А ведь есть на калининской земле у деревни Волговерхье родник, дающий жизнь великой русской реке. Возле него стоит огромный валун с надписью: «Путник! ...Здесь зарождается чистота и величие земли русской. Здесь истоки души народной. Храни их». Эти волнующие слова о значении Волги в жизни русского народа сегодня особенно созвучны мыслям многих людей, обеспокоенных ее экологическими проблемами.

Река отравлена нитратами, ядохимикатами, нефтепродуктами, тяжелыми металлами. Токсичные вещества попадают в воду с промышленными и сельскохозяйственными стоками, выбрасываются в воздух предприятиями. Ущерб здоровью людей, экосистеме Волги, рыбному хозяйству непоправимый. Река буквально наводнена нечистотами. А ведь воду из Волжского бассейна пьют свыше 60 миллионов людей.

У НАЧАЛЬНИКА ТОНИ

Выполняя задание редакции, я отправился в Астраханскую область, где Волга заканчивает свой путь, проходящий через большую часть европейской территории страны. Именно в Волжском понизовье особенно обострились проблемы, связанные с уменьшением рыбных запасов реки и загрязнением ее воды.

Есть в краеведческом музее Астрахани, где я побывал, большой осетр, пойманный свыше шести десятилетий назад. Распластавшийся на мощных подпорках, он как живой. Неумолимое время не наложи-

ло на него свой отпечаток. Кажется, еще мгновение, и красавец резко вильнет хвостом и поплывет стремительно, как торпеда, пущенная с боевого корабля. Но вот первое чувство восхищения царь-рыбой проходит. С грустью думаю, а не настанет ли время, когда внуки нынешних волжан будут приходить в музей посмотреть на этот экспонат, чтобы узнать, как вообще выглядел осетр.

О том, что такая перспектива вполне реальна, говорили многие рыбаки, с которыми я встречался и беседовал в дельте Волги, где довелось побывать в ходе моей поездки. Самым деликатесным представителем рыб — осетру, белуге, севрюге — грозит исчезновение, сказал мне и начальник тони «8-я огневка» рыбоколхоза «Красная звезда» Н. М. Гудамаров. Встреча с ним особенно запомнилась, может быть, потому, что впервые я познакомился с тоней — местом, где живут и трудятся рыбаки.

Николай Михайлович привел меня в большой, добротный, сколоченный из досок дом. Показал столовую, где вкусно пахло ухой из осетрины, жилые комнаты рыбаков с аккуратно застеленными кроватями и белыми занавесками.

Затем мы долго стояли на берегу Волги. Смотрели, как работают рыбаки в оранжевых прорезиненных костюмах и сапогах с высокими раструбами. Одни занимались заметом и выборкой невода, подтягивая его лебедкой на мелководье. Другие вытаскивали из ячей двухметровых севрюг с длинным носом, серо-голубых 40-килограммовых осетров и швыряли их в прорезь — лодку с сетью вместо дна, чтобы они не задохнулись.

— Промысел красной рыбы у нас строго лимитирован, — вздыхает Гудамаров. — Больше, чем положено, ловить не имеем права. В нынешнем году нам уменьшили план на 600 центнеров. Что делать, скудеют рыбные запасы. Заметно меньше стало осетра, белуги, севрюги, белорыбицы, да и сельди, леща, судака...

— Я ведь рыбачу уже давно, почти пятьдесят лет, — продолжал Николай Михайлович. — Помню, выходили на реку на большой лодке под двумя парусами — реюшка, по-нашему. Сколько воблы тогда ловили! Сейчас нет ее столько. Дохнет рыба, — с грустью добавил старый рыбак. — Все травят и травят. Нет сил спокойно смотреть порой на отравленные токсичными стоками рыбы, выброшенные волнами к берегу. Или как плывет некогда красавец-осетр: бешеный, глаза мутные. Будто взывает: «Люди, пощадите!»

ПОЧЕМУ НУЖНА ПОМОЩЬ ОСЕТРУ

Нет, не зря осетр уже давно умоляет, взывает о помощи. В Волгу и ее притоки сбрасывается ежегодно 7 миллиардов загрязненных вод, а вместе с ними тысячи тонн органических нечистот, нитратов и нитритов, соединений азота, нефтепродуктов.

Рыбное хозяйство переживает тяжелые времена. Накопление тяжелых металлов, пестицидов в воде привело к массовому заболеванию осетровых миопатией — расслоению мышц рыб и ослаблению оболочки их икры. Больны уже 90 процентов осетра! Вот до чего довело загрязнение Волги, ее притоков и Каспия промышленными и сельскохозяйственными стоками. Нанесло урон и чрезмерное гидростроительство. Из 3600 гектаров осетровых нерестилищ осталось только 430. Резко упали уловы. 220 тысяч тонн рыбы ценных пород выловили в 1950 году в Астраханской области, а в 1988-м — лишь около 70 тысяч.

15 миллиардов штук рыбной молоди гибнет ежегодно в бассейне Волги! И только потому, что водозаборные сооружения не оснащены эффективными устройствами, исключаящими попадание в них и гибель рыб.

А сколько рыбы травится, потому что Волгу и ее притоки загрязняют предприятия агропромышленного комплекса, сбрасывающие ежегодно миллионы кубометров загрязненных сточных вод. В колхозах и совхозах Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской, Саратовской и других областей остро не хватает складов. На неподготовленных площадках, часто под открытым небом хранятся минеральные удобрения и пестициды. Размываются дождями и разносятся ветром в водоемы. Вместе со стоками туда же попадают высокотоксичные ядохимикаты, смываемые с полей. Опасная для рыб и всего живого концентрация нитратов отмечена в районе Горького, Чебоксар, Саратова, Вольска, Волгограда и других городов. В десятки раз превысило нормы содержание хлороорганических соединений в Куйбышевском и Саратовском водохранилищах!

А рыба? Продолжает гибнуть, как, например, летом 1988 года в районе Волгограда. 35 миллионов рублей составил тогда ущерб от массовой гибели осетровых!

Рыба погибла в результате кризисной экологической ситуации в бассейне Волги, загрязненной вредными веществами. Таков вывод экспертов. Следователь по особо важным делам прокуратуры Каспийского водного бассейна Ю. З. Калмыков, который вел уголовное дело о гибели осетровых, сказал мне:

— Неочищенные стоки поступают с предприятий непрерывно или в виде залповых выбросов в места нереста и зимовки осетровых рыб в районе Волгограда. Это явное нарушение пункта 25 Правил охраны поверхностных вод от загрязнения сточными водами. Исследования показали, что осетровые в физиологически ослабленном состоянии. В их организмах обнаружены высокие концентрации свинца, железа, марганца, кобальта, кадмия и других химических веществ.

Печальный список продолжающихся из года в год нарушений природоохранного законодательства можно было бы продолжить. Однако вряд ли это целесообразно, ведь он, этот список, как ни парадоксально, бесконечен. Одно нарушение следует за другим. Не слишком ли дорогой ценой расплачиваемся мы за несовершенную технологию, бездумное проектирование, просчеты и небрежность в работе, за неумные взаимоотношения с природой?

Какую ответственность несут те, кто по долгу службы своей на предприятиях и в организациях отвечает за ущерб, причиняемый бассейну Волги? Чтобы узнать об этом, я встретился с прокурором Каспийского водного бассейна В. В. Казаковым. Он сказал:

— Наша прокуратура за три с лишним года привлекла к материальной, административной и дисциплинарной ответственности свыше 1800 должностных лиц. Возбуждены десятки уголовных дел по фактам браконьерства, загрязнения водоемов. По искам прокуроров с виновных взыскано более 900 тысяч рублей и еще 100 тысяч получено добровольно в счет возмещения ущерба природе. Я уверен, чем больше загрязнители прочувствуют на себе, что за сбросы неочищенных вод в Волгу им придется отвечать, тем меньше они будут ее загрязнять.

— Вячеслав Васильевич, — спрашиваю я, — а что мешает проку-

рорам эффективнее использовать закон против нарушителей природоохранного законодательства?

— На мой взгляд, — говорит В. В. Казаков, — нужно серьезно пересмотреть нормы Уголовного кодекса, предусматривающие ответственность за загрязнение водоемов и браконьерство. Скажем, статья 223 УК РСФСР (Загрязнение водоемов и воздуха) имеет низкую правоприменительную характеристику.

При загрязнении малых рек и небольших водоемов статья 223 «действует». Но она «не работает», когда предприятие сбрасывает неочищенные стоки в крупный водоем, например, в Волгу. Ведь превышения ПДК в нем может и не быть. В большой массе воды пятно загрязнения быстро растворяется и его обнаружить трудно. Нужна новая редакция статьи 223, предусматривающая ответственность не за загрязнение, а сам факт сброса в водоемы неочищенных стоков сверх предельно допустимой концентрации. С точки зрения доказательности такого правонарушения это очень важно. А пока Уголовный кодекс неэффективно защищает крупные водоемы от сброса вредных веществ. По всей стране в 1988 году к лишению свободы были приговорены лишь шесть человек, привлеченных к уголовной ответственности по статье 223. Это смехотворно мало, учитывая, что загрязнителей не счесть. К сожалению, принцип неотвратимости наказания для них срывает плохо.

Часто суды проявляют неоправданную снисходительность к виновным в ущербе природе. За незаконный вылов одного осетра браконьера могут приговорить к нескольким годам лишения свободы. Но разве бывает, чтобы такое наказание получил директор завода, по чьей вине отравлено рыбы в сотни раз больше? Нет. А ведь хозяйственная деятельность наносит неизмеримо больший ущерб рыбным ресурсам, чем человек.

И еще одна боль прокуроров, обеспокоенных проблемой сохранения рыбных ресурсов в бассейне Волги. Об этом мне тоже говорил Казаков. Оказывается, для правосудия все равно, что поймал — леща или осетра (в обоих случаях: ценная рыба!). Ведь статья 163 УК РСФСР предусматривает одинаковую ответственность. Так что по-своему Уголовный кодекс «воспитывает» браконьеров. Мол, чего там мелочиться, лови как можно больше, и не леща, судака, а осетровые. Если поймают, то наказание одно и то же. Вот почему прокурор с жаром доказывал мне, что статью 163 нужно изменить, включив в нее понятие «особо ценные виды рыб» (осетровые) и предусмотрев разную степень ответственности за вылов леща и осетра или судака и белуги.

Что ж, Казаков, пожалуй, прав. Расплывчатые, недостаточно четкие формулировки в Уголовном кодексе, оторванные от реалий жизни, вряд ли будут способствовать чистоте Волги и успешной борьбе с незаконным рыбным промыслом. А ведь браконьерство в Волжском бассейне переживает бум. До 3 тысяч преступлений в год раскрывают правоохранительные органы региона — УВД и прокуратура Каспийского водного бассейна — в три раза больше, чем до их создания в 1985 году. 70—80 процентов связаны с рыбным промыслом: изготовление и реализация предметов браконьерского улова, кража, скупка и спекуляция рыбной продукцией. Неумолимая статистика свидетельствует о большом ущербе, причиняемом рыбным запасам Волги и Каспия браконьерами и расхиителями. Только в 1988 году у них изъято икры и рыб осетровых и частиковых пород на 286 тысяч рублей. Но, как говорили мне

работники милиции и прокуратуры, это лишь незначительная часть «добычи», которую удастся вернуть государству.

Чтобы резко активизировать борьбу с браконьерством, правоохранительным органам не хватает людей. Желает быть лучше и материально-техническая база. Так, у УВД Каспийского водного бассейна на Каспии нет ни одного морского судна, лишь катера. Пробег автотранспорта превысил все нормы. Средства связи морально устарели. Очень нужны современные, небольшие скоростные суда, даже старых моделей недостает. А приборы ночного видения? Их вообще нет.

Понятно, почему трудно порой угнаться за браконьерами. У них скоростные суда с японским форсированным двигателем или двумя-тремя моторами «Вихрь». Что им стоит выложить за такое оснащение кругленькую сумму. Рыбная продукция — осетровые, икра, фактически похищенные у государства, — идет «на ура». Еще несколько лет назад на «черном рынке» платили за 1 килограмм осетровых рыб 15—20 рублей. А сейчас — 35—40. Еще выше цена за браконьерскую икру. Так, в Ростове-на-Дону она достигает за 1 килограмм 70—80 рублей, в Тбилиси — 120, Харькове — 150.

Материальный ущерб от браконьерства огромен. Ведь осетровые — это фонды, валюта. Но не меньший урон наносится запасам красной рыбы, и так поредевшим из-за сброса неочищенных стоков и гидростроительства.

Браконьерам нет дела до научно обоснованных норм лова. Ловят они варварским способом. Некоторые изъяты у них самодельные снасти мне показали работники милиции. Представьте себе, читатель, хитроумную крючковую снасть для ловли осетровых. Сделана она из особо прочных, углеродистых электродов; на них — 90—100 крупных крючков, настолько острых, что, впиваясь, как жало, жертву уже не отпускают. Крепится все это на двух якорях и держится на поплавках. Бывает, однако, что пойманным рыбам удается сорваться с крючка. И тогда, раненые, окровавленные, они уходят глубоко под воду, где и гибнут в страшных мучениях. Даже браконьеры порой погибают, зацепившись за крючок и падая в реку, когда протягивают снасть по воде, свесившись из моторки.

Ничего, кроме возмущения, подобная жестокость вызвать не может. Но алчность не знает границ.

На пристанях в поселках Волжского понизовья часто можно встретить скромно, не броско одетых людей. По-воровски, осторожно посматривают они по сторонам, стараясь не привлекать к себе внимания. Это или браконьеры, или работники плавзаводов и рыбоколхозов, у которых есть неучтенные излишки осетровых и икры. Как правило, ценная рыбная продукция припрятана в надежном месте. Находятся и покупатели, чаще всего перекупщики, привлеченные блеском звонких монет. Берут товар оптом, чтобы отвезти в какой-нибудь крупный город и продать на «черном рынке» по еще более высокой цене, чем купили сами.

Икра как самая дорогая рыбная продукция пользуется особенно повышенным спросом у потенциальных покупателей. Перекупщики доставляют ее не только в тайниках, устроенных в своих машинах. Ее отправляют на самолетах через вступивших с ними в сговор пилотов и бортмехаников. Железнодорожным багажом на подставных лиц. На авторефрижераторах, везущих рыбу и икру с рыбокомбинатов. На пассажирских и грузовых судах, следующих из Астрахани в Москву, Ленинград.

Все подобные уловки правонарушителей с икрой хорошо известны УВД и прокуратуре Каспийского водного бассейна. Это помогает им разгадывать даже самые хитроумные планы грабителей природных богатств Волги, ее рыбных ресурсов. Насколько четко и слаженно действуют правоохранительные органы, я убедился, приняв участие в одной операции.

ОПЕРАЦИЯ «ИКРА»

Оперативка у начальника ОБХСС УВД Каспийского водного бассейна П. И. Сиротина уже заканчивалась, и все мы, входившие в группу захвата, внимательно слушали его последние наставления. Говорил он спокойно, как-то буднично, но твердо, как человек, уверенный в успехе, заранее спланированном и предрешенном:

— С поста рыбоохраны «9-я огневка» передали по радио, что ПТС* с икрой для продажи перекупщикам уже вышло. За ним следует в пятистах метрах наш милицейский катер. Связь с ним и между собой держите по рации. Нужно задержать злоумышленников, как только икра будет передана с судна перекупщикам, о чем известно по оперативным данным. Задача ясна? Тогда по машинам.

Резко, словно гончие, спущенные с поводков, рванулись от здания УВД две «Волги» и «Уазик», бесследно растворяясь в молочном тумане ночной Астрахани. Я, включенный в группу захвата в последний момент, ехал в «Волге», управляемой командиром взвода линейного водного отдела внутренних дел Астраханской области А. Гайдуковым. Пока машина неслась по загородному шоссе, я вспоминал, как начальник ОБХСС УВД отговаривал меня от участия в операции по задержанию преступников. Говорил об опасностях, подстерегающих ее участников, наотрез отказался разрешить мне ехать на катере, следующем за ПТС:

— Если завяжется схватка на борту судна, где гарантия, что вас не сбросят в реку? А то, бывает, пересаживаешь браконьеров с их катера на наш или кого-нибудь из команды ПТС, а они норовят ножом пырнуть или чем-то тяжелым по голове ударить. А если милицейский работник в воду упадет, да еще в крошечной тьме? Представляете, сколько усилий нужно, чтобы его вытащить, спасти? Езжайте-ка лучше в одной из наших машин.

Много теплых слов услышал я о Павле Ивановиче Сиротине от работников УВД как о руководителе, о человеке. Хорошо разбирается в людях. Народным судьей работал в Икрянинском районе еще в начале восьмидесятых. Хорошая это школа была. И работа с людьми, да и сам весь на их глазах.

Особая страница в биографии Сиротина — Афганистан, где он провел 1983—1985 гг. Эти памятные для него годы не вычеркнуть из жизни, их не предать забвению. Они останутся с ним, в его сердце навсегда, что бы ни случилось, где бы он ни был. Круто распорядилась с ним судьба. Еще недавно — народный судья, а затем — советник царандоя. Казалось бы, полярные занятия. Но это не так. Было нечто общее. Прежде в суде задавал вопросы другим, а сейчас себе, в минуты затишья между боями. Все ли отдал как советник бойцам царандоя — опыт, знания..? На равных ли с ними переносил тяготы службы и опасности? Не трусил ли?

* ПТС — приемотранспортное судно.

Не баловала судьба в Афганистане. Попал в самое пекло — округ Хост. Все было... Разрывы снарядов и мин, до небес вздыбающих землю, куда так хочется спрятаться и зарыться поглубже. Трекотня пулеметов душманов, поливающих свинцом из засады узкое шоссе в горах. Пожарища на месте недавно еще оживленных кишлаков. Потери ставших близкими боевых афганских друзей. Вот почему самые дорогие для Сиротина награды — за Афганистан, два ордена: советский («Красной Звезды») и афганский.

И сейчас, как в далеком Афганистане, Павел Иванович на острие борьбы, на этот раз с преступностью.

...Пока я думал о начальнике ОБХСС, вспоминал его рассказ о себе, наша машина подъехала к поселку Ассадулаево. 30 километров мы преодолели так быстро, что я не заметил, поглощенный своими мыслями, что уже приехали. Не медля А. Гайдуков вышел и по рации связался с другими участниками операции, ехавшими по своим, неведомым мне маршрутам. Получив нужную информацию, он вновь сел за руль и, проехав минут десять, свернул с шоссе на узкое песчаное бездорожье. По машине, глубоко увязшей в песке, резко щелкали беспорядочные кусты, какие-то голые прутья и ветви деревьев. Наконец, оставив ее в густых зарослях камыша, мы пошли сквозь них пешком.

Чтобы не сбиться с пути, Александр включал время от времени карманный фонарик, бросавший вздрагивающий свет на высокие стебли. Я шел вслед за ним, шаг в шаг, видя перед собой только его широкую спину. Он напоминал мне чем-то работников МУРа первых лет Советской власти, столь знакомых по многочисленным фильмам. Такой же крепкий, кряжистый, в кожанке, из-под которой при резких движениях виднелась кобура с пистолетом.

Вдруг заросли камыша оборвались, и мы очутились на песчаной отмели заливчика, где мерно покачивались на воде нефтеналивные танкеры. Здесь их причал, называемый местными жителями «Золотой затон». Перед нами во всю ширь, спокойно и величаво, несла свои воды Волга. Гонимые течением и ветром волны с шумом накатывались на берег. Где-то недалеко от нас послышался короткий, прерывистый гудок какого-то судна. Всмотриваясь в темноту, Александр тихо сказал:

— Вон тот самый ПТС идет по середине реки. Видите бортовые огни? А еще дальше, в ста метрах, ближе к берегу, где стоим, наш милицейский катер. Смотрите, водяной шлейф за ним тянется.

Как ни старался, шлейф разглядеть во тьме я не смог. А вот огни на борту судна увидел.

Вдруг заговорила давно уже молчавшая переносная рация, которую мой спутник все время держал в руке:

— 201-й, 201-й, я — 202-й, — передавали с милицейского катера.

— Я — 201-й, говорите, — ответил Гайдуков.

— Ведем ПТС. «Крым»* у вас?

— На Золотом затоне его нет. Видимо, ждет объект за новым мостом, как мы и предполагали.

— 201-й, вас понял. Тогда следуем туда.

Резко развернувшись, Гайдуков бросил:

— Быстро к машине. Другие из группы захвата должны быть уже у моста.

* «Крым» — катер перекупщиков.

И вновь захватывающая дух ночная гонка. Наконец мы подъехали к условленному месту, где уже притаились в засаде милицейские работники М. Истомин, А. Пикало, В. Сызранов и внештатный сотрудник милиции, рабочий одного из предприятий Астрахани А. Кириллов. Они сообщили нам: «Крым» уже здесь. Сквозь заросли камышей виднелся катер, притаившийся у берега, почти слившийся с водой. Перекупщики не подозревали, что недалеко от них расположилась группа захвата, ожидавшая с не меньшим нетерпением прибытия судна.

Скоро откуда-то из глубины реки послышалось нарастающее тахтение двигателя. Это — ПТС, понял я, увидев, как «Крым», рванув с места стоянки, пошел на сближение с судном. Напряжение возрастало. Ощущение было, как у охотников, понявших, что добыча теперь не ускользнет. Глаза уже давно успели привыкнуть к темноте, и я увидел, что с ПТС передавали на катер какие-то мешки.

Затем «Крым» круто развернулся и помчался обратно. Пристав к берегу, двое мужчин в куртках и брюках, заправленных в кирзовые сапоги, спешно вытащили на сушу четыре полиэтиленовых мешка с икрой. Как оказалось потом, по 40 килограммов в каждом.

Появление работников милиции было для перекупщиков полной неожиданностью. Они засуетились и, переглянувшись, бросились к чащобе камышей, левее от нас. Но на их пути вырос Истомин. Шансов вырваться из засады не оставалось никаких. Словно затравленные волки, обложенные охотниками, «покупатели» икры смирились со своей участью. Звонко щелкнули на запястьях наручники.

— Куда собирались деть икру? — строго спросил Гайдуков.

— Да тут, недалеко у нас машина.

— А потом?

— В Харьков хотели отвезти, — неохотно пробурчал один из задержанных. Его можно было понять. Настроение им «испортили» не только работники милиции, задержав с поличным. Безвозвратно уплыли вожделенные 24 тысячи рублей, которые перекупщики собирались выручить за икру, продав по 150 рублей за килограмм — цене харьковского «черного рынка».

Игра была проиграна. Это им стало ясно окончательно, когда увидели, что ПТС, уходивший в сторону рыбокомбината, остановился по сигналу милицкого катера. С явным удовольствием мы, в свою очередь, наблюдали, как наши товарищи проворно и уверенно взбирались на судно.

202-й свою задачу тоже выполнил. Теперь надо возвращаться в управление. Там с нетерпением нас ожидал Павел Иванович Сиротин. Группе захвата было что ему доложить. Утром информация о результатах нашей операции будет и на столе прокурора Каспийского водного бассейна В. В. Казакова.

Как потом я узнал, команда ПТС получила икру на одном плавзаводе, войдя в сговор с его работниками. Впереди очередное уголовное дело о хищении и спекуляции рыбной продукцией, одно из многих на счету правоохранительных органов.

...Постепенно светало. Тусклее становился пепельный свет множества звезд, водивших хоровод по иссиня-черному небу. Где-то далеко за горизонтом забрезжил рассвет. В молчании, несколько уставшие, но довольные исходом операции, мы вели задержанных к нашим машинам. И мне почему-то подумалось: главное в жизни все-таки такие ночи.

Юрий СВЕРДЛОВ

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

В очерке Ю. Свердлова «Осетр взывает о помощи» поставлена проблема, связанная с уменьшением рыбных запасов и загрязнением Волги, которая приобретает все более острый характер. Сегодняшние масштабы отравления реки токсичными веществами могут привести к настоящей экологической катастрофе, если не принять неотложные радикальные меры. Это обязывает органы прокуратуры уделять экологии в Волжском бассейне первостепенное внимание.

Прокуроры добиваются устранения и предотвращения нарушений законов об охране природы, не ограничиваясь лишь констатацией подобных фактов, как бывало прежде. При этом они руководствуются прежде всего постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» (от 7 января 1988 года № 32) и «О первоочередных мерах по улучшению использования водных ресурсов в стране» (от 19 января 1988 года № 64). Особенно успешно защищает Волгу от загрязнителей, браконьеров и расхитителей рыбных богатств природоохранная прокуратура Каспийского водного бассейна, о которой говорится в очерке. Вообще таких специализированных прокуратур должно быть в стране как можно больше. Нельзя всерьез рассчитывать на эффективность надзора прокуроров за исполнением законов об охране природы, если они до предела загружены делами об убийствах, хищениях и т. п.

Сейчас в борьбу за чистоту окружающей среды активно включилась общественность. Создан и немало делает Общественный комитет спасения Волги, объединяя усилия граждан, трудовых коллективов и общественных организаций по охране природы, рациональному использованию природных ресурсов в бассейне великой реки. Во многих городах России уже состоялись экологические митинги трудящихся. К голосу общественности нельзя не прислушаться. Без участия широких слоев населения, их социально-правовой активности, инициативы органам прокуратуры невозможно навести порядок.

Прокуратура РСФСР поддерживает предложение прокурора Каспийского водного бассейна В. Казакова о необходимости совершенствования природоохранного законодательства, расширения сферы уголовно-правового воздействия на граждан и должностных лиц, наносящих ущерб природе.

В проект Уголовного кодекса РСФСР, который сейчас разрабатывается, включена специальная глава об экологических преступлениях. Принятие этого проекта будет способствовать более успешной борьбе с варварским отношением к природе, ее богатствам.

По нашему мнению, целесообразно разработать и принять специальный Закон и комплексную программу охраны и рационального использования водных, земельных и лесных ресурсов бассейна Волги. В основу этих документов можно было бы положить следующие предложения:

- при осуществлении любых проектов в бассейне Волги исходить из приоритета экологической чистоты окружающей среды;
- не допускать строительства объектов или хозяйственную деятельность, ведущих к ухудшению экологического состояния Волги и ее притоков;
- по истечении определенного срока приостанавливать работу любого предприятия, если за это время не будет устранено негативное воздействие его производственной деятельности на природу;
- создать зону водоохранных, водорегулирующих и почвозащитных лесов;
- прекратить перевозку нефтепродуктов танкерами;
- перевести действующие гидроэлектростанции на наиболее оптимальный биолого-экологический режим работы;
- создать на Нижней Волге от ее дельты до Волгограда заповедную зону для сохранения стада осетровых.

Такие предложения Прокуратура РСФСР внесла в правительство.

Уверен, что, объединив усилия всех людей, обеспокоенных экологическими проблемами Волги, можно успешно противостоять узковедомственным интересам, противоречащим достижению цели оздоровления окружающей среды Волжского бассейна.

В. ШВЕДОВ,

начальник отдела по надзору

за исполнением природоохранного законодательства

Прокуратуры РСФСР, старший советник юстиции

С ПЬЕДЕСТАЛА... ЗА РЕШЕТКУ

В последнее время много пишется о проступках и преступлениях, совершенных бывшими или действующими спортсменами. Что это — отдельные случаи или все-таки явление, постепенно перерастающее в систему? Ответа вот так, с ходу, пожалуй, сейчас никто не даст. Слишком обширна проблема, совсем не изучена, до сей поры мало кого интересовавшая.

Работая несколько лет в спортивной прессе, я не раз общался со спортсменами. Они разные, как и люди, занятые любым другим делом. Никогда не разделял мнение, что все атлеты малообразованны, грубы, невежественны. Точно так же не поддерживал безудержное расхваливание спортсменов как благородных, мужественных, неподкупных людей. Они, повторюсь, разные... Но система их подготовки, нацеленная на достижение высших результатов, на добытие медалей и кубков любой ценой, одна на всех. Добр ты или зол, мягок или тверд, ломай натуру, развивай яростное честолюбие — без него в спорте никуда. Начиная спортивную карьеру еще ребенком, человек подвергается таким психологическим и физическим перегрузкам, что едва ли это проходит для него бесследно. Не только в смысле здоровья, но и в смысле нравственности. Большие ученые в прошлом предостерегали, что спортивное состязание за богатую награду может повернуться уродливой стороной, превратиться в погоню за наживой, подмять, подчинить человека, заставив пойти на все, даже на подлость, во имя победы. Не пришло ли время пожинать плоды пренебрежения к советам светлых умов?

Но, может быть, дело совсем в ином? Может, во многом виновна наша действительность, которая ставит спортсмена, сошедшего с арены в расцвете жизненных сил, в положение безработного, попросту обрекает на нищету? И это после солидных вознаграждений, литавров и тушей, в буквальном смысле ношения чемпиона на руках! А ведь от нищеты до преступления — один шаг.

Характер, жизненные ценности формируются в детстве. Все ли в порядке в юношеских спортшколах? Как и чему там учат ребят? В каких героев кино и литературы влюблены подростки и кому стремятся подражать?

В беседе с начальником кафедры уголовной политики и уголовного права Академии МВД СССР, доктором юридических наук **Г. М. МИНЬКОВСКИМ** мы постарались как можно шире охватить спектр проблем в этой серьезной теме — спорт и преступность. Во время разговора вспоминались конкретные уголовные и административные дела, с которыми приходилось сталкиваться. Все это есть в материале. Однако ощущения, что докопались до истины и во всем разобрались, так и не наступило. Меньше всего хотели бы утверждать, что это только первая попытка осмыслить происходящее.

— Генрих Михайлович, прежде чем начать разговор о правонарушениях, совершенных спортсменами, хотелось бы услышать ваше мнение о положении дел с преступностью в нашей стране в целом, о причинах значительного роста преступлений, в первую очередь против личности. Грабежи, изнасилования, избиения, запугивания, хулиганство — словом, «расцвет» диктата грубой физической силы. Становится модным накачивать мышцы не ради совершенствования красоты человеческого тела, а для утверждения себя с помощью кулаков. Сильный — значит правый, все чаще торжествует именно такой принцип. Где корни опасной тенденции, есть ли основания тревожиться, что культ силы будет усиливаться?

— Прежде всего хочу сказать, что частенько в средствах массовой информации сквозит сенсационность, вполне объяснимая, на мой взгляд, поскольку профессиональный журналист в силу специфики своей работы просто должен стремиться к сенсации. Кроме того, в известной степени общественное мнение дезориентировал и ажиотаж после открытия статистики. Ситуация же с ростом преступности в стране в последние годы выглядела так: в конце семидесятых — начале восьмидесятых число преступлений было почти стабильно (речь идет о регистрации) или даже снижалось. Затем был рост в 1983—1984 годах (во многом за счет усиления борьбы с хулиганством и упорядочением приема заявлений). В 1986—1987-м — снова снижение. А с 1988 года — очередной рост.

Преступность — явление сложное, зависящее более чем от 200 факторов. Но мы научились делать прогноз на 3—5 лет. Кстати, возможность скачка в прошлом году нами была предсказана уже в 1986 году. Надо, в частности, учитывать, что это явление имеет 5—7-летние циклы, причем каждый следующий начинается с несколько более высокой ступени. Но и без учета цикличности нынешнюю ситуацию можно было предвидеть, исходя из следующих факторов. Перекосы в экономике и их результат — дефицит и избыточность денег в обороте — стимулируют рост хозяйственной и должностной преступности. Влияют эти формы и на общеуголовную (прежде всего бытовую) преступность; растет, я бы сказал, социальная усталость от нехваток, очередей, проблем с транспортом, которая и разряжается в актах агрессивного поведения. Далее, в обществе снят старый вариант регулирования — можно все, что разрешено. Вместо него появился вариант — можно все, что не запрещено. При низкой этической и правовой культуре это зачастую воспринимается как вседозволенность.

Еще один аспект. Быстрое разрушение идолов прошлого при неадекватности формирования новой концепции социальных ценностей приводит к тому, что образуется вакуум в психологии молодого человека, для которого одна из основных черт личности — так называемая генерализация жизненного опыта. Он мыслит по схеме: этот артист пьяница — все артисты пьяницы, этот милиционер грубиян — значит, все милиционеры грубияны. Для заполнения вакуума в психологии годится все, что попадает под руку, любые приглянувшиеся или просто оказавшиеся под рукой «эталоны». В том числе культ силы во всех его проявлениях.

Еще одно. Усилилось навязывание стереотипов преступности в буквальном смысле слова. До 1982 года половина преступников отправлялась в места лишения свободы. Сейчас около трети. Значительное число лиц, вредоносный пример которых на несколько лет купировался, поскольку они физически «изымались» на несколько

лет из бытовой среды, остается в обществе. При недостаточном социальном контроле и воспитывающем воздействии на это зачастую не хватает сил. Они имеют возможность не только совершать новые преступления, но еще и вредно влиять на окружение. В основном это, так называемые бытовые хулиганы, которые зачастую не несут за содеянное сколько-нибудь серьезную ответственность.

Перекосы в идеологической сфере тоже сыграли не последнюю роль в росте преступности, особенно насильственной и молодежной. Открыты шлюзы перед теле-кино- и видеоинформацией о жестокости и агрессивности, как якобы обычной черте поведения. И эта информация обрушилась на головы молодых людей с низким культурным и правовым уровнем в огромном количестве и самое опасное — в наглядной форме. Ведь экран от книги отличается тем, что он дает иллюзию непосредственного жизненного наблюдения. Последствия могут быть такими же, что и в странах с наивысшим уровнем преступности — Швеции, Западной Германии, США, Англии (мы пока еще отстаем от них на порядок), где зарегистрирован и высочайший уровень потока информации о жестокости и насилии. До совершеннолетия там люди успевают увидеть около 20 тысяч сцен кровавых убийств, надругательств над человеком. Конечно, здесь действует не примитивная схема — увидел и пошел убивать. Повторение на экране таких сцен притупляет их эстетическое и этическое осуждение, человек привыкает к ним и начинает рассматривать это как вариант дозволенного поведения.

С учетом всего сказанного рост преступности, по-видимому, будет продолжаться еще два-три года, хотя принимаемые сейчас меры будут его все более тормозить.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Били парня жестоко. Двое держали за руки, а третий с диким визгом кулаками и локтями молотил по животу. Через несколько дней та же троица без всякой причины набросилась на мирно гулявших в парке двух подростков. И вновь удары сопровождались остервенелыми воплями, в ход шли колени, каблуки. Потом были еще стычки, потом еще. Пока наконец хулиганов не поймали дружинники. О том, как проходило задержание, мне рассказал Алексей Коробков — командир отряда, слесарь машиностроительного завода в Днепропетровске.

— На инструктаже нас предупредили об участившихся случаях хулиганского нападения на подростков в центральном парке. Попросили внимательно присмотреться к аллеям, что на окраине. И вот часов в десять вечера услышали какие-то вопли, воинствующие крики, бросились на звук и увидели такую картину: трое молодых людей, истошно вопя, избивали трех других. В сумерках с трудом разглядели, что драка идет профессиональная — дерутся ногами, ставят блоки, резко выбрасывают сжатые кулаки. Неужели каратисты? Но оказалось, что трое подростков лишь со стороны да в сумерках страшны. Стоило нам приблизиться, вступить в борьбу, как куда только все умение делось. Так, один камуфляж...

Потом, в отделении милиции, «каратисты» рассказали о себе. Занимаются в боксерской школе, учатся в девятом классе, везде на неплохом счету. Сергей К., Валентин А., Кирилл В. (жалко ребят, не хочется ославлять на всю страну, тем более дело было полгода

назад и с тех пор они ничего не натворили) обожают осмотреть видеобоевики. Брюс Ли — их любимец. Прилично тренированные в боксерской секции, они решили самостоятельно заняться каратэ, копируя приемы прямо с телеэкрана. Однажды после дня рождения, на веселе, поскадали с прохожими, потом с кем-то подрались и, припомнив телекумира, постарались расправиться с неприятелями его способами. Повезло, получилось. И пошло. Крики, вопли, запугивание ни о чем не подозревавших людей — уже полпобеды. Им нравилось, что их боятся сверстники. Итог — исключение из спортшколы, жалкие просьбы, чтобы не отдали под суд. Им поверили на первый раз.

Не только в Днепропетровске, но и в Донецке, Мурманске, Новосибирске, да почти везде органы милиции отмечают участвовавшие случаи групповых драк, в которых парни стараются применять каратистские удары и другие приемы. Все это на дилетантском уровне, по самоучителю. Большинство из зачинщиков, как правило, имеют какую-нибудь спортивную подготовку. Специалисты считают, что определенную роль тут сыграли видеоклубы, которых множество в городах и в которых с большим успехом крутят фильмы с бесконечными драками, побоищами, другими словами — красочным мордобитием.

Многие из парней искренно удивляются вопросу, что заставляет их драться. Ну как же, отвечают, все дерутся... Кто все, где, когда? Они не знают. Сто раз согласен с Г. Миньковским, когда он говорит о притуплении этического и эстетического сознания человека, каждодневно просматривающего десятки изощренных драк на телеэкране. Ребята переносят сцены кино в жизнь.

* * *

— У нас всегда считалось, что спорт — это не только сила духа и красота, это еще благородство, честь, мужество. Следуя этим оценкам, мы призывали и призываем молодежь на стадионы. Убеждали и убеждаем: спорт поможет сохранить здоровье, вылечит социальные недуги, укрепит веру в себя. И вот день сегодняшний... В сводках преступлений все чаще фигурируют имена известных и малоизвестных спортсменов. По крайней мере около десяти заслуженных мастеров спорта получили различные сроки наказания. Чаще всего они оказываются замешанными в делах, связанных с рэкетом. Что же происходит? Может, наши представления о спорте устарели или вовсе ошибочны? А может, все гораздо проще и объясняется пословицей «в семье не без урода»? Хотя таких «уродов» становится что-то все больше и больше.

— Не хотел бы, чтобы мои ответы стали истиной в последней инстанции. Давайте вместе поищем справедливую оценку нынешнему положению во взаимоотношениях таких понятий, как спорт и преступность.

Любое общество — это система сообщающихся сосудов. Не может быть в обществе прослойки, где не действовали бы общие закономерности. Если отмечается дегуманизация отношений в обществе в целом, если в нем усиливаются проявления грубости, жестокости, то было бы наивно думать, что спорт от этого свободен. То же самое можно сказать об армии, о медицине, обо всех других институтах. Появилась коррупция — она появилась и в милиции. Жесто-

кость? В армии она вылилась в дедовщину. Помните, у классиков: «Жить в обществе и быть свободным от его законов нельзя».

Теперь вот что. Откуда мы знаем, что в прошлом в спорте ничего подобного нынешней ситуации не было? Готовясь к беседе с вами, я искал статистику. Ее нет. Управление уголовного розыска утверждает, что значительная часть преступлений в сфере организованной преступной деятельности связана с участием спортсменов. Но где цифры? Их нет. Есть просто ряд примеров. А на примерах можно утверждать и предполагать все что угодно. Единственное, что мне удалось раскопать, так это такие данные — в прошлом году по статье о запрещении обучения каратэ возбуждено во всем Союзе три уголовных дела.

Я помню громкие дела в прошлом, за которые судили известных спортсменов. Например, суд над одним из лучших футболистов страны за изнасилование у него на даче. Ну, и что? Наверное, можно набрать и еще несколько примеров во все времена, когда преступниками оказывались спортсмены. Каких-либо серьезных выводов на их основании сделать невозможно.

Но все-таки сегодня утверждений о современных криминальных тенденциях в среде спортсменов я бы оспаривать не стал. Однако к рэкету сводить все не стал бы тоже. Вот, на мой взгляд, какие группы преступности в спорте ныне реально существуют.

Во-первых, корыстная преступность, взятки. Я уверен, что если провести серьезные исследования оперативными средствами, но об этом никто не просит, то значительная часть так называемых договорных игр была бы разоблачена как игры, где даются и берутся крупные взятки. Кстати, за рубежом уже взялись за это. Скандал в Венгрии — там полиция разоблачила чуть ли не всю футбольную лигу. Я уже не говорю о процессах в капиталистических странах.

К числу распространенных корыстных преступлений относятся и хищения, злоупотребления при обслуживании спортсменов на сборах (например, манипуляции с талонной системой).

Во-вторых, надо говорить о превышении власти тренерами и воспитателями, в том числе о применении физических методов воздействия, понуждении к сожительству, сокрытии преступлений подопечных и т. п.

В-третьих, речь идет о бытовых хулиганских правонарушениях, о так называемой «разрядке» после психологического напряжения, основанной на уверенности в безнаказанности. Возьмем историю с Фетисовым. Я оставляю сейчас в стороне вопрос о том, кто ее скрыл в свое время. Военная прокуратура зафиксировала хулиганские действия с его стороны, сопротивление власти. Дело прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам. То есть если бы он не был Фетисовым, то находился бы на скамье подсудимых. У спортсменов, не обязательно всесоюзноизвестных, а начиная с районноизвестных и даже школьноизвестных, вырабатывается своеобразный иммунитет. Они не отвечают за поступки и проступки, за которые другие ответили бы сполна. Нетрудно прикинуть, к каким последствиям может привести подобное всепрощенчество. Речь идет не обязательно о строгих мерах наказания, но о его неотвратимости.

Наконец, о деяниях в ходе спортивных состязаний. Силовые виды спорта, конечно, требуют жесткого столкновения. Но вот перенесите сценки, в которых участвуют хоккеисты, футболисты, со спортплощадки на улицу. Участники тут же будут привлечены к ответственности. А здесь комментатор говорит: увлеклись наши дорогие

мальчики. И я смею утверждать, что демонстрация этих примеров во многом содействует созданию в спорте атмосферы, при которой значительная часть того, что в обычном мире считается преступлением, в общественном мнении самих спортсменов и их ближайшего окружения таковым не считается. Или по крайней мере считается, что «черная кость» за это будет отвечать, а нас, «элиту», за это никто не посмеет трогать. Прибавьте сюда огромную «свиту» болельщиков, в сфере которых преступления тоже не редкость. Ведь то, что выделяют фанаты в ряде случаев, является обыкновенным хулиганством, покушением на причинение тяжких телесных повреждений. Метание тяжелых предметов во время игры, использование древков флагов в драках между болельщиками различных клубов и т. п. — это ведь групповые хулиганские действия.

Не знаю, как в прошлом, но сейчас в спортивной среде создалась атмосфера попустительства уголовно наказуемым деяниям. А это не может не разлагать новые, молодые ряды спортсменов и околоспортивные круги, которые все это видят. Если ему можно, то почему мне нельзя — так рассуждают ребята в спортшколах. Не стоит забывать, что у нас наиболее криминальный возрастной контингент — это 18—24 года, и на втором месте — 14—17-летние.

— Да, подростки впитывают в себя, как губки, и дурное, и хорошее. Не проходят мимо них и примеры жестокости на спортивной арене. А ведь зыбкую грань между жесткостью и жестокостью в контактных видах спорта зачастую перешагивают очень легко. И если при этом еще достигают успеха...

— Тренеры вообще отдают предпочтение ученикам, обладающим качествами, которые можно назвать взрывоопасными, но которые способствуют успеху во многих видах спорта: обостренное самлюбие, та же природная напористость, даже агрессивность. Поэтому нередки эксцессы в ходе спортивных баталий. Стереотип агрессивности может при отсутствии противодействия закрепиться в характере и проявляться вне турнирной арены как противоправное поведение.

Психологи говорят, что жестокость развивается в младшем школьном и подростковом возрасте. Предрасположенных к ней детей легко выделить на улице. Они обрывают крылышки насекомым, мучают животных. Среди лиц, совершивших жестокие насильственные преступления, четыре пятых характеризовались в детстве повторяющимися фактами безнаказанного мучения животных. Нельзя, наверное, отрицать у некоторых и генетической предрасположенности. Но в 90 процентах это все-таки генезис, связанный с воздействием среды. Подросток-восьмиклассник ловил первоклассников, раздевал и сажал их на горячие батареи. Оказалось, что с ним в качестве наказания то же самое проделывал отец. Иногда нет прямого переноса метода, но есть перенос самого стереотипа. По некоторым наблюдениям, в половине семей практикуются достаточно жестокие телесные наказания. Ежегодно возбуждаются сотни дел об истязаниях детей, запирании их в темной комнате, кладовой, привязывании к кровати, лишении еды, тепла. Значительная часть случаев бегства детей из семьи, детдома, интерната, ПТУ порождена именно такими способами «воспитания». Школа же сообщает о подобном в одном случае из десяти, хотя она не может не видеть физических и нравственных последствий для ребят.

В детстве человек особенно восприимчив к жестокости. Наблюдает ли он ее со стороны или сам становится ее жертвой, в любом

случае это грозит непредсказуемыми последствиями. Кстати, переселение в отдельные квартиры ухудшает в этом смысле ситуацию. Там, в коммуналке, был хотя бы соседский контроль. Теперь его нет. Югославы исследовали зависимость уровня преступности среди несовершеннолетних от средней этажности зданий. Оказалось, что чем выше этажность, тем выше — при прочих равных условиях — преступность.

— До сих пор наш разговор шел вокруг действующих спортсменов и их молодой смены. Здесь проблем много, и они, безусловно, должны решаться. По-видимому, мы так или иначе еще вернемся в беседе к ним. А сейчас хотелось бы услышать вашу точку зрения на преступность спортсменов после завершения спортивной карьеры. Ведь наиболее серьезные правонарушения совершаются ими как раз в этот период.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О собственном будущем мы обычно не любим говорить. То ли сглазить боимся, то ли показаться хвастунами не хотим. А чаще просто не знаем его. Однажды, обсуждая с товарищем очередную информацию о нашумевшем деле рэкетиров-спортсменов, я услышал такую оценку:

— Да что там! От такой жизни на что только не пойдешь...

Произнеси фразу кто угодно другой, не придал бы, может быть, значения. Но обронил ее мой хороший знакомый, отличный спортсмен, чемпион мира в командных состязаниях. Не могу назвать его фамилии по вполне понятной причине. Я попросил его объяснить столь недвусмысленную реплику. Здоровый, сильный, привычный к жестким баталиям, он вдруг как-то сник, сгорбился и неожиданно выложил свою боль.

— Вот ты о будущем не загадываешь, а мне и загадывать нечего — все известно наперед. Ну, год, два я еще буду выступать. А дальше будет так: передо мной извинятся, мол, молодежь способная появилась, уступи место. Уступлю, куда деваться? А что сам-то буду делать? Десять лет я в большом спорте. Как думаешь, много денег накопил? Хочешь, скажу? Четыре тысячи на книжке. Плюс машина. Понимаю, у других и этого нет. Но ведь никогда и не было! Не жалко терять то, чего нет. У меня было, вернее, пока еще есть. Но все куда-то растекается. Хотя почему куда-то? Жена, дочь, престарелые родители. Да и живу, ни в чем себе не отказывая, на честно заработанные. И вот в тридцать с небольшим окажусь за бортом. Ничего делать не умею. Диплом, правда, есть. Тренерский. Только какой из меня тренер? Ребята, те, что ушли не так уж давно, теперь каменщики, могильщики, грузчики. Один в жэке слесарит. «Коллеги» и не подозревают, с кем водку пьют — с чемпионом... Я сейчас за пару сезонов, что мне остались, деньги постараюсь заколотить. Спекулью, конечно. А как еще, если много хочешь? Но ведь чепуха все это. На всю жизнь не заколотишь... Хорошо, если какая-нибудь должность в клубе подыщется. Скорее, нет. В школу физруком идти? Не хочу, да и не смогу. Можно, конечно, устроиться кем-нибудь вроде консультанта по здоровью на большом предприятии. Но тоска зеленая и зарплата — слезу вышибает. Тех, кто хотел бы работать, не возьмут. «Лапу» надо иметь. У меня ее нет, сам везде и всегда проходил. Так как мне выдерживать жизненный уровень, к которому я привык? У меня 300 рэ в ме-

сяц, езжу за границу, подарки красивые делаю жене и родным. И все вдруг в один день отберут. За что? Я ничего плохого не сделал. Мне кажется, даже, наоборот, кое-что хорошее.

Как подумаю обо всем этом, сразу тяжесть наваливается, злость на все и всех откуда-то берется. Вот и приходят мысли на ум... Не последую ли примеру бывших спортсменов, не поддамся ли соблазну: «Мы бывшие спортсмены, а ныне — рэкетмены...» В конце концов кто-то должен трясти всю эту гниль: проституток, фарцовщиков, кооператоров, — хотя и не каждый, понимаю, из «нэпманов», сволочь. Милиции, так сказать, в помощь... Будут деньги, будет весело... Не подумай, что я уже все решил и утвердил план на пятилетку. Я просто думаю о себе через 3—4 года. Как-то все сложится... Похоже, как говорю. И тогда я гроша ломаного не дам за собственную голову...

* * *

— Есть такое понятие — молчащий телефон. Представьте себе, что человек долгое время был кому-то нужен, с ним советовались, ценили, приглашали. А теперь все оборвалось, он не нужен никому. Стрессовая ситуация. Надо заставить о себе вспомнить. Как? Шумными делами. Зачастую выпивают с горя и хулиганят с горя тоже. Но дело не только в молчащем телефоне. Резко меняется материальное положение. А ведь у человека, помимо славы, были еще и хорошие деньги. Чтобы восстановить былое материальное положение, некоторые принимают предложения любых сомнительных элементов. А там уже недалеко до втягивания в банду.

Сравнительно редко спортсмены являются ядром банды. Есть и исключения, но, как правило, они «работают» на подхвате. Охрана, боевики — вот их амплуа. Руставели говорил, что каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Нам легко рассуждать на своем месте. Но попытайтесь все же поставить себя на место бывшего спортсмена, полного сил и устремлений молодого человека, привыкшего к успеху и совершенно не приспособленного к обычной житейской конкуренции. Он, если его не берут на работу, в спортивное общество, даже имея диплом, скажем, инженера, по сути никто. Друзей обычно нет. Есть, вернее были, меценаты, подобострастное окружение, которым он уже не нужен. Возникает мотивация преступлений либо для самоутверждения, либо для поддержания своего высокого в прошлом жизненного уровня, либо, если хотите, для мести обществу за такое отношение.

— Все, о чем вы сейчас рассказали, на мой взгляд, напрямую связано с понятием статуса спортсмена в нашей стране. Сегодня человек, посвятивший себя футболу, хоккею, гимнастике, изначально поставил себя в ущербное положение. Ведь другой человек, связавший свою судьбу со столярным, слесарным, инженерным делом, до конца дней остается уверенным, что его специальность у него никто не заберет. Спортсмен же стопроцентно расстается с ней на четвертом десятке лет, а то и значительно раньше. А что дальше — в полном тумане. По-моему, верный способ социально защитить спортсмена — это приравнять его деятельность к профессии.

— Видимо, вы правы. Здесь я не великий специалист, хотя в свое время занимался в секции бокса. Мне кажется, что мы неминуемо придем к профессиональному спорту, можно сказать, уже на полпу-

ти к нему. В конце концов надо же решать такие проблемы, как охрана труда спортсменов, компенсации за травмы — это же чистейшей воды производственные травмы. Футболист, хоккеист должны знать свои перспективы после ухода с арены. Была бы моя воля, я бы с ними наладил систему индивидуальных занятий по программе институтов и техникумов. Включение же их в обычные студенческие группы — чистейшей воды фикция. Они не учатся, не имеют такой возможности с их системой тренировок, соревнований. Пусть спортивные общества приглашают профессоров и доцентов на сборы и оплачивают их труд как репетиторский. Тогда появится надежда, что диплом, полученный спортсменом, будет не пустой бумажкой.

Есть спорт профессиональный, есть спорт любительский, а есть спорт массовый. Это три разные вещи. Одна из любимых тем нашей молодежной прессы — это разговоры о бедных детях, которые совершают преступления, потому что у них нет спортплощадок. Вот если они будут, дети перестанут быть плохими. 80 процентов детей, мол, любят спорт. Не спорт они любят, а разговоры вокруг него. Ну, еще мячик попинать на перемене. А занятия спортом с определенным режимом, самоограничениями, лишениями — это совсем другое, и дай бог, чтобы процентов 5—7 ребят пошли на такое. У нас есть анализ отсева трудных подростков, которых устраивают в спортсекции. Половина в течение трех месяцев уходит, не выдерживает режима. К чему я все это говорю? Да к тому, что пора честно признаться: спорт — это колоссальный труд, самая настоящая работа. Значит, вовлекая «трудных» в массовый или любительский спорт, надо уделять внимание не факту вовлечения в секцию, а индивидуальному контролю за режимом. А относительно «профи» — и платить за их труд надо как за любой другой, законодательно решить вопросы с пенсией, пособиями и многим другим. Попросту говоря, приравнять его к профессии. Может быть, тогда отыщется возможность готовить спортсмена не только как победителя соревнований, но и как грамотного, с широким кругозором специалиста. Подумайте только, как много проходит мимо атлета. О его нравственных началах некому и, похоже, незачем заботиться. Основы этики в программах подготовки отсутствуют, вне пределов спорта атлета не приучают и к чувству прекрасного. Зарубежные поездки сплошь состоят из соревнований и турниров, тренировок. Ни музеев, ни концертов. Конечно же, человек с низким культурным уровнем скорее ступит на преступный путь. Это аксиома.

— В былые, да и в нынешние времена тоже частенько ставилось под сомнение развитие некоторых видов спорта под предлогом, что учащаются случаи применения в преступных целях приемов бокса, боевой борьбы. Госкомспорт СССР пошел даже на запретительные меры по отношению к каратэ, кунг-фу, у-шу. Неужели на то были серьезные основания, и какой эффект дали подобные запреты?

— Ограничения на отдельные виды спорта я считаю не только неэффективными, но и социально бессмысленными. Нельзя бороться с телесными повреждениями, изымая ножи из хозяйственного обихода. В ряде стран разрешено ношение того, что у нас называли бы финским ножом. В ГДР, ЧССР, Польше. И ничего страшного не происходит. Тот, кто хочет убить, найдет чем. С моей точки зрения, силовые виды спорта с элементами боевой борьбы имеют такое же право на существование, как и стрелковый спорт. Во-первых, они формируют позитивные качества личности — самодисциплину, соб-

ранность, умение соразмерять свои силы и возможности с силами и возможностями окружающих. По моим наблюдениям, настоящие боксеры, каратисты, самбисты, дзюдоисты, как правило, не участвуют в бытовых стычках (речь не идет о бывших спортсменах, нанимающихся к преступникам). Сознание собственной силы диктует осторожное отношение к окружающим людям. Но повторю — это моя личная точка зрения. Во-вторых, у боевой борьбы есть не только техника, но и идеология. У нас, исходя из некоторых внешних элементов этой идеологии, скажем, подчеркнутое подчинение мастеру, не заметили основного — она учит сдержанности, неприменению силы во зло. То есть сила для защиты, а не для нападения.

Ни статистическим, ни иным путем не доказано, что лица, обученные приемам боевого спорта, чаще совершают преступления, чем лица, ими не владеющие. В конце концов есть и поговорка: против лома нет приема. В ряде случаев пьяный негодяй, вооруженный топором или ломом, представляет гораздо более реальную опасность.

Между прочим, зарубежный опыт в этом смысле достаточно показателен. Китай, Япония. В Японии вообще стабильно относительно низкий уровень преступности (хотя в последние годы она и здесь пошла вверх). Всем известно, что в этих странах миллионы людей в той или иной степени знают каратэ, у-шу. Но и у них отсутствует выраженная статистика, указывающая на опасность обучения боевым видам борьбы. Предполагаю, что, несмотря на запреты, кандидат в преступники найдет в случае надобности учителя. Конечно, можно привести как контрпример случаи, когда мастера спорта участвовали в разбоях. Или, скажем, ростовское дело, где руководители секций вступили в смертельную борьбу. Но все это отдельные факты. Системы никакой нет.

— Но ведь вы сами говорили, что статистика не ведется. Так, может, потому и не просматривается система?

— Верно, статистика многое могла бы прояснить. Однако через мои руки ежегодно проходят сотни уголовных дел. Наверное, закономерность «каратисты-преступники» я бы заметил.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В г. Бендерах Молдавской ССР была задержана группа преступников из 8 человек.

В ходе предварительного расследования установлено, что они занимались вымогательством (рэкет). Потерпевшими были в основном председатели различных кооперативов, а также лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью.

Четверо из членов преступной группы в прошлом спортсмены — кандидаты в мастера и мастера спорта по боксу и борьбе, призеры различного рода республиканских и союзных спортивных состязаний. В преступной группе наблюдались элементы иерархической подчиненности. Четверо названных спортсменов выполняли роль боевиков. Перед ними стояла задача непосредственного физического и психологического воздействия на конкретное лицо.

Так, «обрабатывая» кооператоров, они либо встречали их у дома, на улице, угрожая при этом физической расправой в случае отказа в передаче определенных сумм, либо вывозили в безлюдные места, где избивали и вновь назначали конкретный срок, в течение которого все-таки надлежало выдать деньги им лично или приходя-

щим от них лицам. В среднем запрашивалось от 5 до 10 тысяч рублей.

Надо заметить, что отдельные кооператоры выдавали деньги, но в органы внутренних дел так и не обращались. Одни объясняли это неспособностью милиции защитить их. Другие говорили, что существующая уголовно-правовая норма не предусматривает строгую ответственность за вымогательство.

Вот что говорят некоторые потерпевшие: «Разве это срок, который он получит за все, что делал в отношении меня? Лучше я отдам 10 тысяч, чем вновь через 2—3 года (здесь часто добавляют возможные варианты досрочного освобождения от уголовной ответственности) буду преследоваться теми же преступниками. Более того, после освобождения он наложит на меня «штраф», то есть денежную компенсацию за показания изобличающего характера как на предварительном следствии, так и в суде».

Так, гражданин Б. в беседе рассказал, когда, кем и при каких обстоятельствах подвергался актам вымогательства. Указал место за г. Бендеры, куда был вывезен и где был оставлен в бессознательном состоянии после избиения, у какого знакомого врача лечился, чтобы не обращаться за медицинской помощью в больницу, что следовало говорить о происшедшем, так как, по его мнению, характер телесных повреждений привлек бы внимание медперсонала, а это могло стать достоянием органов милиции, чего он избегал опять-таки по вышеназванным мотивам. Официальных же показаний он так и не дал.

Упомянутая преступная группа образовывалась в течение 5—6 месяцев. Преступную деятельность вела постоянно на протяжении полутора лет. За это время завладела 40 тысячами рублей, приобрела три автомашины, из которых две постоянно использовались для совершения преступлений. Кроме того, приобретались дорогостоящие импортные видео-, радиоустановки. Почти все числились работающими в различных кооперативах, что позволяло свободно распоряжаться временем, облегчало планирование и осуществление преступлений.

Двое членов группы ранее дважды судимы за кражи личного имущества, трое — по одному разу за хулиганство, другие ранее к уголовной ответственности не привлекались.

Из четверых «спортсменов-боевиков» двое ранее судимы за хулиганство.

Мастер спорта по лыжам В. Елисеев возглавил группу вымогателей в Тольятти. Она не засиживалась в одном городе и предпочитала путешествовать по стране. Действовали с умом, на первого встретившегося кооператора не бросались. Искали сведения о торговых работниках, директорах крупных универмагов, складов, хранилищ, узнавали их адреса и только потом приступали к делу. Угрозы не расходились с деяниями. Времени на долгое обдумывание не давали. Для убедительности, еще до выдачи денег, избивали, пугали ножами. Жертва обычно после такого нажима быстро выдавала требуемую сумму. А суммы были весьма немаленькие — порой десятки тысяч рублей. Но недолго просуществовала группа вымогателей. Когда группа захвата брала их с поличным, те не успели даже понять, что происходит. Суд приговорил главаря к девяти годам и семи месяцам лишения свободы, остальным «досталось» по восемь лет. Само собой, с конфискацией имущества.

Шумные дела в Ленинграде. Очень долго местных кооператоров,

ресторанных работников терроризировала группа Н. Альмяшева — некогда чемпиона мира и Европы по классической борьбе. В банду входили Р. Ибрагимов — призер чемпионатов мира и Европы все по той же классической борьбе, мастера спорта И. Смирнов, О. Гуняшин, В. Хлыбов. Отличительная черта боевиков — на сбор дани всегда ходили в спортивных костюмах. Впрочем, не только они. Многие рэкетеры-спортсмены предпочитают такую униформу. Эти к тому же серьезно заботились о собственной физической подготовке, постоянно тренируясь. Не только для того, чтобы выполнять «работу», но и на случай столкновения с милицией. Наверное, понимали, что от такой встречи не уйти. Их взяли прямо в ресторане «Москва» — главной вотчине. Не помогла и тренированность. Сотрудники отряда милиции особого назначения провели операцию в несколько минут на глазах изумленных посетителей...

* * *

— Будем помнить, что каратэ и ему подобное расценивается в азиатских странах прежде всего как вид искусства. Сами мастера относятся к своему делу чрезвычайно бережно. Как-то в интервью с японцем, обладателем восьмого или девятого дана, точно не помню, журналист поинтересовался, что он будет делать, если на него нападут двое бандитов. Тот ответил: постарается убежать. А если нападут пятеро и возможность бегства исключена? Буду кричать, звать на помощь, не задумываясь, сказал японец. По-моему, такой ответ — лучший пример отношения к своим возможностям больших мастеров. Но вот другая ситуация. Немало случаев, когда в том числе и спортсмены оказываются на скамье подсудимых, совершая, как ни парадоксально, благородный поступок — защищая слабого.

— Понимаю, о чем вы говорите. Защищая от нападения другого человека, спортсмен действительно может нанести серьезную травму. Но правила необходимой обороны на него распространяются полностью. В проекте нового уголовного законодательства есть две очень важные новеллы, связанные с необходимой обороной. Закрепляется право человека избрать тот способ защиты, который он почитает необходимым даже в случаях, когда у него была возможность уклониться от конфликта. Раньше суд всегда спрашивал: чего же вы вступили в борьбу, если могли просто уйти? Теперь в ситуации необходимой обороны, предположим, при защите женщины, ребенка, нанесение телесных повреждений даже с превышением по неосторожности пределов необходимости не будет наказываться. Потому что в состоянии боя очень трудно соразмерить опасность и защиту от нее. Думается, такие изменения в законодательстве принесут пользу и люди, обладающие навыками боевых видов спорта, не будут объявляться преступниками, совершая благородный поступок. Конечно, в первую очередь это касается спортсменов.

— Генрих Михайлович, воздействия искусства на умы людей мы с вами уже касались в разговоре. И все-таки... Современные фильмы-боевики, где главные герои всегда с великолепной мускулатурой отлично и, главное, красиво дерутся, безусловно, симпатичны молодежи. Срабатывает идея: если я пойду в секцию бокса или у-шу, я стану сильным, ловким, а главное, смогу одерживать победы. Спорт в данном случае — средство достижения определенной цели.

Но ведь мы несколько десятилетий подобные фильмы не пускали на экраны, показывали героев честных, благородных, идеологически грамотных. Однако так и не достигли цели, не воспитали того самого человека нового типа. Не слишком ли мы преувеличиваем действенность искусства? Многие большие художники не однажды высказывались, что, сколько ни клеймят, ни высмеивают пороки, меньше их от этого не становится... Наверное, в борьбе с преступностью, особенно такими новыми ее разновидностями, как рэкет, на силу искусства рассчитывать не приходится?

— Однажды мне пришлось участвовать в беседе с Владимиром Высоцким. Мы попытались его убедить в том, что его песни из так называемой «черной» серии о преступниках сильно влияют на личность. Он отвечал примерно так: помилуйте, это же песни-шутки, любой нормальный человек понимает, что это стилизация, а ни в коем случае не восхваление мира уголовников. Он, конечно, их ненавидел. Легенды о приклатненности Высоцкого, темном прошлом — чушь. Он об уголовниках иначе как с презрением не вспоминал. Мы предложили ему исследование. Взяли наугад 20 песен из «черной» серии. 86 раз работники правоохранительных органов назывались в них непочтительными кличками и содержались многочисленные призывы к употреблению ножа в качестве решения различных конфликтов. Когда интеллигентный человек на вечеринке включает запись — это действует как средство развлечь аудиторию. Когда ту же запись слушает молодой человек с низким образовательным и культурным уровнем — это для него жизненная программа. Ходить в театры, музеи, консерватории сложно, трудно. Он к этому не подготовлен. А войти в приклатненную среду легко и быстро. Песни любимого актера — ориентир в данном случае. И Высоцкий согласился с нами.

Да, фильмы, где море крови, насилие, обилие сцен с лихим применением приемов каратэ, бокса, самбо для приведения противника в бессознательное состояние, несут в себе дурной пример. Наш знаменитый разведчик Абель, культурнейший человек, говорил: «Когда разведчик перестает думать и начинает стрелять, драться, скакать по крышам, он как профессионал кончился». Но именно такими чаще всего выглядят в кино оперативные работники. В одной серии содержится больше драк, чем в деятельности всей московской милиции за неделю. К тому же преступник показывается на экране таким милым человеком, играет на гитаре, сидит в ресторане, имеет красивую любовницу. Осуждение преступника как представителя жестокого, кровавого мира не особенно видно.

Я не утверждаю, что такое искусство — первопричина роста преступности. Но оно определенным образом все же воздействует на разные социальные слои общества.

— Мы с вами не коснулись еще одной проблемы: роль в воспитании спортсмена его тренера. Причем здесь, видимо, надо говорить и о детских тренерах, и их коллегах во взрослых командах. Ведь стать преступником в один «прекрасный» момент невозможно, если до этого человек оставался порядочным. Значит, косвенная вина за преступников-спортсменов лежит и на их тренерах?

— Я уже отмечал, какого рода ребят хотят видеть у себя тренеры. Это вполне объяснимо. Но вот имея, так сказать, на воспитании бойких парней, тренер зачастую теряется в поисках воспитательной стратегии. Оценка его работы только одна — очки, секунды, голы. Тренеру не дадут премию за то, что он выпустил хороше-

го человека, а за чемпиона — дадут. Это касается работников и детских команд, и взрослых. Тренеры не чувствуют себя воспитателями в общечеловеческом, в общегражданском смысле. А некоторые сами подают криминогенный пример, когда вступают в сговор с судьями, с тренерами других команд, пускают в ход взятки. Какие же люди вырастут у таких педагогов!

Спорт страшно молодеет. В гимнастике, в плавании выступают почти дети. Громадные перегрузки не могут не травмировать психику юного человека. Тут, кстати, еще одна проблема. Я говорю о детском труде, который запрещен Конституцией. Тяжелая, изматывающая работа десятилетних детей! Впрочем, это другая тема, очень серьезная, в которой не последнее слово принадлежит юристам. Ясно видно: последствия нарушения психики чемпионов-подростков непредсказуемы и вполне могут выражаться в их антиобщественных действиях. Но тренеру и здесь не до того. В конце концов станет или не станет через пять лет его подопечный рэкетиrom, грабителем, насильником, наркоманом, его уже не будет касаться.

Так что, видите, проблема «спорт и преступность» чрезвычайно многогранна. Одним махом в ней не разобраться. Конечно, преобладающая масса спортсменов с их установкой на тяжелейший, изматывающий труд во имя честной победы никогда не свернет на сколький путь. Но нельзя закрывать глаза на тот тревожный факт, что зараза преступности распространяется. В том нет у меня сомнений. Смотрите, ведь спорт и наркотики когда-то были несовместимы. Сейчас распространяются средства допинга, которые, если разобраться, не что иное, как сильно действующие возбуждающие вещества, запрещенные к распространению. Кстати, здесь много невыясненного. Можно предложить квалифицировать соответствующие действия тренеров и врачей как покушение на нанесение телесных повреждений с косвенным умыслом, потому что они не могут не понимать, каким негативным образом допинг скажется на состоянии здоровья человека.

Я вовсе не призываю к тому, чтобы закрыть большой спорт ввиду его многочисленных недостатков. Я просто думаю: раз мы хотим создавать правовое государство, нам нужно юридически обосновать и место спорта в нем.

Беседу записал
А. ЧИЖЕВСКИЙ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

НЕ ВЗЫВАЙ К ЖАЛОСТИ

Не знаю, прочитает ли мое письмо девушка, которая назвалась Ириной К. (вы напечатали ее письмо в шестом номере журнала за прошлый год под заголовком «Рядом никого нет»), но очень хотелось бы, чтоб прочитала. Я хочу сказать ей — что же плачешься

ты, молодая ведь, ребенок у тебя есть... Неужели не хочешь принести ему радость, жить для него, радоваться за его успехи? У каждого в жизни бывают ошибки, малые и большие, но люди находят в себе силы и все перебарывают, чтобы жить. А ты...

Только облик человеческий, а на самом деле превратилась в ничтожество. Из-за наркотиков потеряла самого дорогого в жизни человека — мать. А ведь она верила в тебя, если судить по твоим же словам, до самых своих последних дней. Разумеется, тебя презирают и, ничуть не сомневаюсь, думают о том, что и ребенка можешь потерять. Ты пишешь, что плевать тебе на осуждающие взгляды близких. Но задай себе вопрос: во имя чего живешь? Для кого? Скажешь, ради ребенка? А зачем ты ему нужна такая? Имеешь ли ты право заботиться о нем, воспитывать его? С такими, как ты, закон поступает сурово — можешь лишиться материнских прав. И ребенок твой, смею заверить, не пропадет, не позволим. Плохо, конечно же, что расти он будет не с мамой, а в интернате, но разве можно доверять будущего гражданина страны такому человеку, как ты? И мы общими усилиями сумеем вырастить из него хорошего человека. Без тебя. Что ты способна ему дать, будучи «под кайфом» и, как пишешь, делая все «машинально». Неужто и ребенка ласкаешь машинально?

Оглянись вокруг — много есть людей с тяжелыми судьбами, но как борются они за жизнь! Приносят пользу не только себе, своей семье, но и обществу. Вот, например, у нас на работе есть молодая женщина, жизнь у нее не сложилась, двое маленьких детей, мать — алкоголичка, да и сама хлебнула лиха, в интернате росла. А как вспоминает о своем детстве? Любит, например, рассказывать, как в интернате пекли пирожки, о том, какие это радостные были дни. Заметь, не дома, а в интернате. Не мамы там, а чужие тети. О человеческой доброте вспоминает, не озлобилась. Хорошая мать, работник отличный. А ты... Кто, кроме тебя самой, виноват в твоих несчастьях? Она, видите ли, жить не хочет. А ребенок?

Мой тебе совет — перестань ныть и никогда больше не пиши дурацких писем. Коль уж есть в тебе такие силы, чтоб покончить счеты с жизнью, то почему бы тебе силы эти не направить на обратное. Собери их воедино и иди лечиться добровольно, тихо, анонимно. Придет день, когда ребенок не будет видеть тебя «кайфующей» и вдруг откроет для себя, что у него красивая, добрая, ласковая мама. Будешь растить его, воспитывать, учить добру, работать пойдешь, словом, станешь жить. Встретится еще тебе хороший парень, еще будешь счастлива, помани мое слово, ведь 23 года... Я искренне этого хочу, очень в это верю. Вот только не взывай к жалости — стыдно! Людям есть кого жалеть, подостойней тебя во сто крат.

З. СЕМЕНЯК,
служащая

г. ДНЕПРОПЕТРОВСК

ПРАВОСУДИЕ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ

ЗАМЕТКИ О ФИЛЬМЕ «ПРОЦЕСС»

На скамье подсудимых — вчерашние «хозяева жизни», руководители областной торговли, директора магазинов. Не станем гадать, кто именно послужил прототипами персонажей фильма «Процесс», поставленного Алексеем Симоновым по сценарию Анатолия Гребнева. Хотя в основе сюжета лежат вполне реальные уголовные дела о взяточничестве в московской и ростовской торговле, их узнаваемые черты весьма типичны и, увы, характеризуют достаточно распространенную ситуацию...

Начальник областного управления торговли Рунич (В. Самойлов) столь же спокойно брал подношения у подчиненных, как и его коллеги — в жизни — Трегубов из Москвы или Будницкий из Ростова. Поборы, какими обложил продавцов один из завмагов (А. Феклистов), мало чем отличаются от аналогичных действий бывшего директора московского гастронома Соколова.

Трудно удержаться от возмущения, когда слышишь их циничные признания. Ведь деньги эти из нашего кармана. В показаниях подсудимых довольно точно очерчен механизм их появления. Это даже не столько обман покупателей, сколько государства. Конечно, старые как мир способы жульничества, типа разведения сметаны кефиром, пока не сданы в архив. Но главным образом деньги добываются путем списания так называемой «естественной убыли». Списывается как испорченное масло, когда «оно у нас и часу не лежит». Зато и продавец не внакладе, и начальство довольно. «Хотите жить» — поступайте так. «Жить», в их понимании, это купаться в роскоши, ездить на выходные в Ялту и Сочи.

Если зритель вынужден после работы отстаивать очереди к полупустым прилавкам и не всегда имеет возможность поехать к морю даже в законный отпуск (а нас таких большинство), душу охватывают не самые добрые чувства. И все же давайте прислушаемся к оправданиям подсудимых, в один голос уверявших суд о наличии некоей системы, в которую все они были включены. Рунич, например, утверждал, что без нарушения законов невозможно было снабжать область товаром. Завмаг Ломакина (М. Полицеймако) навзрыд перечисляла «свои» расходы. На подсобных рабочих, грузчиков, санитарную инспекцию — словом, всех тех, от кого она только и слышала: «Алла, дай!»

Что это, вымысел? Вовсе нет. Директор магазина в реальной действительности вынужден платить за все — иначе грузчики не станут разгружать машину с товаром, электрик не будет ремонтировать проводку...

По подсчетам специалистов, такого рода расходы в магазинестотысячнике (имеется в виду годовой оборот предприятия торговли) составляют тысячу рублей. Вот и получается, что часть продук-

тов гибнет не столько в жизни, сколько на бумаге, в отчетных документах.

А потом они «воскресают» и распространяются по самым разнообразным каналам. Наша торговля зачастую загнана в угол уже тем, что товара не хватает — продавать зачастую просто нечего. В иных местах для его получения нужно платить вышестоящим начальникам, причем за выделенные тебе же фонды.

Подобная ситуация на протяжении многих лет была свойственна не только торговле. Порой наши хозяйственники были вынуждены подкупать чиновников лишь для того, чтобы экономический механизм мог функционировать. Это один из нелепых парадоксов административно-хозяйственной экономики.

Если «заменить экономику абсурда экономикой здравого смысла», то при внедрении в нее рыночных элементов многое отпадает само собой. Скажем, когда магазины смогут повсеместно иметь прямые поставки от производителей товаров и платить за них наличные, отпадет необходимость во взятках торговым начальникам, да и сами эти начальники не будут нужны в таком количестве. Покуда же нередко жулик-завмаг и нечестный мясник вместе с мздоимцем-чиновником делают общее дело, обманывая государство и покупателя. Перекачка взяток идет снизу вверх. Так возникает явление, имя которому — коррупция.

На скамье подсудимых резко выделяется своей непохожестью на остальных некто Жильцов. Парень из рабочей семьи честно работал на производстве. Однажды попал в общественную комиссию по проверке торговых предприятий. Его заметили и выдвинули туда же на руководящий пост. А вскоре начал жить по новым правилам. И когда Коломийцев, заместитель начальника управления торговли, сказал о своей поездке в Москву и намекнул на предстоящие траты, не раздумывая, передал ему 500 рублей, собранных жене на пальто.

Недоверчивый зритель может подумать, что такого просто не бывает. Бывает! Бывший министр автомобильного транспорта Казахстана Караваев не имел ни дачи, ни машины — просто жил по тем законам, которые диктовала административная система командования. Приведу его опубликованные откровения: «...у делового человека такое количество расходов, что никакого оклада не хватит. Приедешь в Москву за малотоннажками, а тебе вместо них спихивают большегрузные КамАЗы. И им все равно: хотите берите, не хотите — не надо. Что оставалось? Брал «дипломат» с марочным коньяком и «забывал» его в кабинете... И в рестораны приглашал. Зато потом — полное взаимопонимание». Конечно, все это никак не оправдывает его, и суд справедливо определил Караваеву соответствующий срок лишения свободы. И все же...

Однако ни в коей мере не прав Рунич, когда утверждает: «Вы судите нас не из-за денег, которые переходили из рук в руки, а из-за чего-то другого, к чему мы все имели отношение». Нет, судят их именно за «деньги, которые переходили из рук в руки». Пусть они, в известном смысле, дети сложившейся экономической системы, требовавшей для успешного решения производственных задач задабривания покровителей, поборов с подчиненных. Но, во-первых, при этом они не забывали о себе. И, во-вторых, поддерживали своими действиями неприкрытую круговую поруку, державшуюся на подкупе должностных лиц, число которых росло в геометрической прогрессии и втягивало в себя все новые и новые жертвы. В конце концов у

каждого из подсудимых был выбор — брать или не брать, давать или не давать. А коли у человека была свобода выбора, стало быть, он несет ответственность за свои действия.

Никто не снимал с правоохранительных органов обязанности борьбы со взяточничеством. Авторы фильма ставят вопрос о нравственной стороне этой борьбы. Следователь Амелин (В. Стеклов) одержим социальной ненавистью жильца крохотной квартирки к посаженным им на скамью подсудимых владельцам просторных апартаментов. Не имея возможности купить по поручению жены обыкновенные яйца, в одночасье пропавшие с прилавков, он нетерпим по отношению к тем, кто кормит своих породистых собак недоступным многим людям мясом.

Он, по-видимому, верно нарисовал схему взяточничества в областной торговле. Но, когда пустые клетки в ней заполняют живые люди, Амелин действует с помощью весьма сомнительных, с нравственной точки зрения, методов. Обман, плохо скрытые угрозы, обещание свободы за нужные показания — для него в изобилии взяточников все средства хороши.

Однозначно осудить безнравственное ведение следствия Амелиным зрителю помешает не только симпатия к герою, но и еще одно немаловажное обстоятельство. Речь идет о возникающих на его пути препятствиях, как только он пытается дотянуться до некоего Четвергова, крупного руководителя и покровителя взяточников. И вправду, бывает, следователям ставят палки в колеса при «выходе» на высокопоставленных коррупционеров. Прав Амелин, утверждая, что из-за депутатской неприкосновенности и членства в партийных комитетах часто вопрос о привлечении их к ответственности решается отнюдь не в прокуратуре. Однако все это не дает ему права игнорировать закон, творя произвол даже по отношению к малосимпатичным подследственным.

К принципиальным удачам картины следует отнести показанный в ней судебный процесс (а на его фоне развивается весь сюжет) и его действующих лиц. Пожалуй, впервые в отечественном киноискусстве он дан с такой полнотой и дотошностью. И, главное, «схвачены» важные детали поведения человека в суде.

Вот заседатель, промолчав все судебное заседание, решился-таки задать вопрос подсудимым и вдруг замолкает, смутившись собственной смелости, под удивленно-неодобрительным взглядом судьи. Нет, не зря «кивалами» припечатал таких молчаливых блатной жаргон. Далеко нам пока еще до того, чтобы люди, представляющие в суде народ, ощущали себя полноправными судьями.

Вот изворачивается свидетель-доцент, у которого судья тщетно пытается выяснить: при каких обстоятельствах он приезжал в магазин принимать экзамены у работающих там студентов-заочников. Никак не может припомнить, что было на экзаменационном столе — конспекты или коньячные бутылки.

Вот другой свидетель — известный артист, вхожий в богатый и хлебосольный (естественно, для «своих») дом Рунича, почему-то не подозревавший об источниках его доходов. Знакомое явление: на похоронах разоблаченного к тому времени взяточника Будницкого за гробом через центр Ростова к престижному кладбищу шли весьма уважаемые в городе люди.

Вот разворачивается извечный спор обвинения и защиты о юридической квалификации содеянного. Спор непростой. Когда один из подсудимых давал «вверх» деньги, возжаждав ордена (и его усилия

вознаграждаются), этот поступок полностью подпадает под статью закона о взяточничестве. В соответствии с ним уголовная ответственность наступает лишь тогда, когда деньги берутся «за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия». Но в жизни деньги часто дают вышестоящему начальнику «просто так» — за предполагаемое расположение, возможное покровительство. Именно так — «на всякий случай» — давали взятки некоторые подсудимые на экране. Суд квалифицировал их действия как взятку, и так скорее всего сделал бы и реальный суд. Но известное расхождение с законом налицо...

Остановлюсь, не стану больше перечислять вполне жизненные проблемы, подмеченные авторами фильма в нашей правовой действительности. Правда, их можно упрекнуть в отдельных неточностях в показе судебного процесса — секретарь судебного заседания то забывает сказать: «Встать! Суд идет!», то заходит (пусть и на минутку) в совещательную комнату после удаления суда для вынесения приговора. Но я готов простить им все «юридические ляпы» за полное и правдивое изображение судьи (Р. Аюпов).

Нередко представители этой профессии возникают на экране либо в застегнутом на все пуговицы мундире, либо в виде гротескно изображенных статистов. Здесь же судья Постников — живой человек, прячущий, однако, свои чувства, когда с величайшим достоинством и абсолютной невозмутимостью ведет процесс. Процесс весьма нелегкий. Его то и дело торопят «сверху», не дают спокойно разобраться в вине подсудимых, напоминая о народе, который «не хочет послабления преступникам». Возможно, это делается для того, чтобы в запланированной кем-то спешке «обрубить концы», ведущие к высокопоставленному покровителю. Но если даже суд толкают под руку под влиянием общественного раздражения против нечистоплотных руководителей, это недопустимо!

Должны быть какие-то ограничения воздействию возбужденного общественного мнения, пусть и в самых благих целях, на правосудие. Гласность гласностью, но уж слишком свободно чувствуют себя работники местного телевидения, расставляя в зале суда аппаратуру. А потом оператор по команде телережиссера снимает аплодисменты, возникающие после речи прокурора. И он же, оказывается, «зарубил» пленку с оглашением приговора. Что ж, вновь устанавливаются телекамеры, и судья под светом юпитеров — на этот раз в пустом зале — вновь приступает к чтению судебного вердикта. Что-то мешает отнестись к поведению судьи с пониманием. Давление сверху он игнорирует, сняв в совещательной комнате телефонную трубку во избежание «руководящего» звонка. А противостоять вмешательству в правосудие общественного мнения он еще не научился. Правосудие же, как и служенье музам, не терпит суеты...

Лев СИМКИН,
доктор юридических наук

СЦЕНЫ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой выясняется, что даже образцовый участковый не всегда знает, что происходит на его участке.

Утром, после оперативки, участковый уполномоченный Восточного райотдела, капитан милиции Процко подходил к территории Центрального рынка. Ноги его в начищенных до зеркального блеска сапогах ступали твердо, по-хозяйски. Кряжистый, широкий в кости, он словно олицетворял собой силу и власть. Фуражка сдвинута чуть набекрень. И начальство не придерется, и не совсем по-казенному.

Завидя участкового, торгующая семечками у ворот бабка подхватила мешок и с завидной для ее возраста прытью помчалась за угол. Процко глянул на часы. «Без четверти десять, а бабка Ульяна мешок семечек доторговывает. И где она их берет? Иную неделю по мешку в день продает. Семь мешков в неделю! — И решил твердо: — Завтра пораньше вон с того угла зайду. С полным мешком не побежит, а бросить пожалеет. Вот и поговорим, с какой такой нивы она урожай собирает».

Он пошел вдоль длинного ряда прилавков, на которых светился янтарным соком виноград, кучами темнели орехи и урюк... Над всем этим фруктовым добром разносился гортанный южный говор. И вдруг среди смуглых лоснящихся лиц Процко увидел незнакомку.

За прилавком, над кучей яблок и груш, стояла русская женщина. Она смутилась под удивленным взглядом участкового и, не дожидаясь вопроса, протянула паспорт и сложенный вдвое листок. Это была справка, мешающая ему, участковому, принять кое-какие меры к спекулянтам. Он оглянулся. Все стоящие за прилавком настороженно смотрели на него. Ох, как он ненавидел эти справки.

СПРАВКА

Дана настоящая в том, что у Арипова Хакима приусадебный участок и сад имеются.

Председатель сельсовета
(Б. Бекбулатов)

И подпись, и печать гербовая, и число недавнее...

«Что они, справки наперед, на все лето выписывают?! Опять Ариповы!» Он глянул на притихшие ряды и спросил строго:

— А кем ты ему доводишься? Жена, или любовница, или просто сочувствующая?

Женщина смутилась, покраснела, хотела что-то объяснить, но он уже повернулся на каблуках и, бросив через плечо: «Зайдешь ко мне!», пошел дальше.

«Сколько в стране городов и поселков, сколько рынков, и везде они...— с горечью думал он.— Везде эти наглые лица, все оценивающие, все покупающие глаза. Эх, была бы моя власть...» Дальше он старался не думать, потому как фантазия заводила его в такие дебри, что становилось не по себе.

Перед входом в главный корпус он посмотрел направо, где у павильона «Пиво» блаженствовали на свежем воздухе несколько ранних любителей этого напитка. Увидав участкового, они поспешно отступили в зал. Процко уже взялся за ручку двери, как заметил подозрительную толчею у галантерейного киоска. Одета в потрепанную спецовку личность явно старалась что-то сбыть. Процко направился к киоску. Личность хотела улизнуть, но замерла после окрика:

— Кавякин, стоять!

Мужчина неопределенных лет и неопределенных занятий, с большим синяком под глазом, сунул три пачки сливочного масла в окошечко киоска.

— Здрав-желаю, гражданин капитан,— выпятил он грудь и вытянул руки по швам.

Продавщица киоска выпихнула масло обратно и теперь придерживала пачки, чтобы не свалились на землю. Лицо ее было красным и злым.

— Где взял, Кавякин? Только не говори, что купил в магазине, а теперь продаешь по дешевке.

— Не понял-с,— изогнулся в притворно-угодливом поклоне Кавякин.— О чем речь? Если об этом,— указал он кивком головы на масло,— то я тут ни при чем. Не мое оно, ей-богу,— и дурашливо перекрестился.

— Ну-ну! Чье же?

— Не знаю-с. Только не мое.

— Как это — не твое?! Как это — не твое?! — закричала продавщица.— Иван Яковлевич, голубчик, да честное слово... Его это масло. Он мне хотел...

Участковый достал из кармана большой носовой платок, медленно снял фуражку, вытер внутри, смахнул со лба пот, сунул платок в карман и сказал:

— Пошли со мной. Оба.

— Как это оба?! Как это оба?! — закричала продавщица.— Я-то при чем? Пусть он подавится своим маслом, подлюга. Никуда не пойду. Некогда мне прохладиться. План за меня кто будет делать? Может, милиция, а?

— Не кри-чи! — раздельно произнес Процко.— О плане нужно было раньше думать. Масло не урони. Пошли,— и зашагал впереди.

— Хохол настырный! — и с треском захлопнула окошко.

Обойдя главный корпус, Процко открыл ключом дверь, на которой, под стеклом, крупными буквами было написано: УЧАСТКОВЫЙ.

Спросил:

— Где взял масло?

Кавякин молчал.

— Паспорт на стол!

— Нету. Потерял.

— Я те дам — потерял. Завтра же буду оформлять как ту-неядца. Сколько уже не работаешь?

— Да чего вы ко мне цепляетесь? Думаете, стянул я это масло? На кой хрен оно мне нужно, руки марать, срок зарабатывать... Крота это масло. Осталось у него, а ему пятки мазать надо... Он мне и спихнул. Ну, а я на слабенькую хотел разжиться.

— На «слабенькую» — это как? — удивился участковый.

— Видите, гражданин начальник, я эту гадость — водку — не пью, натура не позволяет. Мне нужно что-нибудь такое... — Он геопределенно покрутил рукой в воздухе. — Послабже, благороднее... А эта стерва... по двадцать копеек за пачку не желает...

— Это я стерва? — закричала с порога продавщица.

— Садись и помолчи, — гневно глянул на нее участковый. — С тобой после, потом. Кто этот Крот?

— Не наш он. Да и видел я его всего один раз... — проговорил Кавякин, делая знаки продавщице.

— Как это один раз?! — снова закричала она. — Как это один раз?! Ты что же это, а? Вчера вместе пиво пили. Позавчера... Сама видела. По целому ящику приносил. И масло не бутербродное, а настоящее. Я совсем и ни при чем. Он только подошел, сунул пачки... Они вчера с этим Кротом...

Кавякин презрительно щурился, а продавщица говорила и говорила, выкладывая все, что знала, стараясь заработать снисхождение.

Участковый слушал внимательно, запоминал детали, и не давала ему покоя тревога: «Как же так? Третий раз, а я ничего не знаю. Где же он берет? Три ящика масла! Нужно срочно сообщить в ОБХСС Спирина. Пусть помогает...»

ГЛАВА ВТОРАЯ, где показывается, как важно знать фамилию шофера-перегонщика.

Братья Ариповы — Хаким и Абрахим — были довольны поездкой. Целый вагон привезли они в Москву и сдали в рестораны столицы. Целый вагон! Правда, яблоки в вагоне колхозные. Но разве в целый, ба-а-альшой вагон колхозных яблок не поместятся ма-а-а-ленькие полвагона неколхозных? Конечно, дело это умственное, хлопотное, сложное. Оно и понятно, дуракам не доверят столько колхозного добра. Но раз доверили, нужно не упустить такой шанс. А кто упустит? Может, кто и упустит, только не Хаким.

Нужно довести яблоки целыми, актом списать то, что должно было испортиться, и еще чуть-чуть... В рестораны сдать по четыре рубля, а справку взять, что по три... Очень это умственное дело. Не каждый сможет. А Хаким может. Все он сделал, как нужно. Деньги посчитал. Много денег. Считать и то замучаешься. Поделили по совести. Колхозу — колхозное. Себе — свое и немножечко не свое. Разделили и выручку: Хакиму три доли, Абрахиму — одну. Так надо — Хаким старший брат, он везде договаривается, он везде в почете. Ему и деньги большие нужны: где заплатить, кому подарок купить... Ничего, аллах милостлив, умрет Хаким, тогда Абрахим будет три доли брат. Но вот беда, пятьдесят лет Х-

киму, крепкий он, не болеет. Мог бы и отдохнуть. Побережь здоровье. Отойти от дел. Уступить дорогу брату. Вразуми его, аллах, пусть не дожидается худого...

Абрахим распустил пояс, пощупал большую спортивную сумку у себя на коленях и закрыл глаза. Разбудил его настойчивый стук. Это пришел брат.

— Билетов на самолет нет,— сказал он,— и не будет десять дней. Но я знаю, как добраться домой, да еще и обогатиться. Завтра мы поедем в Южный порт, в автомобильный магазин. Купим машину и на ней покатаемся домой. Понял?

У автомобильного магазина народу тьма тьмущая. И говор разноречивый. На площади машины в рядах. И каких только нет! И УАЗы, и ГАЗы, и ЛУАЗы, и ВАЗы... Иностранные машины и «Волги» — отдельно. Потолкался у одной людской кучки, у второй... Вернулся к Абрахиму.

— Тридцать надо,— сказал он, щуря и без того узкие глаза.— Тридцать...

— Тридцать тысяч?! — ахнул Абрахим.

— Это тебе не арба,— оскалил зубы Хаким.— В Ташкенте за нее сорок возьмем. Понял?

Сделку совершили быстро. Хозяин машины — немолодой, седовласый — наотрез отказался гнать машину в Ташкент. Пришлось искать перегонщика. Но и в них недостатка не было. С десятков отираются у магазина. Все готовы сесть за руль и сорвать куш. Все разбитные, бывалые... Один только скромно, в сторонке, держится. Хаким сразу на него глаз положил. Подозвал.

— Ездить умеешь? Права имеешь?

Тот молча протянул водительское удостоверение. Хаким долго читал, шевеля губами, с трудом разбирая русские буквы, потом спросил:

— Как зовут тебя?

— Иван,— ответил перегонщик.

— Все русские — Иваны,— со знанием дела произнес Хаким.

Сговорились быстро. Кормежка дорогой, обратный билет на самолет и еще триста рублей. Недорого.

Хорошо ведет машину Иван. Всю Москву исколесили, никто ни разу не остановил. Накупили всего-всего... На своей машине не то что на такси — и счетчик не щелкает, и едешь куда надо, и стоишь сколько хочешь... И совсем не страшно с таким шофером.

Выехали за город. Шоссе ровное. Машина летит, как самолет. Сидит сзади Абрахим, слушает разговор Хакима с шофером, дремлет.

— Иван, почему ты не торгуешь? — спрашивает Хаким, и Абрахим представляет, как он хитро щурится.

Шофер медлит с ответом, усаживается поудобнее за рулем.

— А чем торговать-то? У нас и торговать нечем, да и не любитель я этого дела. Любую машину разберу и соберу с закрытыми глазами, а торговать не умею, стыдно...

— Стыдно?! Почему стыдно? — громко спрашивает Хаким, и Абрахим открывает глаза.

— Ну, как это... здоровый мужик и... яблоками торгует,— шофер хмыкает.

— Не каждый здоровый мужик торговать может, тут ум нужно иметь... — сердится Хаким.

— Это конечно...— соглашается шофер и умолкает.

Хаким продолжает спрашивать:

— Скажи-ка, почему ты, здоровый мужик, не работаешь? И не стыдно?

— Выгнали,— глубоко вздохнув, ответил шофер.

— За что?

— За пьянку, за что же еще?! Запой у меня был. Две недели на работу не ходил,— охотно поясняет шофер, но тут же спохватывается:

— За рулем я не пью, боже упаси...

— Ну, а теперь как?

— Вас отвезу, деньги получу, погужуюсь маленько, а потом устроюсь куда-нибудь.

Хаким заворочался на сиденье и сказал:

— Иваны все пьяницы и дураки. Все!

Шофер вздрогнул. Абрахим отчетливо это видел: шофер аж заикаться стал. Зря дразнит его Хаким, ох, зря. Но он старший брат, лучше знает...

Место для ночлега выбрали удачное — и не далеко от дороги, и не близко. Шофер с Абрахимом ужин готовят. Молчит Иван, говорить не хочет, сердится. Ничего, русские долго сердиться не могут, к утру отойдет...

Поужинали. Устроились на ночлег. Тесно в машине, но не холодно, дух только тяжелый. Вскоре на переднем сиденье захрапели. И только после этого снял Абрахим с колен тяжелую сумку, на пол поставил. Угнездился поудобнее и тоже заснул.

Утром увидел Абрахим, что поляна, и дорога, и лесополоса вся в тумане сыром, холодном. Трава от росы седая...

Шофер машину завел. Мотор загудел ровно, и в кабине заметно потеплело, но машина почему-то с места не двинулась.

— Поехали! Почему стоим? — закричал Хаким. — Машину сломал, осел?!

— Трава мокрая, роса большая,— оправдывается шофер, а сам желваками так и играет. Зря дразнит его Хаким.

— О, стадо баранов! — в сердцах воскликнул Хаким. — Ты чего сидишь?! — накинулся он на Абрахима. — Иди толкни.

Абрахим вылез из машины, уперся в багажник — тужится. Визжат колеса — ни с места машина...

— Чтобы аллах лишил вас обоих мужского достоинства,— ругается Хаким и сам вылезает из машины. Хлопнул дверцей. — Ну-ка! — отодвинул плечом Абрахима и тоже уперся в багажник.

Мотор заревел. Машина на трассу выехала. Вот уже по трассе движется. Скрывается в тумане.

— Ай-яй! Сумка с деньгами...— спохватился Абрахим и помчался за машиной. Следом пыхтел Хаким и кричал тонко, пронзительно:

— Иван! Ива-а-а-ан! Как твой фамилие? Ива-а-а-ан!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, или что бывает, если серая кошка покидает квартиру.

Наконец Витьке Кротову стало везти. Итак, сколько можно? Все невезуха да невезуха... В прошлом году еще началось. Выгнали Витьку с работы за пьянку, а через месяц жена к матери ушла. Не подумала, что, может, душа у него горит. Может, он так

внутренне переживает, поэтому еще больше пьет. И закружилось, понесло... Дружки, такие, как и он, несчастные, обиженные. Придет — выпить надо. Денег нет. Все из квартиры спустил. Допился, хлеба купить не на что. А вчера кошка из дому сбежала. Все мяукала, мяукала, жрать, что ли, хотела? Сам Витька тоже уж который день голодный... Вспрыгнула кошка на подоконник и полезла по раме. Витька испугался, уж не белая ли горячка у нее. А та срывается и лезет. Срывается и лезет. Долезла до форточки, мяукнула напоследок и прыг! Это с пятого этажа! Самоубийца. Выскочил Витька во двор подобрать разбитую. Нету, ни живой, ни мертвой.

Вечером, в тот же день, слышит Витька стук, тихий такой... А ему ни шевелиться, ни отвечать неохота. Молчит. Опять стук, уже громче. «Стучи, черт с тобой...— подумал он, хотел на другой бок перевернуться, и тут прояснилось: — А вдруг кто из дружков? — Поднялся с голой кровати.— Нет, те бы громче стучали. Кто тогда?»

Протопал к двери. Открыл. Во! Грущев. Сосед. Уж кого не ожидал. Даже растерялся.

— Это, Афанасий Никитич... Проходи, пожалуйста. Садись. Вот, на подоконник, что ли...

— Ничего, ничего, я постою.— Грущев глубоко вздохнул, медленно обвел глазами пустую комнату, задержал взгляд на голой панцирной сетке старой кровати и опять вздохнул. Витька начал злиться:

— Чего вздыхаешь, божий человек? Что, не по душе?

— Дерзишь вот, злобишься. А это нехорошо, не по-человечески. Попросил бы меня помочь...

Хотел Витька послать его куда подальше, да вовремя сдержался, вдруг...

— Дай трояк опохмелиться,— сказал он напрямик.

— И трояк дам, и еще кое-чем помогу. Ведь я давно за тобой наблюдаю...

— Это почему? — удивился Витька.

— Ждал, когда прийти на помощь тебе, когда ты оценить ее сможешь и ответить. И вот вижу — пришла пора.

— Вот и помоги на работу устроиться...— обнаглел Витька.

— Устрою. К себе на склад возьму...

— Грузчиком?! — воскликнул Витька, вспомнив, что кто-то ему говорил: Афанасий Никитич работает завскладом не то в потребсоюзе, не то на макаронной фабрике.— Грузчиком — никогда. Вот слесарем бы...

— Слесаря мне не нужны. А грузчиком — пожалуйста. Работа не пыльная. Через годок и права вернут, опять шоферить начнешь. Шофер свой мне очень нужен. Ну, как?

Вот с того дня и стало Витьке везти. Да еще как! В отделе кадров как родного приняли, без всяких проволочек, и на статью не глянули. Работа на самом деле не пыльная. И столовая дешевая. На полтинник можно вот так наестся. Да и Афанасий Никитич обещал двести колов платить. А за что? За день машину с мармеладом разгрузили. И это на трех грузчиков. Двое — те старые — косятся, ворчат. Черт с ними, пускай ворчат.

А на складе чего только нет — и мед, и спирт, и коньяк разный: и в бутылках, и в бочках; и грузинский и армянский, и даже французский... Но этот отдельно — за решеткой, под замком.

Недельку Витька отработал и заскучал. Ну что это... Никакого интересу. И только Афанасий Никитич отправился в контору сдавать какие-то документы, Витька вышел из склада — оглядеться. Обошел вокруг, везде бочки, ящики — пустая тара всякая штабелями сложена. Нечем поживиться, а еще горпищекомбинат называется. Цехов штук восемь. Скучотища! Только хотел отойти подальше — сигнал. Машина подошла к эстакаде. Витька, не торопясь, достал из кармана сигарету. Прикурил. Один из грузчиков — Федя Рябой, сухощавый, жилистый мужик, — уже выскочил из склада и открыл задний борт. Во дисциплина! Выдрессировал их Грущев. Зыркнул Рябой глазами на Витьку и кричит:

— Иваныч, кати!

Через минуту второй грузчик подкатил бочку. Рябой бросился помогать. Но хоть и небольшой порожек, да, видать, бочка неподъемная. Несколько раз они с криком: «Раз-два! Взяли!» — пытались закатить ее в машину. Витьку не звали, делали вид, что не замечают. «Договорились. Ну, черт с вами, — разозлился он. — Не хотите, не надо. Рвите пупы сами».

Грузчики попытались закатить бочку еще раз, опять неудача. Тогда Рябой крикнул шоферу:

— Мишка, подсоби!

Шофер вылез из машины. Потянулся до хруста. Сплюнул. Пнул ногой заднее колесо. Залез на него и, придерживаясь за борт, с любопытством уставился на грузчиков.

— Чего надо?

— Подсоби, — закричал, багровея от натуги, Иваныч.

— Трояк дай, подсоблю, — ухмыльнулся Мишка.

— Какой такой трояк?

— А тот, что Афанасий каждый вечер тебе дает. Тебе да Иванычу.

— Дурак! Тьфу! — Иваныч сверкнул глазами в сторону Витьки и покрутил у виска пальцем.

— Раз такой умный, то и кати сам, — буркнул Мишка и снова полез в кабину.

— От скотина! — выругался Рябой. Немного погодя он вернулся с доской. Действуя ею как рычагом, поднатужился, и бочка медленно покатила в кузов. Иваныч стал закрывать борт, а Рябой, размахнувшись, бросил доску, да так, что она пролетела рядом с Витькиной головой. Еле пригнуться успел.

— Ты чего это? — заорал он, но Рябой с Иванычем молча скрылись за дверями склада.

Шофер, оскалив зубы, завел машину и потихоньку поехал к цеху. Витька остался один. Очень уж ему не хотелось идти в склад. «А что, могут и по шее надавать». И тут он вспомнил — час назад, выбрасывая пустую тару через запасную дверь, он ее не запер. Пошел, дернул. Точно. И если только что был в смятении и не знал, как подступиться к грузчикам, то теперь в нем загорелось любопытство — чем они занимаются, что делают?

Осторожно протиснулся в дверь, закрывать за собой не стал — мало ли чего. И пошел по узкому коридору мимо ящиков и бочек. Дошел до угла, выглянул. Грузчики сидели в дальнем конце склада и что-то ели. «У-у, проглоты!» Витька пошел назад, мучительно соображая, что бы им такое устроить. Вышел за дверь, поискал глазами. Взгляд наткнулся на пустые ящики из-под сливоч-

ного масла. «Сейчас, только вот...» — он глянул назад. За дверью стояли полные, нераспакованные ящики. Целый штабель.

Витька на цыпочках прокрался до угла. Выглянул. Грузчики были на том же месте. Рябой что-то говорил, размахивая руками. Иваныч полулежал на мешках с сухофруктами.

И тогда Витька решительно схватил ящик масла и вытащил его во двор. Сунул в кучу пустых и вернулся назад. Второй ящик... Третий! «Хватит, хватит, — шептал он сам себе, но кто-то внутри его требовал: — Еще! Пусть знают... Пусть попрыгают...»

И только когда пять ящиков лежали у забора в куче тары, Витька остановился. Перевел дух. Вытер пот. Прикрыл плотнее дверь и вернулся назад к эстакаде. Уселся на солнышке. Достал сигарету. Руки дрожали.

«Пусть попляшут!» — подумал он со злорадством и вдруг сообразил, что грузчики ни при чем, наказал он своего благодетеля — завскладом Грущева. Догадка была так неожиданна, что Витька застыл с зажженной спичкой в руке. Спичка, догорев, обожгла пальцы. «Тьфу ты, черт! — выругался он, трясая кистью. — Надо же... Афанасий Никитич... Ну и что, а он им по трояку каждый вечер дает. А мне нет. Может, и не дает... Дает! Мишка врать не станет. Вот и пусть. Будет давать... перетащу назад».

Успокоившись, Витька покурил, прошелся вокруг склада, присмотрелся. Полные ящики среди тары были так незаметны, что он растерялся. И только когда подошел совсем близко, угадал их. «Вот здорово! — восхитился Витька и окинул взглядом забор. — А если оторвать низ у двух досок... Тогда можно утречком, пока Афанасий ходит на планерку, а грузчики пьют чай в складе, вынести ящики через эту дыру. Базар рядом. Двадцать пять кгэ масла... А оно в пачках. Пусть даже по рублю за килограмм — четвертная. А если по два рубля — полсотни! А по трояку... И то ниже цены, да плюс с доставкой, да без очереди, да сколько хочешь... Ого! Один ящик семьдесят пять... А пять?» — он аж зажмурился, прикидывая в уме барыши...

Да, везти ему стало страшно. И он подумал, как купит себе новый пиджак и пойдет к теще, на мировую с женой. Правда, в квартире пусто... Кошка, зараза, и та сбежала. Но ничего... Теперь вернется, теперь все образуется, раз начало везти...

Сигнал заставил его оглянуться, у эстакады стояла автомашина, доверху груженная ящиками. И Витька, довольно мурлыкая себе под нос, поспешил к ней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, из которой ясно, как важно иметь китайский термос на рыбалке.

После работы инспектор ОБХСС Василий Спирин с портфелем в руке вышел из Управления внутренних дел. Шел он быстро, сосредоточенно глядя перед собой, и так глубоко задумался, что не ответил на приветствие знакомого. А виной было сегодняшнее число — первое июня. Сегодня снимались запреты на ловлю леща, язя и других рыб, закончивших нерест. И Спирин старался не опоздать на вечернюю зорьку.

Рыбалка была его страсть — стойкая, постоянная. Не беда, что не всегда везло, наоборот, неудача разжигала азарт. Правда, выбраться подальше, в рыбные места, мешала суматошная, без твердых выходных работа. Ну, а в городской черте, где тебя знает каждая собака... Да даже и не в этом дело, просто ловить негде.

Одно место есть — у речного вокзала, чуть выше, там постоянно меняющую русло речку Каменку заковали в бетон, и она несет свои сомнительной чистоты воды в Обь. Вот здесь, на бетонных плитах набережной, располагается многочисленная рыболовная братия.

Туда, собрав рыболовные снасти в портфель, и торопился сейчас Василий Спирин. Теперь, когда показалась мачта речного вокзала, он пошел тише. Спускаясь по ступенькам набережной к воде, глянул на часы, было без четверти семь. Подсадовал на себя за то, что, как всегда, не смог вовремя уйти с работы. Ведь целых полчаса эдакой благодати потеряно.

Он молча, но с достоинством поклонился нескольким завсегда-таям, выбрал место между пожилым мужчиной с таким же, как у него, портфелем и двумя мальчишками, о чем-то оживленно перешептывающимися. Поставил портфель и только собрался достать снасти, как удивленные возгласы заставили его выпрямиться.

Там, где Каменка смешивалась с мутной после недавних дождей Обью, происходило что-то непонятное. Вот тяжело выбросился на берег здоровенный судак и неуклюже шлепнулся, подняв брызги. Веером в разные стороны сыпалась рыба мелочь, сверкая серебром в лучах солнца. Лещ блеснул боком и некоторое время так и оставался на поверхности воды. Другие рыбины перевертывались на спину и, вяло шевеля хвостами, плыли, влекомые течением.

— Опять в реку какую-то гадость сбросили, — возмущенно заговорил сосед. — И никто, поверьте мне, в ответе не будет. — Он вытащил из воды подлещика и принялся его рассматривать.

Спирин недолго пребывал в оцепенении. Выхватив из портфеля подарочный китайский термос, отвернул крышку и выплеснул ароматную дымящуюся жидкость на бетон. Затем подбежал ближе к устью Каменки и попросил мальчишку с высоко засученными штанинами набрать воды с середины.

Вернувшись домой, Спирин позвонил на квартиру начальнику рыбохраны:

— Приветствую, Иван Порфирич! Поди спишь уже...

— Рановато спать-то, светло на дворе, — добродушно пророкотал в трубке бас.

— А знаешь, чем отличается работа рыбнадзора от работы милиции?

— Ну-ну! Давай-давай. Чем тебе рыбнадзор не угодил? — И слышно было, как начальник рыбохраны еле сдерживает зевок. Это задело Спирина так, что он, уже не сдерживаясь, закричал в трубку:

— Тем, что милиция и за себя и за рыбнадзор работает! А вы — когда захотите, да когда погода позволяет, да чтобы не сильно темно было, да не слишком холодно...

— Тебя какая муха укусила? — удивился Иван Порфирич.

— А такая! Ты дома на диванчике книжку считаешь, а в Каменку сбросили какие-то яды, и вся рыба кверху брюхом поплыла...

— Ты такими вещами не шути, — сказал Иван Порфирич, и Спирин понял, что тот забеспокоился. — Много рыбы?

— Да уж не один пескаришка...

— Кто бы мог это сделать? Молзавод, автобаза? Пищекомбинат? А может, с верховьев сахарный завод?

— Ты начальник, ты и разбирайся. Беспокойной тебе ночи! — хмуро бросил Спирин и положил трубку. Он тут же вспомнил про термос с водой. «Ах, черт? Да ладно. Они теперь всю Каменку для анализа вычерпают», — подумал и хотел вылить из термоса, но, помедлив, снова положил его в портфель.

Поздно ночью Спирина разбудил телефонный звонок.

— Ты уж прости, друг, — рокотал в трубке знакомый бас. — Но долг платежом красен. Знаешь, чем отличается работа милиции от работы рыбнадзора?

— Ты, что ли, Порфирич? — еще плохо соображая, спросил Спирин.

— Я. Так вот, милиция не только своей работы не делает, но и другим мешает, беспокоит почем зря. Спасибо тебе за учебную тревогу. Чего молчишь? Ты где видел дохлую рыбу?

— В устье Каменки.

— Это тебе приснилось. Рано спать ложишься. Нет нигде и ничего. Проверяли на двести километров вниз. И бакенщики, и инспектора по рации передали — ни одной мертвой рыбешки. Ни одной!

— Как же так? — изумился Спирин. — Ведь я же сам видел!

— Ну, сколько ты видел?

— Штук двадцать...

— Я же у тебя спрашивал... А ты... Людей подняли, анализ воды сделали... Тьфу! Двадцать штук!

— Стоп! — воскликнул Спирин. — А что анализ воды показал?

— В пределах нормы.

— Не знаю, не знаю. У меня полный китайский термос этой воды. Я сейчас тебе привезу...

— Нет, с меня на сегодня хватит. Завтра утром! — произнес Иван Порфирич и бросил трубку.

Заключение эксперта было категоричным: в воде из термоса — коньячный спирт! И поведение рыбы объяснялось просто: «При попадании спирта большой концентрации в воду рыба старается избежать опасной зоны, но, попав в нее, чувствует возбуждение, связанное с учащением дыхательного ритма, расстройством координации плавания. Рыба опрокидывается на бок, на спину... Действие спирта похоже на действие наркотика. Однако по выходе из опасной зоны поведение рыб нормализуется, гибель не наблюдается...»

Прочитав заключение эксперта, инспектор ОБХСС Спирин удивленно воскликнул:

— Ого! Не какой-то спирт, а коньячный. Кто же это там расщедрился? Интересно... Очень!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой серая кошка возвращается домой.

Витька Кротов очнулся в больнице. Страшно болела голова и все тело. Полоса везения круто свернула в сторону еще позавчера. Все шло нормально. Три ящика масла он продал. Правда, с третьим заминка небольшая вышла. Осталось несколько пачек и — на тебе, старикан какой-то. Сначала хотел купить, потом что-то в нем пересилило. «Краденое, — кричит. — Иначе бы он так дешево не продавал. Вор!» — и пальцем скрюченным тычет Витьке чуть не в морду. Ох, ткнул бы его Витька, да народу много. И еще на шум подваливают... Сунул Витька остатки масла ханыж-

ке одному знакомому — и ходу. Пусть и он попользуется от Афанасия Никитича щедрот. Витька не в обиде. И так поболее двух сотен взял. И еще два ящика осталось.

Но только Витька в дыру пролез, как понял — беда! Не было пустых ящиков у забора, естественно, не было и полных. И пока он оглядывал с тоской место, где совсем недавно, какой-то час назад, лежали неполученные полторы сотни, как сзади его схватили за руки, за запястья, да так больно, что он невольно вскрикнул. Оглянулся — Иваныч, рот в ехидной улыбке растянут, губы словно две ниточки и глазки веселенькие...

— Ищешь чего? — спрашивает.

— Ничего не ищу. Пусти, — попробовал освободиться Витька. Куда там, как клещами. — Кончай шутить. Больно.

Тут из-за двери Рябой высунулся. Схватил Витьку за шиворот и, как котенка, поволок на склад. Афанасий Никитич сидит за столом, чистенький такой весь, смиренный: на голову веночек возложить — истый Иисус Христос.

— Отпустите его, — говорит, а глаз не поднимает. В тетрадку свою секретную смотрит. Все он туда записывает.

Рябой промычал что-то, но отпустил.

— Что же ты, Витя? Как мог ты так-то? — спрашивает Грущев, а в глаза не смотрит.

Притворился Витька дурачком и попер в наглую:

— А в чем дело, Афанасий Никитич? Что за произвол такой? — А сам подумал: «Все отрицать буду! Никто не докажет. Ничего не знаю. Ведать не ведаю. А деньги?!» — ужаснулся он и схватился было за карман. Заметили. Рябой шею сжал, Иваныч карманы вывернул, на стол выложил...

— Как же так, Витя? — опять Грущев. — Я же тебя, можно сказать, от беды спас, из петли вынул... Накормил. Работу дал. А ты...

Молчит Витька. Стыдно, конечно.

— Ну, один ящик украл, подкормиться решил — не возражаю. Дело житейское. Хотя попросил бы взаймы — я бы дал. А может, и подарил что... Я добрый... Но пять ящиков... — Он наконец поднял глаза на Витьку и, помолчав, добавил: — Иди в отдел кадров. Забери свои документы. Отпускаю без наказания, иди.

Витька боком-боком. А что, могут и поддать. Обошлось. Зато пали только, засвистели, да заржал Рябой, словно жеребец стоялый.

В отделе кадров сразу документы в руки — пожалуйста. Глянул Витька, а в трудовой книжке даже записи нет, как была тридцать третья, так и есть... Возмутился: это что такое? А бабенка ихняя грозит:

— Или уходи, или в суд передадим.

Плюнул Витька и ушел. Вот ироды, совести ни на грамм. Хорошо, хоть деньжата остались, не все пропил. Пришлось на пиво переходить. Но и тут не повезло. Участковый прицепился:

— Кто такой? Документы! Почему в рабочее время около пивного ларька отираешься?

В кабинет к себе привел. Допытываться стал. Витька сказал, что выгнали его с автобазы по статье, поэтому не может устроиться на работу. Ягненком прикинулся и уже подумал: проскочил. Ан нет!

— Где масло брал? — как обухом по голове.

Пришлось рассказывать все. Сначала вкратце, затем подробнее. Потом участковый позвонил куда-то. Минут через двадцать еще один тип приехал, в штатском, тот — ухо с глазом, заставил раз пять повторить и особенно интересовался теми тремя рублями, что Грущев грузчикам каждый день дает. Да и самим Грущевым тоже...

Витьке что скрывать? Рассказал все как было. Всю правду. Ничего не прибавил. Ну разве самую малость, про Рябого и Иваныча. Что, кроме трешки, они еще и по две пачки масла домой каждый день таскают. А что, не может такого быть? По одной уж точно. По их мордам видно. Такие морды честным трудом не наешь. А коньяк французский пили перед обедом, сам видел и сам пробовал. По полстакана Грущев наливал. Новая марка какая-то пришла...

Ну, поговорили. Взяли подписку, чтобы на работу устроился, и отпустили. Пришел Витька домой, и такая обида на всех взяла... Не выдержал — пошел к соседу. Ну-ка, выходи, Афанасий Никитич, поговорим! Позвонил. Долго через глазок разглядывали. Потом дверь открыл сам Грущев. Но в комнату не пустил. Ну что же, на, получай! Витька сказал небрежно:

— Обэхэсес вами интересовался. Очень... — и пошел назад, к своей двери, но не выдержал, добавил: — Так что ждите гостей.

Долго ответного визита ждать не пришлось. Минут через десять — звонок. Собственной персоной Грущев Афанасий Никитич, да с бутылкой. На бутылке этикетка нерусская, поди со склада, откуда еще... Со своим стулом. «Давай, — говорит, — мировую. Не потому, что милиции испугался, мне ее нечего бояться. Просто тебя жалко, опять каждый день пьяный, пропадешь...»

Выпили. Витьку развезло. Помнит только, что Грущев еще за бутылкой ходил, звал опять на работу, сто рублей всучил. И все пытал, кто тот в штатском был, о чем спрашивал...

Не пошел Витька на работу. Решил еще денек с друзьями погулять. Вечером по дороге домой зашел за ларек по малой нужде. Тут и... Мешок на голову... Больше ничего не помнит. Ни кто бил... Ни кто сбросил с набережной в воду... Ни кто вытащил... Кажется ему, будто Иваныч тоже причастен. За руки его таким же манером схватили, как тогда у склада. За запястья, да крепко... Но это только так — подозрения. Об этом он даже следователю не сказал. Знает — только скажи — затаскают. А кто виноват? Виновата судьба разнесчастная. Лежит Витька на больничной койке, горькую думу думает и понять не может, почему не везет ему в жизни. И вдруг голос знакомый: «А где Кротов лежит?»

Катерина! Дернулся. Чуть сознание от боли не потерял.

Катерина подошла осторожно, на краешек кровати присела, видно, плохо ей стало, но крепится. Руку Витьке гладит. Молчит.

— Как узнала? — спрашивает Витька, хотя догадывается: Афанасий Никитич сообщил, кто кроме.

— Участковый меня нашел — Иван Яковлевич, — вымолвила наконец Катерина. — Сначала строго так: почему, мол, мужа бросила? Даже покрикивать стал. Мамадя вступилась за меня, так он ее за двери выпроводил. Я перепугалась, думала, может, натворил ты чего. А он говорит: «Несчастье с ним, с тобой, значит, в больнице лежит».

Витька хотел сказать что-то, да Катерина расплываться стала. Дыхание перехватило. Слышит только:

— Домой заходила. Кошка у двери просится, мяучит. Впустила ее. Сегодня белить начну в комнатах...

— Вернулась, значит,— прошептал Витька.

— Ну, а куда я от тебя денусь? Не пил бы только...— Катерина платочком глаза вытерла.

— Я про Мурку...

— Вернулась-вернулась,— подтвердила Катерина.

— Вернулась...— шептал Витька.— Значит, должно повезти...

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой мы узнаем, сколько стаканов подсолнечных семечек в килограмме и сколько весит килограмм.

Наконец участковый Процко собрался заняться бабкой Ульяной. Накануне вечером он обо всем договорился со своим помощником, нештатным уполномоченным Николаем Лебедевым. Николай Михайлович долгое время работал мастером на заводе, а в прошлом году вышел на пенсию. Поначалу очень скучал и даже прихварывал, а потом напросился к участковому в помощники. Знали они друг друга давно. Завод, на котором работал Николай Михайлович, всегда присылал дружину в район рынка. Бессменным командиром этой дружины был Николай Михайлович. Человек добросовестный, смелый, на него можно положиться.

Наутро, в половине восьмого, как договорились, уже стояли на трамвайной остановке. Небо затянуло темными тучами, с которых северный ветер нет-нет да срывал мелкий дождь.

— Не придет сегодня твоя бабка,— сказал, поеживаясь под плащом, Николай Михайлович.— Не дотащить ей мешок с семечками... Отсырели за ночь, тяжелые...

— Да-а, погода нелетная. Добрый хозяин собаку во двор не выгонит,— в тон ему ответил участковый.

— Так то добрый...— невнятно произнес Николай Михайлович, загораживая спичку от ветра и прикуривая.— Что-то мало их, добрых, осталось...

— Посмотри,— вдруг воскликнул Процко и, схватив Николая Михайловича за руку, оттащил его за угол.— Смотри, бабка Ульяна, невзирая на погодные условия, без пяти минут восемь, как на работу... На «Жигулях» подкатила. Взгляни, какой у машины номер, а то я без очков не вижу.

— Эх ты, а еще страж порядка,— беззлобно подколот его Николай Михайлович и продиктовал номер.

— Теперь нам нужно свидетелей задокументировать. Желательно побольше. А то всякое бывает. Пойдет бабка в отказ — я не я, и семечки не мои... Вон женщина взяла полный целлофановый мешочек. Иди за ней. За углом узнай, сколько взяла и почем. Адресок запиши.

Торговля у бабки Ульяны шла бойко несмотря на непогоду, поэтому уже через полчаса у участкового набралось десятка два адресов покупателей.

— Пожалуй, хватит,— решил он.

Подошли к бабке Ульяне:

— Здравствуйте, участковый уполномоченный Процко,— представился Иван Яковлевич.— Прошу пройти с нами.

Бабка Ульяна обмерла и несколько секунд находилась в неподвижности, потом засуетилась, хватаясь то за мешок, то за приготовленные из газеты кульки. Видя, что посетители рынка стали

обращать на них внимание, Николай Михайлович подхватил мешок на плечо, участковый взял бабуку за локоть.

В кабинете бабука Ульяна попросила воды и заплакала. Заплакала, как плачут старухи, неслышно, с плотно сжатыми губами, часто вытирая слезы крепко сжатым в кулаке платком. Потом, немного успокоившись, проговорила:

— Отпустил бы ты меня, милочка. Вот те крест, больше никогда не приду,— она неумело перекрестилась и уставилась на Процко покрасневшими глазами.

— Отпустим, конечно,— устало проговорил тот.

— Вот спасибо. Дай бог тебе здоровья, милочка,— бабука засуетилась, собираясь уходить.

— Подожди, мать, ты вот что скажи — кто это тебя на «Жигулях» подвозил? — задержал ее вопросом участковый.

— На базар-то? — уже веселее переспросила бабука Ульяна. — Так это ж зятек мой — Пропастимов Сергей,— и добавила, тяжело вздохнув: — Пропасти на него, паразита, нету...

— Что так? Расскажи поподробней.

— Жила я в домике своем, вместе с дочерью. Старик-то помер у меня давно. Двадцать лет уж скоро. А пять годков тому и зятек нашелся. Привела доченька. Одна она у меня на всем белом свете. Выучила я ее. Институт закончила. Хорошая девка. И все как у людей...— бабука Ульяна уселась поудобнее, развязала под подбородком платок, сдвинула его немного назад, положила руки на колени и продолжала: — Год аль полтора прожили хорошо. Уважительный он, зять-то, был. Культурный. Буфетчиком в ресторане работал. А тут у него мать и помри, да и оставь ему квартиру... Стали мы все вместе в этой квартире жить. Куда мне одной-то? Продала домик за пять тысяч. Себе одну оставила на смертный день. Пенсию я семьдесят рубликов получаю. Хватит мне. А остальные — четыре — молодым отдала, им жить. Вот откуда и началось. Зятек мой разлюбезный машину захотел купить. Захотеть-то захотел, а где взять? На производстве ему не вырежут. Да и производство, так... Не завод же. Знать, надо с рук покупать. А с рук, милочка, она чуть не вдвое дороже. Денег не хватает. Он и стал подбиваться к моей тысяче. Куда она мне? Отдала. Поди, думаю, не хуже людей похоронят. Все одно не хватает. Назанимался мой зятек по горло. Купили машину. И он на ней погуливать зачал. Гулять-то гуляй, а долги отдавать надо. Где деньги взять? На работе полез не туда — выгнали, хорошо хоть не посадили. Стал он дочь донимать — неэкономно живешь, много денег тратишь. Поколачивать стал. Как только меня нет, он ее шпыняет. Из квартиры гонит. А куда нам? На улицу? Вот я и стала подумывать, как его ублажить да дочери счастье вернуть. В войну я нет-нет — семечками торговала. Нужда заставляла, чтобы с голоду не помереть. А тут от богатства. Вот она, жизнь-то... Стала думать, где семечек взять? С деревней уж давно не знаюсь. Вскоре зятек магазин мне нашел, кооперативный. Привел к директорше, говорит — как за себя ручаюсь. Так и пошло-поехало. Только хлопотно: мочи, просеивай да еще за мешок десятку сверх плати...

— Просеивать-то зачем? — не понял Николай Михайлович.

— А как же, милочка, что ж продавать такие, как в магазине?

Окончание следует.

Я утверждаю, ненаглядный мой читатель, что в наши бурные дни каждый любитель пива подобен шекспировскому Гамлету. Потому, что вынужден решать свои проблемы исходя из мучительного вопроса принца датского: «Быть или не быть?» Только, конечно, решает он его по-своему, как об этом заявлено в заголовке. И вот почему... Решили на самом верху: торговать пивом по-прежнему в основном в палатках и киосках, а не в магазинах. Но чтобы без доходов не остаться, придумали торговать без кружек, а только в тару покупателя. Допустим, хочешь холодненького пивка, пожалуйста, без всяких талонов дуй к ближайшему киоску, подставляй бидон и вкушай, сколько твоей душе нравится. Реформа! Да еще какая!

Ну что, скажем, проку было в пивной торговле в застойный и даже, еще прежде, в предзастойный период? Да ничего стоящего для продавца. Как было, напомним, если кто из любителей пива подзабыл. Подходит, скажем, некий гражданин к пивной палатке, имея в кошельке неприкосновенные для жены пару рублей. Подходит смело, не опасаясь стать банкротом. И покупает пару кружек. А продавец ему еще с улыбочкой: «Любезный, а соленых сухешек не пожелаете ли? А ставридки копченой?» А покупатель еще ломается, ставридку оную понюхает, поинтересуется, свежая ли, а засим еще долива пива требует после отстоя пены, поскольку на каждой палатке плакат такой висел: «Требуйте долива пива после отстоя пены!» Умные люди понимали: пена в кружке — это прямой навар торгового работника. А уж если продавец кружку после очередного клиента плохо помоеет, скандала не миновать!

Нынче про такое обхождение повсеместно забыто. И представьте: сообразительным оказался наш многострадальный, замордованный торговлей покупатель, приспособился к новым порядкам без особого труда. Из чего только теперь не пьют пиво: из молочных пакетов, из майонезных банок и цветочных ваз. А иные жаждущие даже из собственных ладоней вкушать «жигулевское» умудряются.

А куда деваться, если пива очень хочется, а в ближайших окрестностях никакой, даже самой завалающей тары обнаружить не удастся!

Так что с застойным периодом в пивной торговле покончено раз и навсегда, никто после застоя больше долива не требует. А куда доливать после отстоя? В молочный пакет? А кто определит, до каких краев доливать? Под обрез или ниже? И с наваром у продавцов теперь все в ажуре.

И приемов для обирания жаждущих клиентов везде придумали немало. Как, например, по соседству с редакцией в пивном павильоне на Трифоновской улице. Там автоматы пивом торгуют за двугривенные, на пене не заработаешь. А от размена монет запросто можно. «Каким образом?» — воскликнет наивный читатель. Нужен дефицит услуги. Нет, скажем, у вас двугривенного, не припасли. А есть целый рубль. Но его надо разменять. А касса для размена закрыта. Клиент, известно, ждет возвращения кассирши из подсобки, твердо веря, что рубль свой без помех разменяет. Потому как на двугривенные у нас пока дефицита не было. Мы их, слава богу, пока еще из-за океана не возим в контейнерах, так что в пути они задержаться не могли.

И вот ждет клиент, хотя и нервничает. А тут к нему подходит субъект, не очень свежесбранный, в поношенной одежде, и предлагает: «Торопишься? Хочешь разменять — за рубль 80 копеек получишь». Ну куда деваться бедному гражданину, ежели кассирши нет? Она чай кушает в подсобке с дефицитными шоколадными конфетами. Соглашается гражданин на такой обмен. И к вечеру, знающие люди подсчитывали, такой меняла на три бутылки запросто выручает. Конечно, не с кефиром бутылки, а с сорокаградусной...

А бывает, что станут у сосков автомата «спортивного» вида ребята и никого не допускают, давку изображают. Опять же субъект к концу очереди подойдет, узрит того, кто с бидоном и, пожалуйста, предложит: «Давай рубль, сейчас же твою емкость наполню!» И дают, потому как если даже очередь подойдет, все равно «спортивные» молодцы ототрут да еще по шее могут дать с возгласом: «Без очереди, дядя, лезешь!» И сколько эти молодцы рублей на созданной ими очереди загребут, никто не знает и никогда не узнает, даже если всю столичную службу БХСС на этот павильон напустить.

А то еще прибыль есть у тех, кто кружку с собой принес. В аренду ее сдает опять же за двугривенный, а под праздник так и за полтинник. Конечно, о какой культуре обслуживания может идти речь?

Так что автор, выходит, не зря вынес в заголовок гамлетовский вопрос! Без спортивного разряда в пивной павильон ходить не советуем — опасно. Конечно, среди граждан растет недовольство, ну, на это у райисполкома один ответ: с кружками дефицит! Скоро, наверное, в Западной Германии закупим, тогда, может, и полегчает. Правда, непонятно, почему в Грузии и Прибалтике пьют пиво из кружек, а в столице — из пустых молочных пакетов, но это никого не беспокоит. А зря... И из-за пива может какая-нибудь несанкционированная неприятность случиться. Так что, ненаглядный мой читатель, вопрос «Пить или не пить?» не совсем простой, а вообще даже социальный. И во многих регионах он такую окраску постепенно приобретает.

Вот в Новосибирске в Ленинском районе всего один киоск на всех жителей. Стоит он на проспекте Карла Маркса в окружении

жилых домов стандартной постройки. И жильцы домов в дни полочки очень страдают, когда на этот киоск сотни жаждущих, потрясая канистрами и бидонами, идут на приступ. Жалобы жильцов близлежащих домов горисполком исправно подшивает в папки, а пивной киоск стоит несокрушимым утесом: Пусть меня поймут правильно. Я абсолютно не за то, чтобы его прикрыть административным решением. Я как раз за то, чтобы рядовой любитель пива не изображал бы из себя чемпиона по боксу, подходя к киоску. Киосков должно быть больше. И пиво должно отпускаться в кружки. А зададимся, однако, вопросом: кому выгодна такая ситуация в Ленинском районе Новосибирска?

Но встает вопрос: как, однако, быть? Может быть, ограничиться только тем, что завезти в каждый киоск кружки? Нет, идти надо дальше, по пути цивилизованных стран с твердо конвертируемой валютой. И потому кружки в киосках — это хорошо, но это все-таки не выход. Не резон возвращаться к старым, застойным методам. Есть другой путь. В начале восьмидесятых годов на этот путь было решено вступить. Из Чехословакии и ФРГ в Москву доставили оборудование — автоматы-стойки, где продавали пиво с закуской — сосисками и прочим. А что за автоматы были — загляденье! Пиво строго по норме отпускали, сосиски тоже. И главное, такие неподкупные и принципиальные (как рассказывали очевидцы, приглашенные Минторгом в то время на смотрины), что никак нельзя было исхитриться чего-нибудь украсть. Около сотни таких автоматов, говорят, закупили.

Так где же они, посланцы новой пивной эры? Решил автор этих строк оседлать телефон и сие выяснить. Выяснять начал, как водится, с районного уровня. Заместитель начальника РПТО Дзержинского района Николай Николаевич Воынов на торговой ниве трудится давно. О тех неподкупных автоматах он знать не знает и, куда они сгинули и как, не ведает! Заместитель начальника управления организации торговли Главмосторга Вера Ивановна Пирожкова о них слышала, даже пообещала дать цифру, сколько их осталось, но... в последний момент оказалось, что в отчетах есть только общая цифра, без деления на своих и зарубежных по происхождению... Вера Ивановна переадресовала автора к своему коллеге — начальнику управления комплектации и снабжения торговли В. Хайдарову. Виталий Михайлович сказал неопределенно: вроде бы эти автоматы были перепрофилированы на торговлю квасом, вроде нет. Круг заинтересованных лиц замкнулся. Канули в Лету те неподкупные заграничные красавцы, которые могли изменить пивную ситуацию к лучшему! Опять же встает вопрос: а кому выгодна их пропаша?

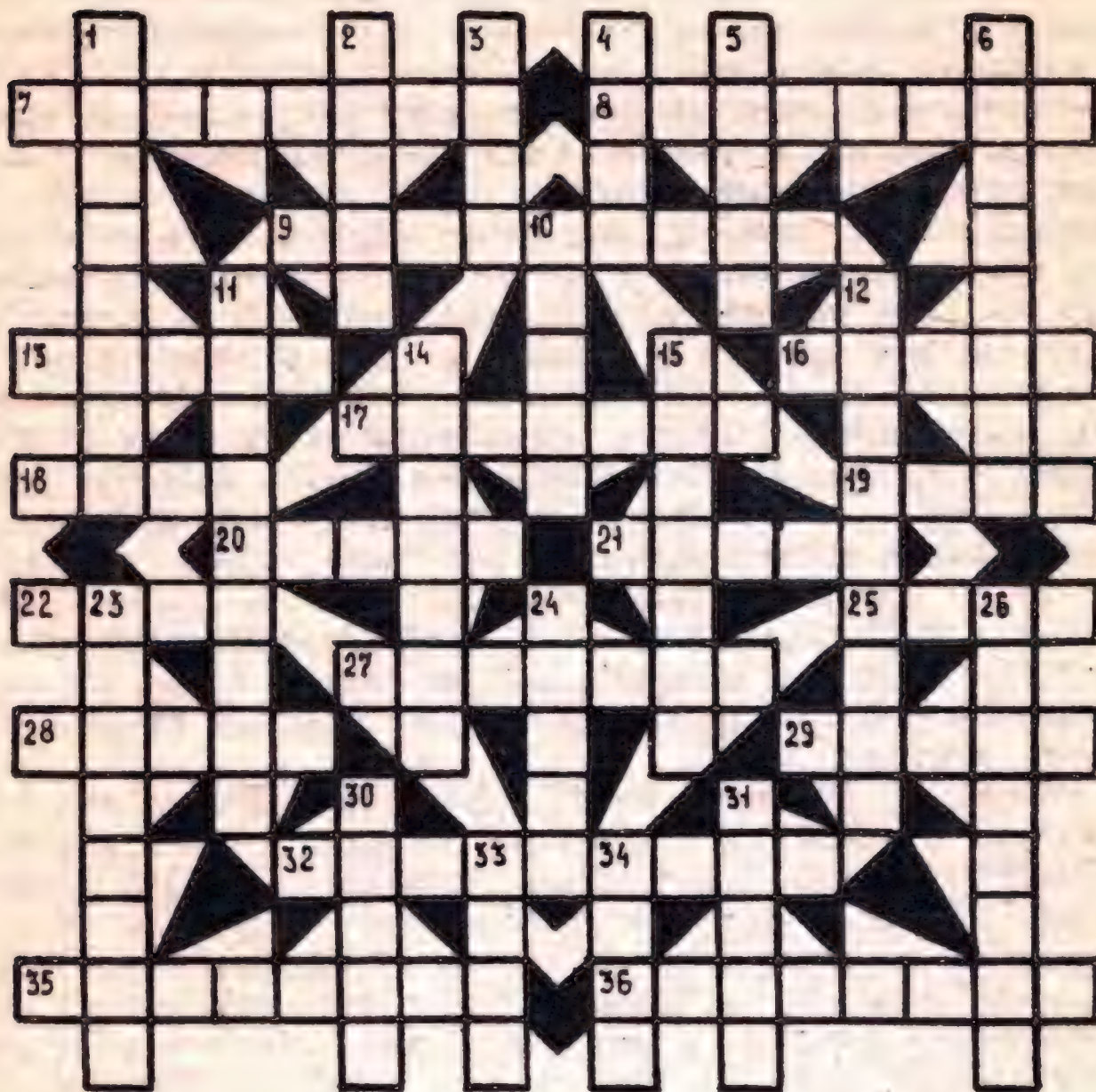
Я на этот деликатный вопрос отвечать категорически отказываюсь. Пусть на него ответят компетентные органы. И очень желает автор этих строк услышать их ответ до той поры, когда уйдет на пенсию по старости.

А как же быть любителям пива в наш переходный период?

На подобный вопрос опять же пусть ответят должностные лица, ответственные за эти проблемы. А пока, граждане, решайте этот гамлетовский вопрос исходя из обстановки и вашей, так сказать, «спортивной» формы.

К сему,

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 7. Новое достижение в процессе научного познания природы и общества. 8. Наиболее крайняя форма расовой дискриминации. 9. В международном праве вид материальной международно-правовой ответственности. 13. Мера материального воздействия, применяемая в случаях и порядке, установленных законом или договором. 16. Почетная государственная награда за особые заслуги. 17. Советский ученый-юрист, заслуженный деятель науки РСФСР. 18. Отдел в учреждении дореволюционной России. 19. Продолжительность трудовой и иной общественно полезной деятельности, исчисляемая в установленном порядке. 20. Мера пресечения в уголовном процессе. 21. Предельная норма. 22. Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка. 25. Акт Президиума Верховного Совета. 27. Советский ученый-юрист. Член постоянной палаты Третейского суда. 28. В Древней Греции жестокий правитель, насильственно захвативший власть. 29. Преступление, выражающееся в самовольном оставлении места отбывания наказания. 32. Орган городского управления в России с 1720 по 1864 год. 35. Вид предварительного расследования. 36. Уйти незаметно, потихоньку (прост.).

По вертикали: 1. Документ об окончании среднего учебного заведения. 2. Подразделение учреждения, предприятия, организации. 3. Денежное выражение стоимости товара. 4. Наказание, возмездие. 5. Римский юрист I века н. э., один из представителей классической римской юриспруденции. 6. Структурная часть нормы права. 10. Доход с капитала, имущества или земли, не требующий от получателя предпринимательской деятельности. 11. Препроводительный документ к перевозимому грузу, к передаваемому товару. 12. Противоправное поведение, влекущее дисциплинарную либо административную ответственность. 14. Французский кинорежиссер, автор фильма «Приговоренный к смерти бежал». 15. Совокупность судебных учреждений. 23. Российский революционный и военный деятель. В 1923—1925 гг. председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР. 24. Сыщик-любитель в детективном сериале английского писателя Артура Конан Дойля. 26. Прибор для измерения плотности жидкостей и твердых тел. 30. Ценности, имущество, принадлежащие государству (устар.). 31. Ставка или совокупность ставок обложения или оплаты за пользование чем-либо. 33. Форма отражения в мысли явлений объективной реальности. 34. Одно из основных прав, гарантированных Конституцией СССР.

Составитель Я. ЛЕЖЕПЕКОВ

Г. БОРИСОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Трибунал. 7. Прокурор. 9. Агент. 10. Тайна. 11. Следствие. 15. Ссылка. 18. Премия. 19. Договор. 20. Купон. 21. Табор. 24. Хищение. 26. График. 27. Депорт. 31. Исправник. 33. Алгол. 34. Район. 35. Эмигрант. 36. Приговор.

По вертикали: 1. Прогресс. 2. Пароль. 3. Кредит. 4. Дознание. 6. Банк. 8. Указ. 12. Собор. 13. Экзекуция. 14. Приоритет. 16. Колония. 17. Дотация. 22. Рента. 23. Проблема. 25. Протокол. 28. Истина. 29. Литера. 30. Долг. 32. Камо.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА**Задача 1**

В соответствии со статьей 40 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (статья 88 КЗоТ РСФСР и соответствующие статьи КЗоТ других союзных республик) при повременной оплате труда работы в сверхурочное время оплачиваются за первые два часа в полуторном размере, а за последующие часы в двойном.

Поэтому Салахову 26 сверхурочных часов, которые приходились на первые два часа работы, и были оплачены в полуторном размере, а 10 часов — в двойном. Надо напомнить, что законодательством установлено предельное количество сверхурочных работ. Они не должны превышать для каждого рабочего или служащего четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год (статья 27 Основ, статья 56 КЗоТ РСФСР).

При сдельной оплате труда, а также в тех отраслях народного хозяйства, где установлены единые тарифные ставки для рабочих-сдельщиков и рабочих-повременщиков за работу в сверхурочное время, доплата производится в размере, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Компенсация сверхурочных работ отгулом не допускается (статья 88 КЗоТ РСФСР).

Задача 2

Время простоя не по вине рабочего или служащего, если работник предупредил администрацию (бригадира, мастера, других должностных лиц) о начале простоя, оплачивается из расчета не ниже двух третей тарифной ставки установленного работнику разряда (оклада). Время простоя по вине работника не оплачивается (статья 94 КЗоТ РСФСР).

Сдано в набор 28.11.89. Подписано в печать 25.12.89. А 00759.
Формат 84 × 108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт.
7,56. Уч.-изд. л. 9,40. Зак. 1598. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 195 000 экз.). с фото-
форм ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии
издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

Зак. № 666

Рис. К. Мальцева

— Сегодня будем отрабатывать обнаружение наркотика...

Рис. Н. Щербакова

60 коп.
Индекс 71075

В армейских подразделениях, как и в жизни всего общества, идут перестроечные процессы. Чтобы быть хорошим воином, нужно знать право. Введены и новые должности — помощников командира по правовой работе. Об этом рассказывает запечатленный на снимке начальник юридической службы Московского военного округа полковник юстиции В. П. Наливайко.

